

ЛОБАНОВЫ XXI ВЕК

СамИздательство Б.М. Лобанова
Минск, Июль 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

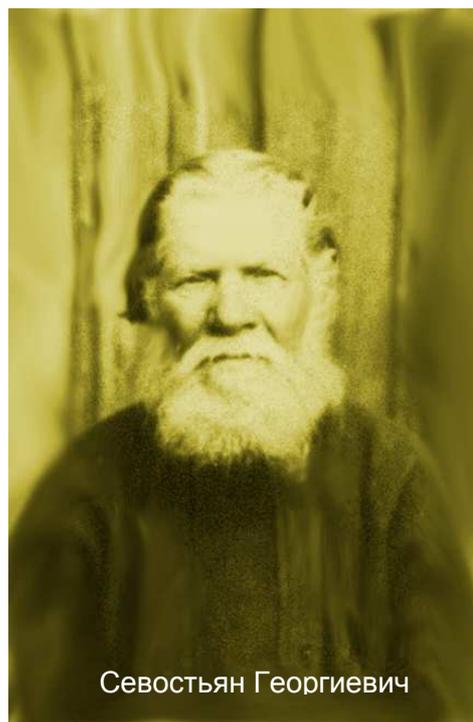
Эта книга появилась на свет благодаря настойчивой просьбе моей дочери Лобановой (Осипович) Анны Борисовны. Она составлена и отредактирована мною, Лобановым Борисом Мефодьевичем, и включает материалы, которые невозможно было бы иметь без активного участия и помощи моего брата Николая Мефодьевича, племянника Владимира Николаевича, моей жены Ирины Андреевны и дочери Ирины Борисовны.

Эта книга посвящается моим родственникам, коллегам и друзьям и, прежде всего, моим внучке МАШЕ и внуку ПАШЕ.

Часть 1. ЛОБАНОВЫІ: ДЕД, ОТЕЦ, МАТЬ, БРАТ, СЕСТРА, ЖЕНА

1.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛОБАНОВЫХ (в изложении брата Николая)

Мой дед, Севастьян Григорьевич Лобанов, родился в 1857 году, а умер в 1949 году. У него было трое сыновей и три дочери. Старший сын Василий пропал без вести во время Первой империалистической войны и потом объявился в 1950 году. Оказалось, что он попал в плен, жил в Германии и у него там было трое детей. Кто они и где - никому не известно. Старшая сестра, Антонина - жена Ильи Сотникова и мать Бронислава Сотникова, два других её сына погибли в годы войны. Она умерла в 1972 году. Бронислав тоже умер, и по существу, от

Севостьян Георгиевич

этой ветви осталось всего-навсего два сына Бронислава - Владимир и Александр. Младшая сестра отца, вторая сестра по возрасту Александра, была женой Ивана Сотникова (однофамильца) - отца Виктора Ивановича, лётчика.

От второго брака у деда родился сын, Егор Севастьянович, и дочка, Вера Севастьяновна, в замужестве Орлова, но никого из них в живых тоже не осталось. Из живых родственников, которые проживают в Литве, остались только потомки двоюродного брата моего отца, Лобанова Ивана. Вот у него остались сейчас: один сын - Анатолий Иванович, второй - Степан Иванович. Старший же его сын, Владимир, 1920 года рождения, умер в 1970 году. У Анатолия Ивановича есть два сына, тоже уже взрослых, Валерий и Геннадий, а у Степана - Александр и Наталья. От Владимира Ивановича остались

дочка Зина и жена Дуся, к которым мы, когда бывали в Тракае, заходили в гости.

Большинство потомков рода Лобановых покоятся на православном кладбище в Тракае. Почти у самого входа на кладбище с правой стороны есть специально огороженная территория, где покоится прах и деда Севастьяна, и дядьки Василия, и многих других родственников из этого клана. Причём, надо отметить, что кладбище хорошо содержится. Памятники хоть и убогие, но, тем не менее, видно, что кладбище незапущенное.

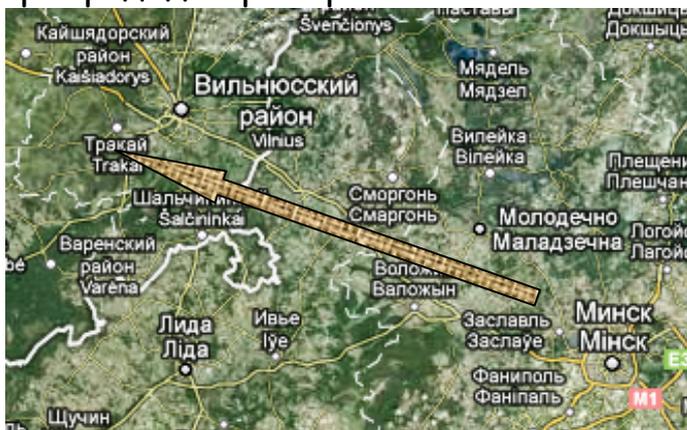
1.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛОБАНОВЫХ

(в изложении сына Николая - Володи)

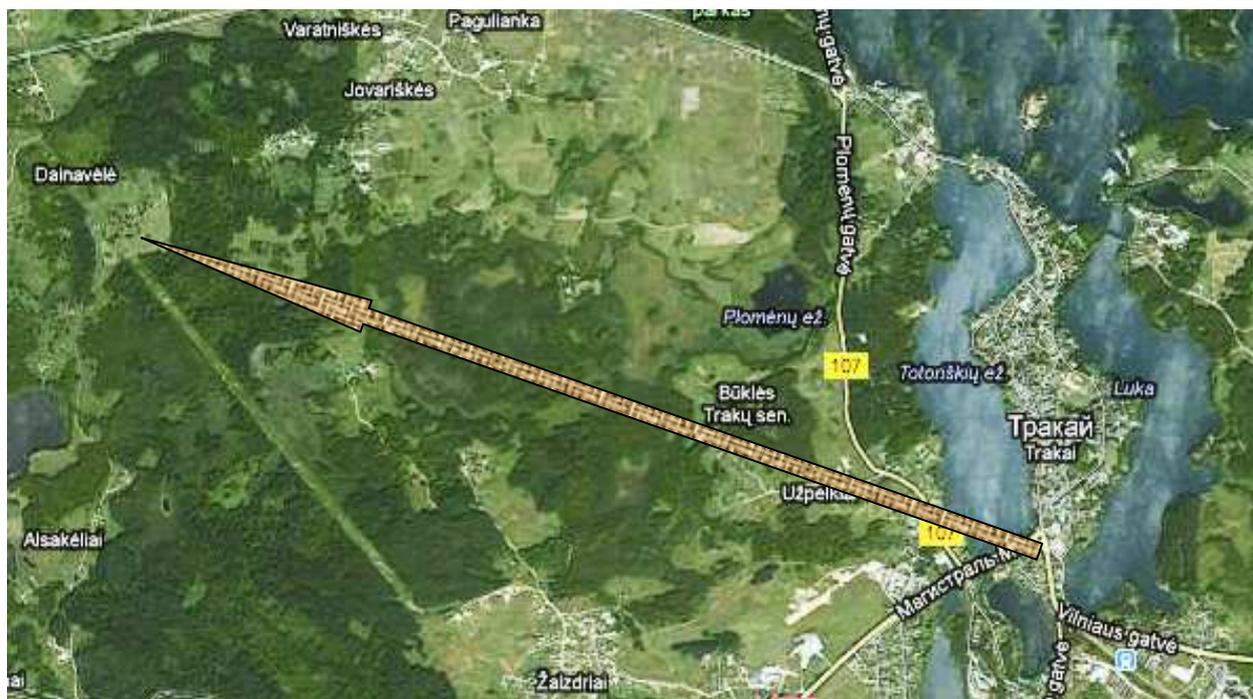
Как известно, после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году западная часть нынешней Беларуси и литовские земли отошли России. К этому времени можно отнести первое появление в тех краях нашего далекого предка Лобанова, так как по семейной легенде Лобанов был посадским человеком. Посадские люди - это отслужившие свой срок солдаты, за хорошую службу пожалованные землей и вольной. Они расселялись по новым границам России, где крестьянствовали и вели её охрану. Возможно, это был прапрадед Григорий, который родился где-то в 1820-1830 году. А, возможно, это был еще более далекий предок, родившийся где-то в 1750 году, отданный в 20 лет в армию и после 25-летней ратной службы жалованный землей в 1795-1800 году под древним городом Трок, и родивший отца моего будущего прапрадеда Григория.

Григорий, живя в деревне Гердутишки, пережил в 1861 году польское восстание, родил в 1855 (?) году Петра, а в 1862 году - моего прадеда Севастьяна.

Севастьяна, как гласит семейная легенда, отдали в примачи, женив его на владелице хутора с красивым названием Дайновка (по-литовски «daina» - песня). Венчание состоялось 25 мая 1886 года в Храме

Рождества Пресвятой Богородицы города Троки (современный Тракай).

Женой 24-летнего Севастьяна, жителя деревни Ягелишек, православного вероисповедания, канонира, состоящего в запасе армии, стала 18-летняя крестьянка деревни Олсок - Евдокия Михайловна Евдокимова, тоже православного вероисповедания. Поручителем жениха был Илья Петрович Лабанов (так все Лобановы были записаны в церковных книгах), крестьянин деревни Майдан.

Севастьян не имел прав на землю жены. Этот факт подтверждается тем, что деда Мефодия в 30-х годах вызывали в Иньорколлегию, где его ждали документы о том, что он является владельцем хутора в Литве. Дед Мефодий быстро написал отказ на владение принадлежащих ему земли и хутора в далекой от Сибири Литве. Дело в том, что по польским законам земля по наследству передавалась старшему сыну, а так как старший сын Василий (род. 1887 году), уйдя на войну в 1914 году, бесследно пропал, право на наследство приобрел младший сын - дед Мефодий (род. 1895 году). Как потом выяснилось дед Василий попал в плен к немцам. После революции 1917 года остался жить в Германии, женился, родил троих детей. В 1949 году в Германии подошел к советским солдатам, заговорил с ними. Этого было достаточно, что бы его арестовали и депортировали в СССР. Выгрузили его в Вильнюсе, совсем больным

(сильно били?), и в 1950 году он умер. Похоронили его рядом с его отцом Севастьяном на православном кладбище в Тракае. Возможно, они даже встретились после стольких лет разлуки. Неисповедимы пути Господни. Не исключено, что в годы второй мировой войны правнуки моего прапрадеда Григория, двоюродные братья, стреляли друг в друга, находясь по разные линии фронта (сыновья Василия с немецкой стороны, а сыновья Антонины с советской).

Севастьян был родным братом Петра. В 1911 году во время "столыпинской" реформы крестьян расселяли из деревень, где было мало земли, по отрубам и хуторам. Для этого тянули жребий, и прадед Петр, родной брат Севастьяна, вытянул надел в Гердутишках, - где-то 17 гектаров земли, из которых 3 были лесом. На полученной земле Петр построил дом, в котором почти до 1979 года жил его сын Иван (двоюродный брат деда Мефодия). До 1961 года в большей части дома была сельская школа.

За горой, на хуторе Дайновка жил наш прадед Севастьян с сыновьями - Василием, Мефодием и дочерьми Антониной и Александрой от первого брака, и с Георгием, Марией и Верой от второго брака, в который он вступил в 1901 году, после смерти своей первой жены Евдокии. Вторая жена - крестьянка Трокской волости Большакова Анна Петровна была младше своего 38-летнего мужа на 16 лет. Информация о годах её жизни не сохранилась.

На горе у хутора Дайновка было верховое болото, из которого брали воду, так как в колодце вода была очень плохая. Еще в 70-х годах на болоте была цела старая дубовая колода, на которую становились, чтобы разогнав лягушек набрать из болота воды. В 1999 году мы нашли только след от болота - специфическую растительность, растущую, как правило, только на заболоченных местах.

2.1. ОТЕЦ

(из стенограммы рассказа брата Николая, записанной в 2004 г.)

Отец мой, Лобанов Мефодий Севастьянович, родился на хуторе Дайновка близ г. Тракай (Литва) в семье небогатого крестьянина.

Кроме отца были брат и три его сестры. Брат в период Первой империалистической войны пропал без вести и объявился только в 1950 году, находясь в Германии. Сестры отца во время Первой империалистической войны эвакуировались в Москву, а отец в 1916 году был призван в ряды русской армии и прослужил там до Февральской революции.

Семья жила бедно, не смотря на то, что земли у них было предостаточно: где-то около тридцати десятин. Но почва там бедная и хлеба, как любил говорить отец, не всегда хватало до нового. Естественно, живя на хуторе, дети школу не посещали, поэтому отец ушел в армию совершенно неграмотным. Он не умел ни читать, ни писать и только в армии в окопах Первой империалистической приобрёл элементарную грамоту.

Как я уже говорил, после Февральской революции отец взял отпуск и поехал навестить сестер в Москву. Он пробыл там некоторое время, и в это время произошёл Октябрьский переворот. Естественно, ни о каком возвращении в действующую армию разговора не было, и отец примкнул к Красной гвардии и с ними начал свой боевой путь в период этих революционных дел. Сначала, из Красной гвардии перешёл в Красную армию и был послан на Колчаковский фронт. Там его Часть разбили и рассеяли, и в результате он оказался в Новосибирске без занятий и, по существу, без средств к существованию.

Одновременно там проводилась мобилизации в Колчаковскую армию и его, как человека призывного возраста, мобилизовали в армию и он два месяца служил у Колчака в охране военных складов. Потом он встретился со старым знакомым, ухажёром его сестры Тони, Сотниковым Ильёй Михайловичем. Тот был парнем оборотистым и сказал: «Что ты отираешься здесь у колчаковцев? Пойдём к Рогову». А Рогов - это был анрхист, атаман Рогов. Какое-то время они побыли у этого Рогова, но им там не понравилось и они рванули снова в Красную армию. И вот с Красной армией до

двадцатого года отец странствовал по Сибири и уже в двадцатом году его определили председателем Сельсовета в деревню Печёркино. Одновременно ему вменили в обязанность быть милиционером.

Поскольку никакой зарплаты в то время никому не платили, ему пришлось искать возможность как существовать. Ему подсказали, что здесь есть семья без хозяина, что был такой маслобойщик Снарский, но умер. Отец пошёл туда и познакомился. Смотрит - молодая девушка стриженная наголо, старушка и еще трое маленьких детей. Отец остановился и стал у них жить, и через некоторое время решил создать семью. Но в то время регистрации никакой не было, естественно, попов там тоже никаких не было. И этот неосвещённый брак просуществовал всё время вплоть до 1961 года, когда родители решили, наконец, оформить официально брак и зарегистрировались уже здесь в Минске.

Дом, где проживала наша семья, находился около старицы реки Ур у крутого берега. Я это хорошо помню, потому что мы часто с сестрёнкой Ниной ходили и горланили на филина, стоя на крыльце: «Филин фу-гу дай нам шубу, я замёрз!»». Затем отец решил построить свой дом и переехать на выселки недалеко от деревни Печёркино. Я тоже помню как строился этот дом. Мне было тогда, видимо, года три, а может четыре, но элементы строительства я помню. Помню, такой сарай на сваях и дом на таких чурках стоял, и невдалеке, еще помню, был ручей.

Жизнь налаживалась, отец хорошо вел хозяйство, имел даже двух лошадей. Но тут началась коллективизация, и его как коммуниста обязали создать коммуну. И вот он создал коммуну. В коммуну записались, естественно, самые малообеспеченные, маломощные люди без

инструментов, без тягловой силы. Но, тем не менее, весь скот, всё пришлось отдать в коммуну. Мать, конечно, очень возражала против всех этих действий. Но, тем не менее, это произошло. Потом она, очевидно, постоянно пилила отца, но дело так и не сдвинулось с места. В 1932 году пришла из Москвы директива: распустить коммуны и организовать крестьян в колхозы.

Распустив коммуну, отец с разрешения районных властей уехал на жительство в город Прокопьевск,

где поступил работать забойщиком на угольную шахту им. Молотова. Вскоре отец снял квартиру и перевез всю семью, за исключением тёти Юли, которая вышла замуж в деревне Течёркино.

В это время на шахте развернули Стахановское движение, и отец не раз выходил победителем в соцсоревновании. Дважды ездил на слёт стахановцев в город Новосибирск и привозил оттуда премии: один раз - библиотеку, другой - патефон с двумя альбомами пластинок. Эти пластинки - в основном классику - я, а затем Боря, постоянно крутили, слушая. Как результат, мы оба получили неплохое музыкальное образование, поражая сверстников ариями из опер.

Также вручались переходящие мандаты, которые давали право на бесплатное посещение кинотеатра, а также «Изотовского» магазина, где продавались дефицитные товары.

В Прокопьевске вначале поселились на нижней Голубевке в купленном домике, в котором жили до 1935 года. Затем, в 1937 году отцу как стахановцу дали квартиру в 4-х квартирном деревянном доме барачного типа на Верхней Голубёвке.

2.2. ОТЕЦ

(воспоминания брата Николая, написанные им в 1995 г.)

Сто лет тому назад в 1895 году на западной окраине Российской империи на хуторе близ города Трок (ныне город Тракай) в семье крестьянина Севостьяна Григорьевича Лобанова родился мальчик, окрестив которого в православной церкви, нарекли редким именем - Мефодий.

Детские воспоминания отца связаны с бедным крестьянским бытом: одевались в домотканые одежды, спали на соломе. Солому каждый вечер настилали на пол и застилали дерюжкой. Все дети спали вместе, вповалку - старший брат и две сестры, которые были старше его на 8, 4 и 2 года, соответственно.

Вокруг хутора на холмах рос лес, а внизу было болото, из которого брали воду для хозяйственных нужд, так как колодца на хуторе не было. Спустя много лет я вместе с отцом посетил хутор. Старый дом не сохранился, но люди на хуторе жили в другом доме и по-прежнему пили воду из болота - и это уже в наше время.

В Тракае и его окрестностях много русских - это потомки солдат, осевших на этих землях после присоединения Польши к Российской короне. Несмотря на то, что в судьбе этих русских было много перемен: после октябрьской революции эти земли отошли Польше, в 1939 стали литовскими, они сохранили в неприкосновенности свой язык и обычаи.

В настоящее время в Литве проживают потомки двоюродных братьев отца - Ивана и Егора. В Вильнюсе живет Лобанов Анатолий Иванович и его сыновья, Валерий и Геннадий с детьми. В Тракае живет Лобанов Степан Иванович и его дети Александр 1965 года и Наталья 1967 года, а также жена умершего Владимира Ивановича Лобанова - Евдокия (Дуня) и их дети: сын Николай и дочь Зинаида.

Сын дяди Егора - Петр Егорович 1930 года рождения живет в Лентварисе, а второй - Михаил Егорович Лобанов 1931 года рождения в Вильнюсе.

Первая мировая война, а затем революция разбросали семью. Первым ушел на войну старший брат Василий, затем в 1916 году отец. Его сестры Тоня и Шура бежали от войны в Москву. Старший брат Василий уйдя на войну, пропал без вести, но не погиб, а был пленён.

Оказавшись в немецком плену, после революции в Россию не вернулся, остался в Германии, где женился, родил троих детей, но о его детях достоверно ничего не известно.

После поражения Германии во второй мировой войне Василий Лобанов органами НКВД был интернирован на родину, где вскоре умер. Василий похоронен на старом тракайском кладбище рядом со своим отцом - Севастьяном и другими Лобановыми.

Годы окопной жизни для моего отца не прошли даром. Он не только овладел оружием, но и научился читать и писать. Школу в детстве отец не посещал, уходя в солдаты, он умел только считать. Обучаясь грамоте по прокламациям, он активно приветствовал революцию, особенно октябрьский переворот.

Мне было интересно знать, как неграмотный солдат воспринимал цели революции, различал ли политические течения, почему пошел в красную гвардию, а не к белым. Почему примкнул к большевикам, а не к эсерам или анархистам? Из его ответов я понял, что ни о каких политических программах он и понятия не имел, а свой выбор сделал так: нужно идти за теми, кто призывает к свободе, кто обещает землю и у кого хороший паёк.

После февральской революции солдатские комитеты стали давать краткосрочные отпуска солдатам. Получил такой отпуск и отец, как раз накануне октябрьских событий 1917 года. Поскольку родной дом был по ту сторону фронта, ему ничего не оставалось делать, как поехать на побывку к сестрам в Москву, где они работали на швейной фабрике.

Погостив несколько дней у сестер, он не вернулся в свою воинскую часть, а вступил в красную гвардию, а затем в красную армию. В конце гражданской войны оказался в западной Сибири, а точнее в Краснинском районе Кемеровской области в качестве председателя сельсовета деревни Печеркина и по совместительству милиционера.

Однажды гоняясь за бандитами по району, ему пришлось заночевать в соседней деревне, где его определили на постой в дом Снарских. Осип Снарский - краковский мещанин был владельцем небольшой маслобойни. Накануне в деревне свирепствовал тиф. Из всех членов семьи, заболевших тифом, выжили только дети. Сам Осип и его жена умерли. Когда отец появился в доме Снарских, там

жили - Августа 17 лет, Юлия 13 лет, Афанасий 10 лет, Мария 4 лет и их престарелая бабушка. Отцу понравилась обстановка: в доме чистота и порядок, юная хозяйка умело вела хозяйство и руководила младшими детьми, выпекала очень вкусный хлеб.

Не смотря на то, что на шее Августы было трое сирот, отец женился на ней в 1920 году. В то время брак скреплялся росписью в сельсоветской книге о гражданском состоянии, и ни каких документов на руки не выдавалось. В результате сорок один год спустя родителям пришлось снова оформить брак в одном из загсов города Минска, чтобы получить свидетельство о браке.

В те времена, работая одновременно председателем сельсовета и милиционером, отец практически ничего не получал, поэтому был вынужден вести своё хозяйство. Но откуда у солдата оторванного войной и революционной смутой от родного дома своё хозяйство, поэтому он и женился на девушке, у которой после смерти родителей остался дом и небольшое крестьянское хозяйство. Этот дом стоял в деревне Печеркино на берегу старицы реки Ур. В этом доме родились моя старшая сестра Нина и я. Вскоре отец построил дом на выселке, там же получил земельный надел, но жили мы там не долго.

В начале 30-х годов была организована коммуна и отца избрали председателем. Коммуна просуществовала до 1932 года и когда её ликвидировали, отец, получив справку, что сдал коммуны, в тот же день увез семью в город Салаир, а сам поехал в Кузбасс искать работу. Через месяц мы оказались в городе Прокопьевске, где отец устроился на угольную шахту имени Молотова забойщиком. Мать была умная, волевая женщина. Это она подвигла отца на то, чтобы он порвал с сельским хозяйством, бросил всё нажитое и уехал в город.

В Прокопьевске вначале поселились на нижней Голубевке в купленном домике, в котором жили до 1935 года. Затем отцу, как стахановцу, выделили квартиру от шахты в четырехквартирном доме. В те годы для лучших рабочих устраивались слеты стахановцев в Новосибирске. Однажды на

таким слете отца премировали часами «Павел Буре» и библиотекой из 40-50 томов. Чья-то умная голова придумала малограмотных рабочих награждать книгами. Отцу, конечно, читать было некогда, зато я пристрастился к чтению и среди своих сверстников был наиболее эрудированным человеком.

1937 год мне запомнился выборами в Верховный Совет СССР и борьбой с вредителями. Выборы проходили весело, в школе играла музыка, празднично одетые люди толклись у буфета. На стенах платы - «Все на выборы!», «Вредителей в ежовые рукавицы!» На плакате огромная рука в колючей рукавице сжимает тщедушного очкарика вредителя. Волна репрессий прокатилась и по нашему городу, в моём классе было несколько детей вредителей. Проделки вредителей искали везде. Какое бы ЧП не случилось на шахте, тут же находили вредителя. Вредительство находили даже на обложках школьных тетрадей, где были различные картинки на тему сказок и былин. В этих незатейливых картинках искали скрытый смысл антисоветской направленности. На открытых процессах вредители признавали свою вину.

На верхней Голубевке в двухэтажных дощатых домах проживали, так называемые, спецпереселенцы - раскулаченные и высланные из центральной России. Во вредительстве, в основном, обвинялись разные начальники. Среди рабочих и спецпереселенцев почти никого не арестовывали. За то среди начальников было так много арестованных, что на некоторых участках руководить было некому. Дошло до того, что малограмотного отца назначили начальником участка. Он целую неделю ходил, просил, чтобы его освободили от этой должности. Убедившись, что он из-за своей малограмотности он не может исполнять возложенные на него обязанности, отца вернули в забой. Страх ареста отца коснулся и нашей семьи.

А дело было так. Отец и дядя Илья - муж родной сестры отца Антонины, крепко выпили и заспорили, кто больше сделал для победы советской власти. А в ходе гражданской войны было всякое. В 1918 году отряд красной армии, в котором воевали отец и дядя Илья, был разбит и рассеян. Отец оказался в Новосибирске, где был мобилизован в колчаковскую армию как солдат призывного возраста, а дядя Илья попал в отряд анархиста Рогова, который воевал против

большевиков. Отец у Колчака был всего два месяца, в боях не участвовал, а охранял склады. Когда к Новосибирску подошли красные он дезертировал из колчаковской армии и вступил в ряды красной армии, где вскоре снова встретился с дядей Ильёй. Во время ночного разговора этот эпизод из их биографии вызвал ссору. Дядя Илья стал похваляться своими подвигами во время службы у Рогова. Отец сказал, что Рогов бандит - рубил попов и пожег все церкви в округе, так что похваляться тут нечем! Дядя Илья вспылел и со словами: - «Я тебя колчаковца посажу!» - в сердцах ушел. Родители всполошились, все мы всю ночь не спали. Мать собрала отцу сумку в тюрьму, и мы стали ждать «черного ворона». Ранним утром вместо воронки явился дядя Илья и со смехом говорит: - «Ну что, Мефодий, наложил в штаны?» Отец, молча, подошел к нему и от резкого удара дядя Илья, хоть и был на голову выше отца, улетел в сени. Драки не получилось. Дядя Илья поднявшись, стал извиняться перед отцом за своё поведение, после чего они выпили мировую, и с тех пор до конца жизни крепко дружили.

В 1940 году отец заболел и из-за силикоза и туберкулеза был выведен из шахты и отправлен на пенсию. Было ему всего 45 лет. Пенсия была очень маленькая, и мы жили за счет подсобного хозяйства - садили много картошки, сеяли просо, держали корову и свинью. Моей обязанностью была заготовка корма свинье, для этого я должен был нарвать на картофельных полях за поселком колючий осот. Я набивал им полный мешок и тащил на себе эту нелегкую ношу домой. И так каждый день. От таких ежедневных упражнений ладонь правой руки так огрубевала, что не чувствовала боли от колючего осота.

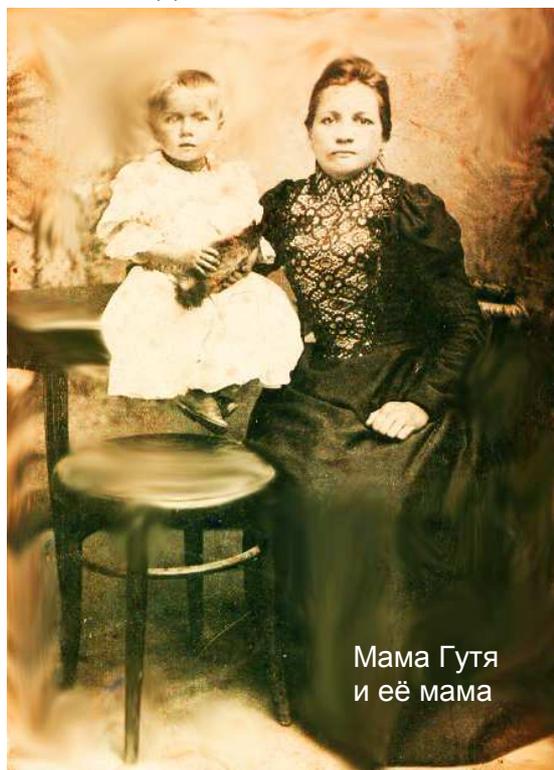
Начало отечественной войны мне запомнилось разговором с отцом. Мы сидели на крыльце, перед нами пылала алая заря, где-то далеко в той стороне, на западе, шла война. Я спросил у отца, что же будет? Он ответил коротко: - «Немец сильный враг, будет тяжело, но нашу страну победить нельзя!». После этого разговора во мне что-то перевернулось, я почувствовал, что моё детство кончилось. Вскоре я бросил школу и пошел работать слесарем на шахту, где раньше работал мой отец.

3.1. М А М А

(из стенограммы рассказа брата Николая, записанной в 2004 г.)

Моя мать, Августа Осиповна Снарская, родилась в семье Краковского мещанина в 1902 году. Она была первенцем. Кроме неё потом в семье ещё родилось двое девочек и один мальчик.

Отец моей матери в 1912 г. завербовался на КВЖД и уехал вместе с семьёй в Китай-город (Харбин) на работу. Когда произошла революция, то договор на вербовку был закончен, и ему необходимо было выехать в Россию. Поскольку в России велась война и вернуться в Краков не представлялось никакой возможности, пришлось семье осесть в Западной Сибири в Новосибирской области в деревне Воробьёво. Там отец мамы купил дом, обзавёлся хозяйством, завёл маслобойную, которая выжимала конопляное масло и обслуживала все окрестные деревни.

Мама Гутя
и её мама

Так продолжалось до 1920 года. В 1920 г. внезапно отец, мать и старшая дочь, моя мать, заболели и находились в тяжёлом состоянии. И в конце концов, отец с матерью погибли от тифа. На плечи 18-летней девушки, только что пережившей тифозное состояние, свалились обязанности хозяйки дома. Но её иждивении были бабушка, двое маленьких сестрёнок и брат. В это время после демобилизации из Красной армии моего отца направили в этот район работать председателем Сельского Совета именно в этой деревне. Поскольку он был холостой, не имел ни жилья, ни близких родственников, ему потребовалось найти место для жилья.

Ему посоветовали обратиться в семью, в которой только что умер хозяин, ему порекомендовали пойти на эту квартиру. Отец туда пришёл, посмотрел - молоденькая стриженная девушка, старуха и трое маленьких ребятишек от 12-ти до 5-ти лет. Квартира ему понравилась,

в квартире было чисто и опрятно, и он решил там остановиться. Поскольку он был сын крестьянина, он стал активно помогать молодой хозяйке вести хозяйство. Однако занятия по хозяйству часто прерывались делами его службы в Сельском Совете или по милицйским делам. Отец присмотрелся к матери, она ему понравилась как хозяйственная и умная хозяйка. Он ей тоже приглянулся. Так они без всякой регистрации сошлись и жили без регистрации брака, аж, до 1961 года. В 1961 году они только здесь в Минске зарегистрировали свои брачные отношения. Деревенской жизнью мои родители жили где-то на протяжении 12-ти лет до 1932 года. В это время отец вёл одновременно сельское хозяйство, был председателем Сельского Совета, гонялся за бандитами в качестве милиционера, потом организовал Коммуну, потом ликвидировал Коммуну. При организации Коммуны родителям пришлось всё имущество, всю тягловую силу: коров, овец, лошадей - всё обобществить в Коммуне. Когда же вышла установка по ликвидации Коммуны, обобществлённый скот так и остался обобществлённым, потому что Коммуну преобразовали в колхоз. Но в это время, как только отец сдал эту Коммуну, он получил разрешение выехать на заработки в город и переехал в город Прокопьевск, где поступил работать забойщиком на шахту. Через некоторое время туда переехала вся семья.

Единственная только старшая вторая после матери сестра Юля в то время уже вышла замуж и осталась там в деревне.

Постепенно сироты эти все выросли и поразъехались. Афоня после службы в Армии остался служить в армии. Сначала он служил в армии, а потом поступил в Иркутский централ (центральную тюрьму), где работал фотографом всю жизнь до пенсии. Мария же через некоторое время, как только она развелась с мужем, приехала с малолетней Лидой сюда к нам в Минск. Сначала они остановились у меня на квартире, пожили, потом отселились и жили отдельно.

Мать обладала ровным, но решительным характером, умело управляла домочадцами, в том числе и отцом. Я никогда не слышал от неё ни скандалов, ни слез. Детей она по-своему любила, не сюсюкала, не ласкала, но и не обижала нудными поучениями. Когда в младенчестве умирали дети, отец плакал, а мать нет. Вот такой у неё был характер. Правда однажды по моей вине она заплакала. Было мне лет 13, я очень много читал. Однажды на её просьбу что-то сделать я, не отрываясь от книги, говорил сейчас и не двигался с места продолжая читать. Это её вывело из себя, и она огрела меня по спине веником. Мне было совсем не больно, а она от досады заплакала. В отличие от отца мать была грамотной, училась 3 года в церковно-приходской школе. И даже когда были в коммуне, мать преподавала на курсах ликбеза. Хотя мать по происхождению полька, польского языка не знала, так как выросла в русской колонии в Китае. Не была она и сильно религиозной, но Пасху всё же всегда праздновала.

Первые годы жизни в Прокопьевске она работала продавщицей в хлебном магазине, активно участвовала в общественной работе, была членом женсовета шахты. После переезда на верхнюю Голубевку не работала, была домохозяйкой, так как вскоре родился Боря.

3.2. М А М А

(из стенограммы моей беседы с Ириной, записанной в 2012 г.)

Борис:

- Мне интересно услышать, что тебе мама рассказывала о происхождении её семьи, откуда они?

Ирина:

- Твоя мама рассказывала мне, что её мать звали Мария, отца - Иосиф Снарский. Родители были из Белой церкви (Украина).

В Белой церкви они поженились. А девичья фамилия твоей бабушки неизвестна. В общем-то, неизвестно какого она была рода. Фамилия Снарская уже пошла по Иосифу или Осипу Снарскому.

Борис:

- Но ведь они же вроде бы жили в Кракове и она считала себя выходцем из шляхтичей?

Ирина:

- Не знаю. Твоя мать мне рассказывала, что мать её матери варшавянка, она не говорила о Кракове.

Может быть это родители отца, потому что Снарские - это фамилия польская. А про мать она говорила, что она варшавянка, и что к свадьбе её матери, которую звали Мария, был вышит и приготовлен комплект белья. Вот какие-то кусочки этого белья с монограммой - там буква «М» с короной - ещё хранятся у нас. Ну, это то, что рассказывала мать. А отец, её Иосиф, был офицером, естественно, российской армии, и служба его закинула в Харбин. В то время в Харбине много было русского населения, и они там жили. Там был русский квартал, русская церковь. И жили они там до начала империалистической войны. Вот почему именно начало этой войны

Бабушка

Прабабушка

повлияло? Может быть, отца забрали в армию, не знаю, или должны были забрать? Не знаю, но они уехали из Харбина в Россию и поселились на Алтае.

А потом всякие эти события революционные застали их на Алтае. Где, в каком месте конкретно они жили, не знаю. Я только помню, что в её воспоминаниях, по крайней мере, её сестра жила в деревне, которая называлась Прослоуха - с очень таким интересным названием.

я

Когда родители поселились на Алтае, её отец приобрёл толи маслобойку какую-то такую небольшую, то есть у него был какой-то свой бизнес, которым он занимался. А какие бедствия произошли, и почему Августина Осиповна осталась сиротой ещё с тремя детьми на руках, вот этого я не знаю, какие произошли катаклизмы. Толи эпидемия тифа, толи какие-то политические события там промчались - это неизвестно, этого я не помню. Я только помню, что когда я прочитала Шукшина «Любавины», и когда мы жили вместе на проспекте в 113-ом доме, я принесла и дала её эту книгу. Она её читала с упоением и говорила, что вот всё там так, как мы жили в алтайской деревне, этот быт, характер взаимоотношений, нравы. То есть она говорит, что «я как будто окунулась в ту свою прошлую жизнь».

4. МЕФОДИЙ И АВГУСТИНА

(в изложении сына Николая - Володи)

Мой дед, Лобанов Мефодий Савостьянович, родился 18 сентября 1895 году на хуторе под городом Тракаем, который находится в Литве. Этот хутор принадлежал его матери, которая умерла родами в молодости. Вторая жена моего прадеда Савостьяна была не намного старше пасынка, и однажды прадед Савостьян поколотил своего сына и жену, так как он усмотрел что-то неподобающее в их взаимоотношениях. В 1914 году мой дед безграмотным солдатом ушел на фронт, где и пробыл до 1918 года. Видел многое, в окопах обучился грамоте, вступил в партию большевиков. После братания с немцами и развала фронта, оккупации немцами Литвы, он как тысячи дезертиров, уехал в Москву, где на одной из фабрик работала его сестра Антонина. У нее в гостях он встретился с ее ухажером Сотниковым Ильей Михайловичем. Илья Михайлович был активным человеком и, являясь совершенно безграмотным, занимал уже какую-то должность при новой власти. Он подружился с дедом, и эта дружба сохранилась на долгие годы, хотя и носила налет постоянного соперничества, так как оба были лидерами. И вот Илья Михайлович сагитировал деда ехать в Сибирь бить Колчака. Сказано, - сделано, поехали. Но регулярные части армии Колчака разбили наголову наспех организованную Красную армию и рассеяли по тайге. Дед с такими же бойцами, как и он сам, долго плутали по тайге. Как он рассказывал позже, самое неприятное было просыпаться по утрам. Каждое утро бойцов становилось все меньше и меньше. Люди ночью бросали остатки отряда, прихватив съестное и теплые вещи. Однажды он проснулся один. Через какое-то время его насильно мобилизовали в добровольческую армию. Так как таким, как он, пришлым, не доверяли, то поставили его служить в обозе, охранять склады. Илья Михайлович Сотников примкнул к партизанскому отряду Рогова, который попеременно воевал то с белыми, то с красными, очень зверствовал по отношению к попам. В 1920 году отряд Рогова был разбит красными, и он с остатками отряда ушел в Китай. Все это давало впоследствии повод для ссор, особенно по пьяному делу, деду Мефодию и Илье Михайловичу, Хотя они всю жизнь дружили и сохраняли очень теплые отношения. Иногда один

другого начинал подначивать, называя недобитым беляком, а другой, в ответ, называл зачинщика ссоры недобитым бандитом. Так и жили. Так вот, Илья Михайлович нашел у «белых» деда, уговорил его устроить на складе какую-то шкodu и уйти в партизанский отряд. Дед так и поступил. Потом в Сибири начала устанавливаться советская власть, и Илья Михайлович, который уже «комиссарил», уговорил деда стать председателем сельсовета и по совместительству милиционером. Дед вспоминал впоследствии, что у него в сенях стояла одна заряженная винтовка, в комнате у дверей - вторая, а под подушкой лежал наган. Были случаи, что стреляли по окнам, но Бог миловал. Став милиционером, дед вынужден был остановиться в деревне на постой. Обошел почти всю деревню, никто не берет. Да и как взять? Чужак, представитель неизвестно какой власти. Наконец посоветовали, на краю деревни живут четверо детей, из пришлых, приехали из Польши, родители недавно умерли от тифа, старшей лет 16, а младшим брату и двум сестрам 3, 5 и 8 лет. Делать нечего, пошел проситься на постой. Пустили. Присмотрелся - дети малые, все острижены наголо. Утром проснулся, глядит: старшая хлеб в печь поставила, скотину в поле выгнала, полы чистит. Да все быстро, споро делает. Дед сам из крестьян - ему это понравилось. Так и остался жить. Бабушка потом рассказывала, что приженился он не сразу. Какое-то время присматривался, потом стал помогать по дому. По малину с ней в лес пошел, там впервые и прижал к себе. Так потихоньку он и вошел в дом. Дети - будущие дядя Афоня и тетки Маруся и Юля до самой смерти звали его отцом. Очень любили и уважали.

По молодости дед был очень вспыльчивым, нетерпимым. По одной из легенд, в молодости, сгоряча, отрубил бабе Гуте ее роскошную косу, которую она очень лелеяла. Дело было так. Дед был на улице рубил дрова, а кто-то из детей, будучи на глазах у бабушки сильно зашибся. Когда дед влетел в дом, бабуля охорашивала свою косу. Дед схватил ее за волосы, выволок на улицу, пригнул голову к колоде и одним взмахом топора отхватил ей косу. С тех пор баба Гутя стриглась всегда коротко.

Бабушка Августина Осиповна, в девичестве Снарская, родилась в деревне под городом Краковом 10 июня 1902 года. В поисках счастья ее отец Осип Снарский со всей семьей переехал в Сибирь, где

собирался открыть свое дело - маслобойню, но быстро прогорел. Семья осела в деревне Печеркина и крестьянствовала. Пока в 1920 году от тифа не умерли Осип и его жена. Бабушка Гутя по жизни была очень хваткой женщиной с обостренным чувством самосохранения. Однажды это, возможно, спасло жизнь ее мужу и всей семье. Дело было так. Как уже было сказано, дед был малограмотным, за что его в 20-х годах, во время начавшейся чистки исключили из партии за малограмотность. В 1932 году из многодетной бедноты деревни Печеркина создали коммуну, председателем которой избрали деда. Так как доходы в коммуне делили по едокам, то через год коммуна разорилась и распалась. Стали организовывать колхоз, и вот однажды к деду приехал проверяющий из района или волости. Посмотрел как движутся дела по коллективизации, обстановку в округе и вечером за чаркой начал распекать деда за существующие и несуществующие недостатки в работе, особенно напирая на то, что его тут власть поставила, а он такой сякой.... и так далее. Дед был горяч и не выдержан. Послал он этого проверяющего вместе с его властью настолько далеко, что тот, не оставшись ночевать, уехал. Баба Гутя тут же стала собирать вещи, справедливо рассудив, что нужно немедленно уезжать в город, где вряд ли их будут искать в том потоке людей, который со всех частей огромной страны устремился на строительство шахт Кузбасса. Дед взял справку в сельсовете и ночью тайком уехал в соседнюю деревню, а затем в город Прокопьевск. Так мой дед стал шахтером. Работал он ударно, стал шахтером-стахановцем. Имел награды - патефон, часы, отрез материала, пластинки, самовар. Все это отмечалось в книжке ударника. Бабушка Гутя как жена ударника как-то даже участвовала в съезде жен передовиков. Жила в гостинице какого-то большого города.

Работая на шахте, дед получил туберкулез легких, поэтому на фронт не попал, всю войну работал в шахте. Так как основная часть мужиков ушла на фронт, в шахту привезли работать узбеков. Дедушка рассказывал, что умирали они в основном от истощения. Умирали, а в халатах и матрацах находили у них большие суммы денег. Оказывается, они их собирали на калым. Но мало кто из них увидел свою невесту.

В 1947 году дедушка с бабушкой и младшим сыном Борисом уехали в Белоруссию, в город Волковыск, где в тот момент вместе с

мужем (Ивановым Алексеем Федосовичем) и маленьким сыном Славиком жила их дочь Нина, следы которой были потеряны после её заброски в 1943 году за линию фронта к партизанам в качестве врача.

В июне 1941 года дед Мефодий вознамерился вместе с сестрой Антониной навестить родные места в Литве. К счастью доехал он только до Москвы, как началась война. Из Москвы в Прокопьевск он добирался 14 суток, так как железная дорога была забита эшелонами, идущими на запад. Вторую попытку он предпринял в 1947

году, опять с сестрой Антониной и ее мужем Ильей Михайловичем. Дед был потрясен, когда встретил в Тракае своего отца, которого не чаял уже увидеть живым.

Мои детские воспоминания о бабушке Гуте и дедушке Мефодии, которого бабушка звала Мишей, носят фрагментарный характер и окрашены ярким летним солнцем и буйной зеленью.

Я хорошо помню барак, стоящий недалеко от современного входа на территорию ботанического сада, в котором жила вся большая семья Лобановых и Ивановых. От входной двери с улицы, открывался небольшой квадратный коридорчик, были видны четыре входных двери, ведущие в квартиры. Наша дверь, по-моему, была первой справа от входа. Квартирка представляла из себя небольшой коридорчик, из которого был вход на кухню и в комнату. На кухне у стены стоял кованый сундук, над которым висела цветастая тканая рогожка с

и

разноцветными спиральными кругами. Мои родители были в гостях и меня уложили спать на этот сундук. Помню, как я разглядывал, эти удивительные спирали и засыпал. Барачков было два или три, в каждом из них было по два входа.

Пожалуй, первое осознанное воспоминание о бабушке связано с походом в продуктовый магазин. Этот магазин существует и сегодня в четырехэтажном доме позади главного здания Академии Наук. Это дом из красного кирпича, был построенный после войны пленными немцами. Мне известно месторасположение ещё 2-х таких домов, на территории тракторозаводского поселка, по ул. Станоновской и в Первомайском районе по ул. Калинина. Сегодня стены этих домов оштукатурены, и они потеряли свой первоначальный вид.

Но вернемся к нашему магазину. В то далекое время мне было 3-4 года и меня в очередной раз привезли к бабушке на побывку. Был яркий солнечный день, начиная с самого утра, бабушка начала собираться в магазин. Для этого она укладывала в корзину холщевые мешочки для разных сыпучих продуктов, пересчитывала деньги, которые мне казались огромными и, завернув их в платок, прятала у себя за пазухой. В тот день Борису, Славику и мне было велено никуда не отлучаться и идти вместе с ней в магазин. В магазине товар отпускался строго в определенном количестве в одни руки, поэтому пристроив нас в очередь, бабушка имела возможность сразу увеличить объем закупок в 4 раза. Я помню, насколько нудно было стоять в длинной очереди, но чувство, что ты участвуешь в чем-то важном, давало мне силы и терпение. А когда мы попадали внутрь магазина и стали приближаться к прилавку, стало ещё и интересно. Можно было наблюдать за продавщицей, которая огромным алюминиевым совком насыпала в стоящий на весах мешочек крупу, рассматривать товар, разложенный на полках, вдыхать вкусные запахи хлеба, соленой рыбы и аромат карамели. Бабушка принимала от продавщицы наполненные крупой мешочки и завязав их бечевкой, отдавала нам. За свою работу мы, мне кажется, получали от неё какое-то вознаграждение в виде сухаря или баранки, я не помню. То, что не конфеты - это точно. Конфетами она меня никогда не баловала. Они если и появлялись, то всегда доставались только Славику.

Борис, как старший среди нас сообразил, что стояние в очереди может приносить какую-то выгоду, и он нас со Славиком стал

приставлять к разным теткам, желающим сделать большие закупки. За это тетки давали ему какие-то малые деньги, которых хватало на покупку нескольких порций фруктового мороженого в бумажных стаканчиках. Чтобы это мороженое можно было съесть, мороженица выдавала нам деревянные палочки-лопатки, из которых Борис собрал пять штук, делал потом вертолет. Три палочки складывались в виде буквы «Ж», а две другие, переплетаясь между тремя концами, устанавливались одна сверху, а вторая снизу. Закрепленные таким образом палочки создавали жесткую конструкцию и от броска Бориса вертолет, вращаясь в воздухе, летел метров на десять.

Следующее воспоминание связано с моей любовью к лимону. Бабушка Гутя была очень экономной хозяйкой. Как-то раз она нарезала на блюде несколько тонких ломтиков лимона и отвлеклась. Запах лимона привлек меня и я стал его есть. За этим занятием меня застала бабушка. Очевидно желая отбить у меня охоту к подобным деликатесам, она дала мне целый лимон и сказала, - Если так любишь лимон, на, ешь! К её удивлению я не поморщившись съел целый лимон. Это её очень разочаровало. Так как целый лимон был съеден, а педагогическая задача не достигнута. Случилось это уже на новой квартире, когда семья жила в бревенчатом доме, в двухкомнатной квартире, имеющей отдельный вход. Именно тогда я впервые почувствовал, что бабушка меня не любит. Я сравнивал, как она относится к Савику и как ко мне, и сравнение было явно не в мою пользу. Но, наверное, любить меня было сложно, так как я имел очень независимый характер. Помню, мы по какой-то причине заспорили со Славиком, и он сказал мне что-то типа того, что я здесь никому не нужен и только их всех объедаю.

Ни слова не говоря я развернулся и ушел пешком через ботанический сад, мимо торфяных разработок (там сегодня декоративное озерцо), вдоль реки, по берегам которой косцы косили траву, вышел к трамвайным путям у кинотеатра «Смена» и пройдя вдоль них мимо строящегося завода автоматических линий и перейдя по мосту железную дорогу, вышел на улицу Клумова, пройдя по которой до аптеки оказался у своего дома.

В нашей квартире мы жили с соседями - Асюхиными, их слепой дед был дома, он и впустил меня в квартиру, где меня и обнаружила мама, пришедшая домой на обед. Не помню, чтобы меня как-то

наказали, но вечером папа опять отвез меня к бабушке. Там я обнаружил зарёванного Славика. Оказалось, что он честно рассказал о том, что он мне наговорил, за что впервые был наказан – поставлен в угол. Для него, очень примерного пай-мальчика, это было очень серьёзным наказанием. А меня никто ругать не стал, помню только как бабушка, положив на мою наголо остриженную голову свою руку, потрепав меня за вихры слегка оттолкнула от себя. На этом весь её воспитательный момент и закончился.

Но не всегда всё было так гладко. Бабушка, как это часто бывает у матерей сыновей, недолго любила свою невестку – мою маму и эту нелюбовь распространяла и на меня. Я не помню точной причины заставившей совершить по отношению к ней один безобразный поступок. Помню только, что я по какой-то причине плакал, а она меня поддразнивала, чем довела до вспышки неконтролируемой ярости. Я, схватив со стола нож, доставшийся, очевидно, от немцев, так как на его алюминиевой рукоятке было клеймо с орлом и свастикой, бросился к бабушке. Помню, как она сидя на кухне на табурете у окна и с ужасом смотрела на меня, в страхе вжимаясь в стену за своей спиной. Свидетелем этой безобразной сцены был дядя Леша. Он схватил меня за руку и забрал нож. Очевидно, ему совсем не понравилось, то, что делала со мной его теща. Выведя меня в свою комнату он, сняв со стены широкий офицерский ремень, несколько раз ударил им по кровати, что-то грозно говоря при этом, а затем слегка один раз шлёпнул им и меня. После чего меня поставил в угол и ушел.

Случилось это, судя по всему, в обеденный перерыв, так как уже вечером меня забрал отец и отвел домой. Помню, как мы, молча, шли с ним через ботанический сад и шли вдоль трамвайных путей домой. Дома, засыпая, сквозь сон я слышал, как родители обсуждали случившееся, решая с кем меня можно оставить завтра. Так как соседская Наташка болела, меня оставили дома. После этого случая я долго не хотел ехать к бабушке, но потом как-то всё забылось и меня опять стали отвозить к ней.

Бабушка не была ласковой, но я её всё же по-своему любил. Благодаря ей, я узнал о празднике Пасхе. В этот праздничный день она давала нам со Славиком несколько крашенных куриных яиц, и мы с ним и Борисом, бились то носиком, то попойкой яйца. Тот чье яйцо

трескалось, отдавал его победителю. Чаще всех побеждал Борис. Став постарше я узнал почему. Имея более крупные ладони, чем у нас со Славиком, он выставлял для удара только маленький его участок, а иногда и просто жульничал, зажимая в своей ладони деревянное, выкрашенное в красный цвет яйцо. Эту его хитрость выяви однажды дядя Леша. Дядя Леша страшно рассердился, а все остальные только весело посмеялись над плутовством Бориса. Но самым большим удовольствием для меня было получить из рук бабушки Гути, испеченные ею куличи. Куличи были божественно вкусные и ароматные, из удивительно воздушного, желтоватого цвета теста, залитые сверху сахарной глазурью. Их вкус настолько был чудесный, что сколько бы я не пробовал куличи других хозяек, они казались мне просто хлебом. Только однажды, будучи в 1992 году в Болгарии на экскурсии в этническом музее-деревне, я почувствовал этот вкус и не мог оторваться от кулича, предложенного нам. К удивлению болгарки испекшей этот чудесный кулич я съел огромный его кусок и ещё попросил немного с собой. Вкус этого кулича напомнил мне тогда моё беззаботное детство и бабушку Гутю.

Ещё из детства запомнились мне праздники, устраиваемые бабушкой. Мне нравилось, когда на поляне, на траве расстилалась скатерть, на которой раскладывалась всякая снедь. Вокруг этого импровизированного стола сидели и лежали на траве члены большой, дружной семьи: - дядя Леша, тетя Нина и Славик, дедушка Мефодий с бабушкой Гутей и Борисом, наша семья папа, мама и я; тетя Маруся её дочь Лида и муж Кошелев. Борис в стороне болтал о чем-то с Лидой, я играл со Славиком, а взрослые пели. Пение сопровождалось музыкальным сопровождением - Кошелев играл на баяне, а дядя Леша на мандолине. Эти раздольные песни на всю жизнь врезались мне в память. Почти все имели хороший слух и пели очень хорошо на два-три голоса. Приезжающие из России гости - Сотниковы (Илья Михайлович и баба Тоня) и Снарские (Афанасий и его жена) удивлялись слаженности пения.

Бабушка держала корову и кур, поэтому парное молоко я люблю до сих пор. Надоенное молоко, процеженное через марлю, бабушка разливала по крынкам, которые ставила в холод, а остатки наливала мне в чашку. Теплое, пахнущее коровой молоко мне очень нравилось и я с удовольствием его пил.

Дом в котором жила семья был бревенчатым на две семьи с отдельными входами. У нас было высокое крыльцо, поднявшись по которому вошедший попадал в большие сени с окном. Впоследствии в этих сенях поставили небольшую печь и сделали крохотный кабинет, в котором дядя Леша писал свою научную работу. В сенях слева от входа находилась дверь, ведущая на кухню, а справа стояла приставная лестница, по которой можно было залезть на чердак. На этом чердаке повзрослевший Борис устроил свою маленькую радиомастерскую, вход в которую нам со Славиком был заказан. В кухне стояла печь голландка, облицованная голубой плиткой, слева от неё был вход в небольшую, узкую комнату (поперек становилась только кровать) где жили Ивановы, справа от печи было окно, выходившее в сад и вход в маленькую квадратную комнату, где жили бабушка с дедушкой и Борис. За дверью слева у стены, являющейся одной стороной печи, стоял всё тот же кованый сундук, который был моим спальным местом. В бабушкиной комнате слева от входа стоял небольшой шкаф, за которым у окна был маленький стол, на котором Борис делал свои уроки, впоследствии установил радиостанцию и вел бесконечные переговоры со своими радиолюбителями. На полу у бабушкиной кровати лежал небольшой коврик из телячьей шкуры черного цвета. Для Бориса были устроены полаты в кухне, на которых мы любили взбираться со Славиком с печки. Спать на полатах, нам было запрещено, так как боялись, что мы ночью свалимся вниз и зашибёмся. Но иногда разрешалось полежать на печи, если она не была занята сушившимися на ней вещами или урожаем с огорода.

А огород был большой, на нем росли огурцы, морковь, сладкий горох, капуста и многое другое. Бабушка была хорошей огородницей, у неё, как говорится, был «зеленый» палец. Всё, что она не садила, росло буйным цветом. Особенно ей удавался репчатый лук, который она заплетала в огромные косы. Позднее, когда у нас появился садовый участок, мама переживала по поводу того, что урожай лука у неё был хуже. Папа, сердясь, объяснял ей, что в ботанике лук удобрялся конским навозом, который дедушка брал на конюшне.

Одно из самых сильных детских воспоминаний о ботаническом саде стала посадка березовой аллеи. Дедушка взял семейный подряд и вся семья, включая нас детей участвовала в посадке березовой аллеи, которая по сей день шумит в ботаническом саду. Помню, как

на телеге дедушка развозил березовые деревца вдоль аллеи и раскладывал их. Папа и дядя Леша копали ямы, дедушка что-то сыпал в ямы и устанавливал деревья, давая возможность поучаствовать в посадке и нам со Славиком. Позднее мы со Славиком не позволяли другим ребятам, живущим на территории ботанического сада рвать на нашей аллее грибы, как впрочем и они, гоняли нас с еловой и дубовой аллеей посаженных их родителями.

Надо отметить, что дедушка относился к нам со Славиком как-то душевней, что ли, чем бабушка. Нет, он не сюсюкал с нами, он просто как-то заинтересованно относился к нам. Помню, как я однажды нашел неразорвавшуюся гранату лимонку. Славик, как более старший захотел её у меня отобрать, я кинулся бежать и попал в объятия дедушки. Дедушка отругав меня и Славика тем не менее пошел вместе с нами её подрывать. Мы пришли к торфяным выработкам и залегли за кучами торфа. Дедушка вырвал чеку гранаты и швырнул её в яму наполненную водой. Мы долго лежали за бугром, но взрыва так и не последовало, что сильно разочаровало нас. Дедушка показывал нам, как искать грибы, объясняя какие из них ядовитые, иногда брал нас с собой на свою работу. И было большим праздником ездить вместе с ним на телеге нагруженной копной душистого сена, стоя на которой он горстями рвал для нас розовую черешню. В ботаническом саду вообще росло очень много разных вкусовостей. Мы объедались боярышником, который был не только красного, но и желтого и черного цвета. Росли какие-то чудесные небольшие груши, которые полежав, подгнивали и становились ароматными, мягкими и очень вкусными. Учитывая то, что ботанический сад в то время был закрыт для посетителей, всё это богатство доставалось только нам, детям, живущим на его территории.

Запомнился мне день, когда мы пошли собирать ягоду иргу. В то время из одежды летом на нас были только трусы. В тот день прошел скорый летний ливень. С кустов капала вода, от чего становилось очень холодно. Старший из нас Борис мужественно бил ногой по стволу кустов, которые обдавали его холодным фонтаном, зато мы, малявки могли безбоязненно рвать сладкие фиолетовые ягоды. Этот эпизод запал мне в душу, и когда позднее Борис ненароком обижал меня, я с благодарностью вспоминал этот день и обида уходила.

В моей памяти бабушка и дедушка остались гостеприимными, трудолюбивыми, очень уравновешенными и разумными людьми, любящими свою семью. И удивительно сдержанными при общении, характер и азарт у них проявлялся только при игре в карты. Тут они и ссорились и обижались как друг на друга, так и на соперников. Однажды придя к ним в гости, на квартиру у Беларусьфильма, я был усажен за стол для игры в карты - дурака. Невероятным образом случилось так, что я подряд выиграл у дедушки более двадцати раз. Что я уже только не предпринимал и козыри сбрасывал и брал всё подряд, не помогало, дедушка проигрывал раз за разом. Домой меня не отпускали, и мы продолжали играть до тех пор, пока счет дедушкиных побед не превысил мои на единицу. Совершенно обалдевший я чуть доехал до своего дома.

Бабушка была гордой полячкой и хотя она не была набожной я обнаружил у неё библию на польском языке. Продираясь через незнакомый язык, я впервые прочитал евангелие от Матфея. Бабушка никогда не плакала, даже на похоронах своего мужа и старшей дочери. Плачущей бабушку я увидел только один раз. Это произошло в 1976 году. Я только что был принят на работу в Первомайский райком партии, когда мне позвонила незнакомая женщина и

сообщила, что моей бабушке очень плохо и нужно срочно к ней приехать. Пришлось отпрашиваться, что было не принято в партийном аппарате, и я полетел к бабушке. Дверь мне открыла незнакомая женщина, которая попрощавшись с бабушкой, тут же ушла. Бабушку я застал одиноко сидящей за столом, за которой она пригласила и меня. Мы, молча, сидели за столом, по всему было видно, что она кого-то ждала. Так мы просидели более получаса и вдруг из её глаз брызнули слезы.

Сквозь слезы она причитала: - Не пришел, так и не пришел!

Я сидел совершенно растерянный, не понимая, что происходит. Отплакавшись она сообщила мне, что первому она позвонила Славе, а через полчаса мне. Я прилетел почти сразу, а Слава так и не пришел. Для неё сильно любившей своего первого внука это было сильным ударом, всю свою любовь, недоданную собственным детям, она отдавала только ему одному, а он опять не пришел...

5. МОЙ БРАТ НИКОЛАЙ

(из стенограммы рассказа брата, записанного в 2004 г.)

Всё моё детство прошло в городе Прокопьевске. Это небольшой тогда город угольщиков. Жили мы сначала на Нижней Глубёвке, а потом - на Верхней Голубёвке. Что из себя представляли эти посёлки? Это, в основном, поселения людей из

разных районов России и часть вольных людей, таких как мы.

Спецпереселенцы или, как их называли, «спецы» проживали в 2-х этажных стандартных бараках, которых было в посёлке штук двадцать, а может и больше. Рядом находилась шахта им. Молотова. Невдалеке находился лагерь заключённых гоняли на работу. Как правило, их возили на грузовых машинах: заключённые сидели в кузове, а часовой стоял у борта.

Все детские годы мы с друзьями свой досуг проводили в основном на улице. В летнюю пору я с товарищами больше всего времени пропадал в, так называемом, поле. Это уходили мы за пределы поселка, там были обширные луга и большие лесные колки, где мы устраивали различные игры. В жаркую погоду ходили на Сахалинский пруд. Это в другой стороне посёлка была запруда, которая обслуживала подстанцию или насосную, или компрессорную, трудно сказать, но что-то там такое дымилось и пыхтело. Вот к этому пруду мы частенько всегда ватагой ходили, потому что было обыкновение голубёвских ловить и бить. И наоборот, если сахалинские появлялись, мы тоже самое проделывали с ними. Обычно летом никакой обуви мы не носили, ходили босиком, и у меня всегда были сбиты большие пальцы на ногах, потому что кругом камни и об камни я их часто разбивал.

Зимой же, когда выпадало много снега, наши игры переключались на угольные отвалы. Это около шахты сваливали породу, в которой не содержалось угля, и она большущей горой, таким терриконом, возвышалась над посёлком. В этой породе имелось много угля, и он самовозгорался, поэтому зимой на этих терриконах было тепло. И мы там одновременно и катались на лыжах и на санках, и одновременно, разрыв в породе ямку, закапывали туда картошку и пекли. Таким образом, мы проводили там время. Когда я уже подросток, то на террикон ходил уже не играть, а выбирать из отвала уголь, потому что вместе с породой выпадало некоторое количество качественного угля. Этот уголь, когда опрокидывали вагонетку, скатывался вниз, мы его подбирали. Были у меня такие санки специальные с ящиком.

Уголь я набирал в этот ящик, и в день, обычно, раза два ездил на террикон за углём. Этого почти полностью хватало на отопление дома.

Когда родился Борис, то моя свобода была несколько ограничена. Так как Нина уже уехала учиться в Томск в

медицинский институт, то я остался дома за няньку, и мне частенько приходилось заниматься с этим малюткой. Как-то меня послали гулять с коляской (была такая коляска, сплетённая из ивовых прутьев, на колёсиках). Ну, гулял я, гулял, а потом мне стало скучно, и я решил прокатиться на этой коляске вместе с Борисом с горки. Сел на коляску сверху и поехал. Вдруг, она споткнулась обо что-то, и я кубарем с этой коляски, Борис вслед за мной... Я поднялся быстренько, не смотря на ушибы, пошёл посмотреть: живой ли он? - Живой, положил его, и он даже не заплакал. После, этого я стал уже ним более аккуратно обращаться. Однако, в последующем тоже, практически, по моей вине Благо, случился почти несчастный случай. Я, кажется, уже в шестом классе был, увлекался электричеством и смастерил себе паяльник из сопротивления

керамического. Однажды паял я себе и оставил холодный уже паяльник на столе. А Борис тогда уже ходил, но маленький ещё совсем был - года два или полтора. Он схватил этот паяльник, и аккуратно рука его попала между фазами. Включил паяльник в сеть, и его стало, видимо, трясти. Он так заорал! Благо, я рядом был и быстро выключил. Руку он не обжёт, но напугался здорово, конечно. Нячиться мне с ним порядком надоело. Иногда меня оставляю с ним, а он начинает орать, не плакать, а орать. Тогда я, чтобы как-то его утихомирить, сажусь рядом и тоже начинаю орать: «А-а-а-а-а!!!». Он тогда замолкает - я перестаю орать, а он снова начинает орать. И вот таким образом продолжается не один час... Потом я догадался: зачем мне кричать? Я взял тогда гитару, которая осталась от Нины, и луплю по струнам громко, громко, и он тоже прислушивается и молчит. И вот таким образом я с ним боролся, пока не приходила мать.

Когда началась Отечественная война, я бросил школу. И как только мне исполнилось шестнадцать лет, пошёл и устроился на шахту им. Молотова работать. Меня взяли учеником слесаря по ремонту шахтового оборудования. Сначала я работал в механическом цехе, потом перевели меня в кузницу молотобойцем. Таким образом я проработал до 1942 года. В 1942 г. меня отправили на учёбу в Прокопьевский горный техникум. В 1947 г. я его окончил, а потом уже поехал по назначению Министерства в Караганду.

В 1943 г. Нина окончила институт, и не заезжая домой, сразу была мобилизована в армию и исчезла она где-то до 1945 г. - от неё не было «ни слуху, ни духу». Оказывается, она была направлена в Псковскую область в партизанский отряд и там пробыла до освобождения этих краёв. Там же она осталась работать в больнице, где военкомом был раненый офицер Иванов - будущий отец Славика. Алексей Федосович был ранен и как нестроевой офицер был назначен военкомом района. После войны он демобилизовался и решил работать по специальности лесотехника. В то время у них с Ниной родился уже ребёнок, и с грудным Славиком они приехали к нам в Прокопьевск. Алексей пытался найти себе работу где-нибудь в

лесничестве, но ничего у него не получилось и, оставив семью у нас, он уехал в Белоруссию. Он долго там искал работу, и наконец, устроился директором Волковыского лесхоза, и приехал за семьёй. В 1946 г. Нина, Алексей и мои родители вместе с Борисом уехали в Волковыск, а я остался в Прокопьевске в общежитии заканчивать учёбу. Весной 1947 г. я был на преддипломной практике в Анжеро-Судженске, где и познакомился с моей будущей женой.

А дело было так. Мой друг был большой любитель выпить и погулять, и вот однажды уговорил пойти меня в анжерский Дом культуры на танцы. Ну вот, пришли мы, стоим два кавалера. Я - в фуфайке и кирзовых сапогах, но он одет немножко попримечнее. Он быстренько пошёл, посмотрел по залу. Глядит - стоят две девчонки: одна такая симпатичная кудрявая девчонка (как позже потом оказалось, еврейка), а другая - совсем ребёнок. Вот он эту кудрявую и пригласил танцевать.

А мне ничего не оставалось делать, как пригласить её подругу. Она была такая и маленькая, и щуплая, и одетая плохо. Я обратил внимание, что у неё чулки были даже в резинку, как у школьниц бывает. Ну, потанцевали, потанцевали и ушли, и забыли про этих девчонок напрочь, как будто этого ничего и не было. Потом, через некоторое время, видимо, через полмесяца, стоим... Вдруг подтанцовывают какие-то две девчонки к нам: «Здравствуйте, здравствуйте!». Я сразу и не узнал их. А потом оказалось, что это те две девочки, с которыми мы танцевали, и пришлось нам танцевать снова. Он с этой кудрявой танцевал, а я с этой, малой. К концу я себе думаю: не дай Бог, если придётся одеваться на одной раздевалке, придётся тогда провожать их. А ведь весна, а Анжерка - грязный город, грязь там по колени. Хотя тротуары деревянные, но грязи на них где-то сантиметров по пять, наверное, да ещё и доски - где оторвана доска, где поднимается доска. Думаю, не дай Бог пойти провожать этих девчонок. Но, как на грех, случилось так, что мы в одной раздевалке получали пальто. Нечего делать, пришлось идти провожать. Но, правда, провожать пришлось недалеко. Через какой-то

овраг прошли, друг пошёл в одну сторону девочку провожать. А моя, оказывается, живёт в этом бараке: стоит такой длинный, весь вросший в землю прямо по самые окна. Ну, постоял я с этой девочкой, даже песни попели. А потом она говорит, что мама ругается, что я на улице. В общем, пригласила меня зайти к ним. Пришёл я, и Боже мой, в комнате нет никаких вещей вообще, всё голо! И пацанов этих, мальчишек - раз, два, три, четыре -четыре мальчишки и две ещё девочки, и старая-престарая женщина - мать. Оказывается, этой старухе было тогда 32 года всего. Как позже выяснилось, её отчим был учителем и мобилизованный в армию погиб на фронте, а мать осталась одна вот с такой оравой малолетних детей. Я посмотрел с ужасом на эту убогую жизнь, и те не менее, девочка мне понравилась - такие живые глаза! Попрощался я и назначил ей свидание. И так мы с ней встречались, наверное, дней десять. А потом перед самым концом практики, где-то перед отъездом из Анжерки, я ей предложил выйти за меня замуж, хотя у меня до этого никаких помыслов о женитьбе не было. Мне было просто жалко девочку, что она погибнет в этих ужасных условиях. Я ей предложил, вернее, сразу сказал, что я поеду в такие места, где жить легче не будет, т.е. если согласна, то поедем. Она сразу ничего не ответила, а на следующий день сказала: «Да, я поеду». И с этим я уехал к себе в Прокопьевск защищать диплом. После защиты диплома я приехал в Анжерку, объявил о женитьбе. Мать была, конечно, недовольна. Но Галя сказала: «Нет, я поеду». И тут возникли определённые трудности. Во-первых, она работала в буфете и за время работы в этом ларьке проторговалась. Короче говоря, к ней приходили её братики: одному даст конфету, второму даст конфету... В общем, у неё возникла недостача в 800 рублей. Благо, что у меня были командировочные, я получил подъёмные. И покрыл я эту недостачу, и забрал её. Регистрироваться мы с ней не могли, потому что ей не было ещё 18-ти лет. И таким образом, направились мы в Караганду, вернее, намерились ехать в Караганду. Приехали на вокзал - билетов нет даже на проходящие поезда, только есть билеты на пригородный поезд. Я говорю: «Давай возьмём на пригородный». Взяли мы билет на пригородный поезд и на этом пригородном поезде доехали до Новосибирска. В Новосибирск приехали - у неё там жила тётка. Она говорит: «Пойдём к тёте, может быть у неё там переночуем». Пришли, но тётя её

оказалась очень неприветливой. Хотя она выросла в их семье, но тем не менее, по каким-то причинам..., короче говоря, нам «от ворот поворот» сделали. Что делать? Я кинулся покупать билет. Есть командировочное удостоверение и всё остальное, но билетов на Запад нет. Тогда я решил снова ехать дальше на пригородном. Сели на пригородный и в западном направлении поехали. Ехали, ехали, ехали - конец пути. Смотрим - полустанок, а там даже билетов вообще не продают. Вот, думаю, влипли мы. Прошло некоторое время, гляжу - идёт товарняк, и на тормозных площадках сидят люди. Товарняк этот остановился. Я туда, говорю: «Пустите нас!». А у нас вещей - один чемодан и всё. Женщины, которые сидели, загалдели: «Некуда, мест нет!», и всё такое... Я разозлился, залез на эту площадку, посбрасывал все вещи. А на шум пришёл солдат и погнал нас всех: и их, и меня с этой площадки. Оказывается, это был поезд, который вёз сотрудников госпиталя из Биробиджана, куда-то госпиталь передислоцировался в другое место. Я тогда говорю Гале, чтоб не уходила далеко, что поезд тронется и мы сядем. И точно, поезд тронулся, я чемодан туда забросил, её посадил, сам сел и поехали. Ехали мы, ехали... Он то идёт, то остановится среди поля. Доехали до Колундитских озёр, кругом вода и болота. Уже время было - август месяц. Там холодно было, а я в пиджачке, и Галя тоже в одном платье, сидим - коченеет. И на одной остановке подходит военный майор и говорит:

- Ну что, студенты, околели?
- Да, замёрзли, конечно.
- Зайдите к нам.

Пустили нас в теплушку. И таким образом доехали мы до Омска. А нам надо было доехать до Петропавловска, а оттуда ехать в Караганду. Военные сказали, что не знают по какой ветке поедут из Омска: по верхней или по нижней. Если по верхней, то в Петропавловск мы не попадём. Тогда решили ехать опять на перекладных. Прицепились к пассажирскому поезду. А тогда ещё на пассажирском поезде не закрыты были лесенки и вагон, снаружи можно было цепляться. Прицепились мы и едем через Иртыш. А холодина! Руки коченеют, и кажется, что сейчас сорвусь и всё... До ближайшей станции доехали, и я говорю, что надо выходить, а иначе мы с тобой здесь загнёмся. Сошли. Но оттуда, правда, до

Петропавловска уже можно было доехать пригородным поездом. Опять взяли билет на пригородный, приехали в Петропавловск. Там я купил билет до Караганды, правда, в товарный поезд, приспособленный для перевозки людей в товарных теплушках с оборудованными нарами. Едем дальше через степи, подъезжаем к Акмолинску - никакого города нет. Несколько домов стоит - вот и весь Акмолинск, а кругом - голодная степь. К вечеру, уже ночью, затемно приехали в Караганду. Я спрашиваю:

- А где вокзал?

- А где стоишь, там и вокзал.

Вот это да, думаю, что же делать? Где ночевать? Но ничего не оставалось: приткнулись мы около забора и прокемарили до утра. Пока мы спали, у меня шапку украли. Думаю, надо срочно найти баню прежде, чем идти на завод, потому что мы, наверное, нахватались вшей в поезде, в товарняке этом. Смотрим, действительно баня ещё от концессии осталась, раньше английская концессия была по добыче угля. Баня такая из камня сложенная, шайки деревянные, тяжёлые (вес только шайки, наверное, килограмм пять), и прожарка есть. Вещи сразу - в прожарку, чтобы избавиться от насекомых. Помылись мы и пошли на завод. Пришёл я на завод в отдел кадров, показал своё направление. Они: «О, хорошо, что сейчас направят в общежитие инженерно-технического состава. А я говорю, что я женатый, что у меня вот жена есть. А он: «А ну, покажи свою жену!» Я показал. Начальник кадров за голову взялся: «О Боже мой, дети, что я с вами буду делать?». Пошёл, с кем-то посоветовался и говорит: «Пойдёмте на завод, вот тут уже электроцех заканчиваем, есть там кабинет начальника, вот вы там будете жить». Доли нам кровать, постельные принадлежности и поместили. Это было в пятницу. Утром проснулись, а перед кабинетом, где мы легли, большой зал и тоже очень много коек. Но я не обратил на них внимания: вроде бы на этих койках никого не было, те люди были на работе, видимо. В субботу или в воскресенье, не помню точно, утром я встаю, а по этому залу ходят голые женщины. Они устроили постирушку: стирали бельё и т. д. Я стал возмущаться, но меня, конечно, послали куда подальше. Оказывается, это женщины, досрочно освобожденные их тюрьмы, и их тоже поместили тут на временное проживание. На этом месте, в кабинете я прожил где-то

месяца два, а потом мне дали небольшую комнату в бараке. Это был такой же барак, какие у нас были для спецпереселенцев. Комната была на первом этаже. Эта 9-метровая комнатка в бараке была в ужасном состоянии: штукатурка обвалилась, кое-где была видна даже дранка. Нужно было срочно произвести ремонт. Я пошёл, накопал глины, взял конского навоза, намешал и в течение дня произвёл штукатурку стен. А потом нашёл извести негашёной, в тазик залил её водой и пошёл на работу, а Гале говорю: «А ты давай бели». Дело в том, что в Сибири у нас принято, чтобы стены белили женщины, а не мужчины (такой у нас порядок, чтобы не мужчины занимались этим делом). Вот ушёл я на работу и возвращаюсь. Прихожу - всё в доме побелено, пол помыт, чисто в комнатку этой, а моя лежит в постели. Я говорю: «А чего ты лежишь?». А она говорит, что я обожглась. Я глянул, Боже мой, у неё руки и грудь все покрыты такими красными волдырями. Оказывается, когда она белила, у неё эта известь текла по рукам. Но она не сообразила как-то уберечься от этого и, короче говоря, сильно пострадала. Ну, ладно, думаю, как-нибудь обойдётся. На заводе мне выдали ордер на получение яблок и дали, наверное, килограмма два яблок - ранеток маленьких. Пришёл я домой, полакомились этими яблочками, а оставшиеся положили под кровать в сетке. Легли спать, свет погасили. Слышу, какой-то шорох - шуршит, шуршит кругом. Зажигаю я свет и вижу: Боже мой, весь пол устлан черными тараканами! Я их никогда в жизни не видал, они величиной с майского жука, наверное. Но характерно вот что: рыжие тараканы, те при свете разбегаются, а эти нет - замерли и как парализованные остановились на полу. Я взял тапочки и давай их бить. Надавил целую кучу этих тараканов, замёл. На завтра, думаю, что надо как-то бороться с этой бедой. Достал извести, просыпал все щели в полу. И, правда, исчезли: или я их очень много уничтожил, или побоялись этих запахов. Так в этой комнатке мы прожили всю зиму. А весной, когда родился Вова, мне выделили половину финского дома. Но, а финский дом был не полностью достроен. Он был только обшит снаружи и внутри вагонкой, а ещё поверх вагонки должна была быть штукатурка, но штукатурку никто не делал. Поскольку у меня был уже опыт определённый по штукатурным работам, я достал где-то дранки, обил потолок и стены этой дранкой и замесил глины. А штукатурила Галя. Это она после родов была и,

тем не менее, успешно справилась с этой работой. Всю комнату мы поштукатурили. Кухню, правда, не штукатурили, а только комнату, где мы жили. По весне мы даже раскопали землю. А земля там - такая глина! Вскопали землю, удобрили и даже посадили себе огород - огурцы и картошку. Огурцы выросли, но есть их было невозможно, потому что они были почему-то горькие-прегорькие. Работая на заводе, я очень долго не мог привыкнуть к климату и к обстановке, которая была в Караганде. В Караганде летом постоянно дуют суховеи, причём такие, что ветер не освежает при жаре, а наоборот, как из духовки и причём с песком. Несмотря на то, что я не сильно потею, работая на заводе за кульманом, пот начинает течь с тебя градом, с рук течёт, и видно как капает. Вот такие вот отвратительные условия для работы. Поэтому первая мысль, которая у меня возникла: как уйти с завода? А в те времена уволиться с предприятия по собственному желанию было невозможно. Нужны были какие-либо серьёзные причины для того, чтобы уволиться или перейти на другую работу. Поэтому я обратился к Алексею Федосовичу с просьбой, чтобы он мне организовал вызов в политехнический институт. Через некоторое время такой вызов был получен. Однако, этого было недостаточно, меня по-прежнему не хотели отпускать с завода. Но в это время случилась такая оказия. Инженер по технике безопасности уехал в отпуск и не вернулся (он был из эвакуированных). Обязанности инженера по технике безопасности повесили на меня. Конечно, такая работа меня совершенно не устраивала, но я смекнул, что я могу как-то воздействовать на руководство завода. Работая в отделе главного механика, я очень хорошо знал состояние оборудования, особенно, подъёмно-транспортного. И как инспектор по технике безопасности, я дал предписание об остановке подъёмного крана в одном из ведущих цехов завода. Это делал я не своими руками, а пригласил инспектора, показал ему состояние дел, и он повесил пломбу на этот кран, чем, по существу, парализовал работу завода. Руководство само не отважилось пойти в те суровые времена сорвать эту пломбу и заставить работать кран, потому что это чревато было уголовной ответственностью. Стали искать пути как подойти к этому инженеру-инспектору, чтобы он снял свой запрет. Вызвал меня директор и говорит: «Поговори с ним». Я обратился к нему: «Что тебе надо, чтоб

пустить кран?» А он отвечает: «Мне нужно два воза сена». У него корова была. Я говорю директору, что просит он два воза сена. А на заводе был конный двор, потому что много грузов перевозилось конной тягой. Директор сказал: «Ладно». А я говорю: «Вы знаете, что этого мало. А мне Вы подпишите заявление на увольнение». А он говорит: «Ну, ладно, чёрт с тобой, а то ещё раз остановишь где-нибудь. Только немедленно освободи квартиру, немедленно! Вот чтобы к вечеру тебя не было там». Я говорю: «Ну, ладно, хорошо». Таким образом, я получил «вольную». В этот же вечер мы оставили квартиру, перебрались к соседям на несколько дней, потому что билеты сразу купить было нельзя, т.к. поезда не каждый день ходили. Только через три дня я оттуда смотался и приехал в Минск.

Не смотря на невероятные трудности жизни в Караганде, как климатические, так и материальные, у меня остались самые хорошие впечатления о людях, которых я там встретил, которые проявили к моей семье внимание и сердечность. Достаточно сказать, что когда родился Вова, в родильный дом к Гале пришли все женщины инженерно-технического отдела, к которой она работала, и не смотря на скудность жизни, каждая из них хоть что-нибудь да принесла роженице. Или, например, вот главный механик Лурье, мой начальник. Он жил на территории завода, у него была своя корова, а мне для ребенка нужно было молоко, он мне его продавал. Как потом выяснилось, стоимость молока, за которое я рассчитывался с Лурье, была чисто символическая. Двадцать лет спустя судьба снова свела меня с этим человеком. Я работал начальником республиканского Управления и строил цех в Гатово. Нужно было срочно выдать строителям четыре 10-тонных мостовых крана, которые изготавливались в Караганде. Звоню директору – оказался тот самый Лурье. Представьте, он вспомнил меня и, нарушая установленный порядок, выполнил мою просьбу: отгрузил вне очереди четыре крана.

В Минск мы приехали в конце августа 1949 года. На вокзале нас встретили отец и мать. Остановились мы жить у них. В Ботаническом саду стоял небольшой барак, в котором они занимали 18-метровую комнату. В этой комнате проживало 9 человек: отец с матерью, Борис, Нина с Алексеем и Славиком и нас трое. Я быстренько устроился на работу на тракторный завод. Когда я проработал уже с месяц, мне говорят: надо же прописаться. Я пошёл в городское отделение

милиции в паспортный стол. Прихожу туда, предъявляю документы и говорю, что вот я работаю на тракторном заводе и мне нужна прописка. Милиционер посмотрел на паспорт и спросил, откуда я приехал. Я говорю, что из Караганды. «Ах, из Караганды?», и сразу спрашивает: «А за что Вы судились?». Я отвечаю: «Да ни за что не судился». А он мне: «Вот где работали туда и возвращайтесь». Я говорю: «Ну, ладно...». Забрал свои документы, рассердился и пошёл в горком партии. К тому времени я уже был членом партии и пошёл узнать, появились ли мои партийные документы. Прихожу в отдел партучёта и говорю: «Скажите, моя карточка пришла из Караганды или нет?». Женщина отвечает: «Да, пришла. А в чём дело?». Я говорю: «Так отошлите её опять в Караганду». «А почему?» Я объясняю: «Я обратился в милицию. Там сидит такой майор Шабловский и говорит мне, чтобы я откуда приехал, туда и возвращался. Раз он так мне рекомендует, я так и поступлю». Она мне: «Не горячитесь, сейчас мы с Вами разберёмся». Ведёт она меня к секретарю горкома Варвашени. Я ему объясняю суть дела, он мне говорит: «Идите туда обратно в паспортный стол». Я пошёл. Это отделение было там, где сейчас находится Минская консерватория, в этом здании. Я быстренько туда пришёл и иду опять к Шабловскому. Он выскакивает из-за стола и говорит: «Товарищ Лобанов, да что ж Вы раньше не сказали?». Я отвечаю: «Я Вам всё говорил». «Ну, давайте Ваши документы». Быстренько мне «прошлёпали» прописку в паспорте, и так я укрепился как житель города Минска.

Четыре месяца мы прожили у родителей в Ботсаду. А уже 1 января 1950 г. мне выделили комнату, правда, в квартире на двоих с Осюхиным, в которой мы прожили с ним вместе целых 5 лет. С тех пор у нас сохранилась с ним дружба до самых последних дней.

На заводе я работал мастером по изготовлению нестандартного оборудования. Одновременно я нёс партийную нагрузку: был парторгом отдела главного механика. Поскольку меня никогда не покидало желание продолжить учёбу, я подал заявление в институт, сдал экзамены, и меня зачислили в Минский технологический институт на заочное отделение. Работая на заводе и одновременно занимаясь партийной работой и учёбой, мне было чрезвычайно трудно. Да и в работе в те времена был период, когда только что налаживалось производство трактора, и работали так: пока не

выполнишь план - с завода не уходи. И часто заседание партийного комитета начиналось в 10 часов вечера, и иногда кончалось «с петухами». Я вижу, что я такой режим работы не выдержу - работать на три фронта - и подал заявление в партком, чтобы меня освободили от обязанностей секретаря партийного комитета отдела главного механика. Я дождался, когда будет бюро. Вызвали меня на бюро. Там обсуждалась масса разных других вопросов, а я просидел в предбаннике часов, наверное, до 7 утра. Потом пригласили меня, и я изложил свою просьбу. Встал директор и говорит: «Как Вам не стыдно? Вы бросаете всё в такое тяжёлое время, уходите от партийного поручения. Кому же нам больше доверяться?». За ним выступил парторг и все другие члены парткома. Короче говоря, мне отказали в моей просьбе. Я страшно расстроился, вышел в приёмную, встал около окна и у меня градом льются слёзы обиды из глаз, как меня отстегали ни за что ни про что. Так вот я стою... Кончилось заседание, все вышли. Ко мне подошёл парторг и говорит: «Ну что ты так всё близко к сердцу принимаешь? Всё обойдётся, успокойся». И с этим я ушел домой. По существу, домой только пришёл и сразу нужно идти на работу. На этом парткоме я, видимо, кому-то понравился. И буквально спустя несколько дней, меня вдруг вызывают в райком партии и предлагают перейти на партийную работу. Я сказал, что не могу так сразу решить этот вопрос, разрешите мне подумать. Хорошо, сказали, идите и думайте до завтрашнего дня. Я пошёл, посоветовался с родителями. Они мне сказали: «Хорошо, иди, хуже не будет». И так я стал инструктором сталинского райкома партии. Буквально через год меня выдвигают на должность заведующего этого отдела. Итак, в этой должности я проработал 7 лет, пока меня не перевели в ЦК Белоруссии. В общей сложности, я проработал в партийных органах райкома, горкома 13 лет. За эти 13 лет я, в основном, занимался почти одним и тем же, потому что в работу партийных органов входили задачи контроля, подбора и расстановки кадров. В результате этого мне приходилось много общаться с работниками предприятий, изучать кадры и вносить свои предложения по выдвижению достойных на руководящие должности. И как следствие, уже к концу 60-х годов на многих крупных предприятиях работали директорами, главными инженерами и

главными специалистами сталинского района, и города, и даже республики – люди, которые были назначены по моей рекомендации.

В это время Галя работала на тракторном заводе. Так как она не имела специального образования, и даже не было у неё законченного среднего школьного образования, ей не могли предложить ничего другого, кроме как работать диспетчером в цехе пусковых моторов. Ей, бедняжке, приходилось целыми днями мотаться из цеха в цех и выбивать детали для комплектации и сборки пусковых моторов.

Работая на этой нелёгкой работе, она по ошибке врача была отпущена в декретный отпуск с большим опозданием. Буквально через неделю после выхода в декретный отпуск у нас родился Серёжа. Надо сказать, что не смотря на тяжёлую работу на заводе,

ребёнок родился благополучный, здоровенький, очень хорошо развивался. И где-то к восьми месяцам он нас изумил тем, что в нашем присутствии сидел на полу и вдруг сам поднялся на ножки, «потелепался» и пошёл. Таким образом, он стал ходить.

За время моей работы в партийном аппарате сменилось несколько Генеральных секретарей ЦК КПСС. Когда умер Сталин, то первое время ощущалась какая-то растерянность. Собрались мы все в райкоме партии и никто не знал, что же предпринять сейчас. Все ждали звонка из Москвы. Наконец, из Москвы сообщили, что надо проводить траурное собрание. Быстро распределили кто куда, и мы направились по местам. Я присутствовал на одном из таких собраний. Собрание проходило прямо в цеху, люди очень быстро собрались, выслушали траурное сообщение. Я посмотрел на лица рабочих: многие, особенно женщины, плакали, сожалея о случившемся. Среди партийного аппарата таких явлений не наблюдалось, но тем не менее каждый думал, что будет дальше, как будет дальше построена жизнь. При Сталине был один порядок, а при новом Генеральном секретаре,

возможно, будет иной. Даже рабочее расписание в партийных комитетах: крайкомах, райкомах, горкомах партии, при Сталине было такое, что они начинали работу в 10 часов, с 1 часа до 3-х был обеденный перерыв, а потом сидели в кабинетах или выходили в организации для работы и работали столько, сколько надо. А в партийных комитетах сидели столько, пока Сталин не ляжет спать. Из Москвы позвонят, что свет погас у Сталина, значит и в нашем ЦК или горкоме начинают расходиться. Вот так была устроена работа. Когда же умер Сталин, на смену сначала пришёл Маленков, потом Хрущёв. Хрущёв устроил перестройку вообще партийных органов. Он решил разделить партийные комитеты на промышленные и сельскохозяйственные. Были созданы райкомы, обкомы, одни из которых занимались промышленными предприятиями, другие занимались сельским хозяйством. После того, как Хрущёва «ушли» в отставку, появился Брежнев. Здесь уже построение жизни партийных органов стало совсем иным. Здесь появились вольности определённые, разные премии, закрытые распределители для материального снабжения работников аппарата. При Сталине же этого ничего не было. После смерти Сталина возникла борьба между членами ЦК за власть, появился ряд партийных директив, которые низовые партийные органы должны были проводить в жизнь. Иногда поступали совершенно нелепые директивы, например, такие как повсеместное культивирование кукурузы. Отвечают ли климатические и почвенные условия или не отвечают, все равно, нужно сеять, партком должен проводить эту линию. Или бывает, что при одном секретаре поступает директива, что нужно создать Совнархоз в республиках. Ведём активную работу по созданию Совнархозов, подбираем кадры, организуем работу. А сменяется руководитель ЦК и всё возвращается на круги своя: опять ликвидируется Совнархоз, всё становится на своё место.

Всё это дёрганье для меня лично было очень неприятно, поэтому я в конце концов решил устраниваться от этой деятельности. Улучшив момент, я ушёл на хозяйственную работу. В должности начальника областного управления я проработал до самой пенсии. Когда пришёл пенсионный возраст, я оставил работу и уже после этого долго нигде не работал. Главной причиной было ни нежелание работать, а то, что заболела серьёзно жена, и нужно было обязательно находиться около неё. Я, по существу, неотступно находился рядом с ней вплоть до её смерти. Уже после её смерти года через два я, наконец, стал работать. И то, просто меня сагитировали работать в пионерском лагере. А так, вообще, преодолеть синдром начальника, и пойти на какую-то рядовую работу было очень трудно, поэтому я практически 5 лет не работал после ухода на пенсию.

6. МОЯ СЕСТРА НИНА

(из воспоминаний брата Николая, написанные им в 1995 г.)

Детство сестры Нины я не помню, хотя она была старше меня на 3 года. Вероятно, это связано с тем, что когда мы переехали на выселки, мне было 4 года, а Нина пошла в школу деревни Печеркина, где она жила на квартире и домой приезжала только на каникулы. А потом в Прокопьевске мы учились в разных школах, я в начальной, а она в средней, которая была на станции Усяты.

Затем она уехала в Томск на учебу в медицинский институт, откуда её мобилизовали в армию и в 1944 году забросили на парашюте в партизанский отряд под Ленинградом. После изгнания оккупантов в тех же местах работала в районной больнице врачом. Там же познакомилась и вышла замуж за Алексея Иванова, который после ранения работал военкомом.

В 1946 году они со Славиком приехали к нам в Прокопьевск, но Алексей не смог найти себе работу по специальности и поехал её искать на родину в Белоруссию. Искал работу несколько месяцев. Наконец устроился по специальности - директором Волковыского лесхоза. Перевез туда свою семью и моих родителей вместе с Борисом, а я остался доучиваться в Прокопьевске.

Близко с Ниной я познакомился, когда приехал в Минск. Алексей работал в Академии наук БССР, а она в министерстве здравоохранения, оба одновременно занялись научной работой и

защитили кандидатские диссертации. Нина работала в первой клинической больнице, как хорошего рентгенолога и прекрасного диагноста её часто приглашали для консультаций в лечкомиссию, в минском медицинском институте вела свой курс, работала над докторской диссертацией. Однако наука сыграла в её жизни роковую роль. Нина

специализировалась по радиологической диагностике раковых заболеваний. Из-за халатности персонала обслуживающего рентгеновский аппарат (своевременно не обнаружили трещину в капсуле, в которой находился радиационный материал) произошел несчастный случай.

В результате этого вся её бригада медиков получила большую дозу облучения, и они один за другим ушли из жизни, умерев от рака. Нине было всего 52 года.

Нина была человеком общительным, у неё сложились хорошие отношения с моей женой Галей, что встречается крайне редко между золовкой и невесткой. Несмотря на большую разницу в общественном положении и образовании - дружили как родные сестры. Когда Галя узнала о болезни Нины, то сильно плакала, а Нина её утешала: - «Не нужно так огорчаться и жалеть меня. Ведь лучшие годы уже прошли и впереди только старость!». Она сама поставила себе диагноз, дала согласие на тяжелейшую операцию на легком.

Нина мужественно переносила свои страдания и умерла тихо, без стонов и слез.

6. МОЯ ЖЕНА ИРИНА

(из стенограммы моего интервью, записанного в 2012 г.)

Борис:

- Расскажи, что ты помнишь о своих родителях?

Ирина:

- Мои родители - уроженцы Белоруссии. Мать - минчанка коренная. Родилась в Минске в 1913 году в семье Толстого Семёна Андреевича, который родом тоже из Белоруссии из Узденского района. А моя бабушка, мамина мать, родом из города Ивенца - Воложинский район тоже Белоруссии. Она полька, фамилия у неё была Петруцкая Касовея Войцеховна, крещена католичкой. И в конце 19-го века они с моим дедом встретились в Минске в доме богатого еврея.

Борис:

- А кем дед Толстой был?

Ирина:

- Дед служил у него кучером. Машин тогда ещё не было. Он заведовал его коляской, т.е. был его «шофёром». А бабушка была горничной в этом доме. Вот они там встретились и поженились. Этот хозяин, хозяин этого дома (а дом был где-то в центре Минска на Комсомольской улице). Не знаю, какими чувствами он к ним проникся, но им на свадьбу он построил дом - дом в Серебрянке на берегу речки. В этом доме я и родилась в 1940-м году.

У бабушки выжило, по крайней мере, пятеро детей. Старший из сыновей погиб в Великую Отечественную войну. Нет, было шестеро, потому что осталось две сестры и три брата.

Бабушка Дарья

В

Дед Корней

Борис:

- У твоей мамы две сестры и три брата?

Ирина:

- Да. Все они были жителями города Минска. А их внуки и их правнуки - все тоже, в общем-то, живут в Минске.

Борис:

- Скажи, а ты что-нибудь помнишь время войны и оккупации?

Ирина:

- Я только помню 44-ый год, когда освобождали Минск, в памяти сохранились какие-то моменты.

Борис:

- А мать что рассказывала?

Ирина:

- А мать рассказывала очень страшные вещи, о которых потом в советское время говорить было не принято. Минск бомбили уже 23 июня, а немцы вошли в Минск 28-го июня - через 6 дней после начала войны. Первыми драпанули из Минска все те, кто должен был

обеспечить, наверное, или защиту города, или защиту населения. То есть, короче говоря, люди были предоставлены сами себе. У кого была какая-то возможность сесть на какой-то транспорт, те уезжали. Вот мои подруги из еврейских семей, моя ближайшая подруга Рита, её мать сразу поняла, как только объявили войну, она поняла, что надо любыми способами срочно покинуть Минск. И каким-то образом им удалось сесть на какой-то поезд в самом-самом начале, может быть, 23-го июня. То есть на самом деле схватили какую-то

котомку и вскочили в этот поезд, и уехали на восток, и таким образом остались живы. Другая моя одноклассница - Мара и её семья

Отец Андрей 1939

Ира с мамой
Марией 1941 г

остались в Минске. Они не сумели уехать и не поняли такой необходимости. Далеко не все люди это понимали, потому что наша пропаганда искажала факты. У Сталина были свои взаимоотношения с Гитлером, и правдивую информацию население не имело. И даже о тех преследованиях евреев, которые были известны уже всей Европе уже накануне этой войны, здесь об этом мало знали, в средствах массовой информации об это не распространялись. Так что те, кто понял ситуацию, успели спастись, а те, кто не понял, все здесь погибли на территории Белоруссии, погибло много евреев.

Борис:

- А что там Мара?

Ирина:

- Мара? У Мары погибла вся семья.

Борис:

- А что с родителями, что с ней? Расскажи.

Ирина:

- Пожалуйста, я расскажу, потому что Марин отец погиб в конце 41-го года. Он был студентом мединститута. Он остался в Минске. Причём даже военкоматы не работали! Как любой человек, воспитанный советской властью, он сразу пошёл в военкомат, чтобы отправится на фронт. Но военкоматов никаких уже не было буквально на следующий день после начала войны, то есть даже уйти в действующую армию не было никакой возможности из Минска. Вот такие интересные детали. Потом, очень много в последствии было легенд и книг о белорусском подполье, о том, что его возглавил выдающийся деятель партии Пономаренко, но всё это случилось через 2 года после начала оккупации Минска. И до того, как он его возглавил, в Минске возникло стихийное подполье и очень активное, но, к сожалению, все эти люди практически погибли. В том числе, Кедышко, улица его имя носит, Николай Кедышко. Но, это так, частности. Так вот, отец Марин участвовал в подпольной работе. Они организовали какую-то подпольную типографию и печатали листовки. С самого первого дня по всему Минску были расклеены указы, моя мама рассказывала, что все жители должны зарегистрироваться, все должны сдать радиоприёмники, устанавливался комендантский час...

Борис:

- А евреи что?

Ирина:

- Все зарегистрироваться должны: ты приходишь с паспортом туда и ясно, что выясняется и твоя принадлежность. Так вот радиоприёмники сдавали конечно не все. Кто-то слушал новости из-за рубежа, и вот эту информацию они через листовки пытались донести до населения. В конце 41-го года на какой-то квартире, где они организовали эту типографию, они все были схвачены, и отец был казнён в конце 41-го года. В частности, Мара вот недавно несколько лет назад узнала, что он был казнён через повешенье. А моя мама рассказывала, что центральные площади города. В частности, сквер возле театра Янки Купалы - это было место, утыканное виселицами, там постоянно кто-то из подпольщиков болтался, а ещё на площади Якуба Коласа перед Институтом физкультуры. То есть были такие места, где они казнили подпольщиков и выставляли их на показ, причём эти тела висели довольно долго, пока они совершенно не были обезображены. Вот такая страшная мера устрашения была для населения! Причём, за каждого убитого немца любого расстреливали 100 мирных жителей без разбора. Вот, приходили на улицу, выводили всех и уничтожали. А когда была совершена эта акция героическая, о которой сняли фильм «Часы остановились в полночь», об убийстве гауляйтера Кубе, за него расстреляли 2 000 человек просто мирных граждан. Вот несколько улиц вывели, вывезли и расстреляли. Кроме того, после этого убийства было решено ликвидировать минское гетто. Это был октябрь 43-го года, и там было много тысяч человек, то есть ликвидировать всех, кто там обитал за колючей проволокой. Просто вывезли всех в Тростенец и другие места, и уничтожили. Так у Мары погибла мать, бабушка...

Борис:

- Как же она выжила?

Ирина:

- У неё ещё была сестра младшая, на год младше, моложе Мары, и заботу об этих детях взяла её тётя. А тётя выжила совершенно случайно. У них был дом там, где теперь территория Радиотехнического института - это улица Петруся Бровки, раньше называлась Подлесной, а от этой Подлесной, где проходит первый корпус Радиотехнического института, шёл переулок, он назывался

Сосновый. У них там был дом в этом Сосновом переулке, у Мариной бабушки, был частный дом. И там же был цех завода Ленина, построенный ещё до войны, и он функционировал. Её дядька оказался специалистом по радиоделу. А цех функционировал, то есть у немцев этот цех радиозавода работал. Что они там делали, я не знаю, но он работал. И благодаря этому дядьке Марина семья с тётёй уцелели, когда уничтожали минское гетто.

Борис:

- Ну, хорошо, хватит про Мару. А что ещё мать говорила?

Ирина:

- Мама ещё рассказывала, что было ясно, когда вся наша администрация советская, вся убежала, всё осталось брошенным на произвол судьбы: предприятия, склады, магазин, и оголтелое население занялось массовым мародёрством, то есть тащили всё кто что мог: грабили магазины, предприятия. То есть всё растаскивалось теми, кто не верил, что завтра наши немцев прогонят и будет продолжаться мирная жизнь. То есть картина была довольно страшная - люди в таких ситуациях звереют. Вот этот момент мама подчёркивала. А дальше, дальше - всего боялись.

Борис:

- Пускала немцев на постой мама?

Ирина:

- Нет. Наш дом, мы жили на улице Физкультурной, то есть дом деда, который был на том месте, где ТЭЦ-1, где Червенский рынок, ближе к фабрике «Коммунарка», в том районе. Там освобождали площадку под строительство этой ТЭЦ, и дом деда перенесли на Физкультурную улицу. Это была окраина Минска, Козырево такое, район Козырево, теперь это район Комвольного комбината. Даже до начала войны они не успели этот дом достроить. Сруб перенесли и там мама жила со мной во время войны. Чем питались? Во-первых, немцы всех заставили работать. Они всех зарегистрировали, и всё работоспособное население должно было работать. Мама работала какое-то время на фасоночной фабрике, которая теперь называется «Элема». А раньше она в советское время называлась фабрикой им. Крупской. Во время войны она тоже функционировала, потому что немцам тоже шили одежду, и нужны были специалисты такого типа. Иначе, если не будешь работать, то вообще не получишь никаких

карточек, никаких продуктов. Какой-то минимум на эти карточки можно было приобрести. А остальное? Мама рассказывала, как они отправлялись в разные экспедиции, типа в Раков, поскольку это была пограничная зона. В 39-ом году там проходила граница. Это был пограничный город по-своему богатый. Это был большой город и они что-то там меняли: какие-то вещи, чтобы привести кусок мяса какого-то, или молока, или творога. С частности, чтобы кормить ребёнка, то есть меня. Были разные ситуации. Почему уцелел этот район Минска? Потому что там на ул. Маяковского сегодня, в том районе, где они жили, там есть воинская часть, там стояла воинская часть. То есть там казармы, всё, что полагается, всё обнесено колючим забором... Там по сей день есть какие-то остатки.

Борис:

- Ну, хорошо. Были у неё какие-то контакты с немцами?

Ирина:

- Не было у неё контактов. Так вот, в этой воинской части остановилась эсесовская часть, СС там стояли. Поскольку одно это слово внушало людям ужас, то это был такой относительно опасный, но спокойный район. Ну, какой спокойный! То есть они всё время жили в страхе, и какие-то там акции проводились. Тем не менее, это был спокойный район, это был район частной застройки. Кроме этих казарм там вообще каменных зданий не было. Этот район даже во время освобождения Минска и бомбёжек он каким-то образом уцелел. Потому что была разбита центральная часть города, то есть вся каменная часть города лежала в руинах, а вот эти окраины остались.

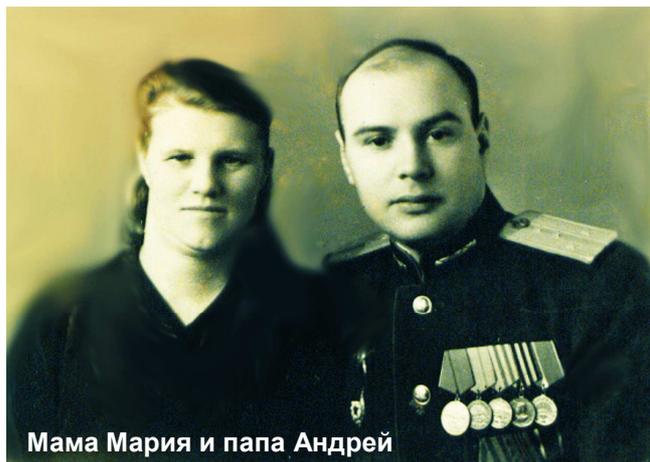
Ну, кроме того, что мама работала на фабрике им. Крупской, то есть это она работала на немцев и другого выхода не было. А когда уже в 43-м, когда уже какие-то сведения доходили о том, что война переломилась, о победах в Сталинградской битве, на Курской дуге, когда люди поняли, что война пошла вспять, и возможно оккупация скоро кончится... Хотя информации, естественно, не было, пользовались услугами гадалок и экстрасенсов. И, в частности, у моей мамы был такой эпизод. Она обращалась к какой-то гадалке, чтобы узнать жив отец или нет. И однажды гадалка ей сказала, что он тяжело ранен, хоть никакой связи, естественно, на оккупированной территории не было. А потом уже, когда родители после войны

встретились, оказалось, что действительно в этот момент он был тяжело ранен и лежал в госпитале несколько месяцев. То есть вот такое совпадение было. Что ещё? А, ещё со мной был эпизод. Мне было года три, наверное. И какой-то немец проходил по улице, а я с детьми играла на улице. Он взял меня на руки, какую-то конфетку дал, и начал спрашивать, где мой папа. А я ему сказала, что мой папа на войне немцев бьёт. Он там что-то такое, как-то меня схватил, как-то собрался бросить. Но соседка это увидела, кинулась к этому немцу, начала его упрашивать, что, мол, «кляйне киндер» глупый. Ну, как-то забрала меня.

В 44-ом году за несколько месяцев до освобождения Минска, весной, я тяжело заболела. У меня была очень высокая температура - выше 40 градусов. Поскольку никаких аптек не существовало и врачей не существовало, мама обратилась к какой-то знакомой, которая работала медсестрой в немецкой воинской части. И каким-то образом она упростила доктора немецкого посмотреть меня. Я помню этот визит. Я помню, как я кричала и царапалась. Доктор был в военной форме. Каким-то образом меня утихомирили. Он оставил матери какие-то лекарства, в общем-то, благодаря чему я поправилась. Так что был такой эпизод. Был врач, который помогал ребёнку, не смотря на то, что он был немец и служил у нацистов. Вот такой эпизод.

Период освобождения Минска я хорошо помню, потому что это было тоже очень страшно. Сначала, налёты авиации. Так что Минск бомбили не только немцы, но и мы сами его бомбили. Потом, надежды выжить в городе, видимо, не было. И мама, в общем-то, схватила меня и пешком пошла в Слуцк, который был в 100 км от Минска, к родителям моего отца, поскольку они жили в деревне. Пройти пришлось через линию фронта, что тоже было большой удачей, потому что... Ну, вот какой-то тропой провели их это расстояние между Минском и Слуцком. И когда она пришла в Слуцк, там уже была наша армия, наши войска. А в 45-ом году вернулся с фронта мой отец. И поскольку он воевал - это первый Белорусский фронт, которым командовал Рокоссовский, в танковой армии, его оставили служить в Германии.

И вот где-то в сентябре 45-го года он забрал меня с мамой в Германию. Там мы жили 4 года до конца 49-го года. Для моей матери это были самые светлые годы в её жизни, потому что здесь была полная разруха: не было ни жилья, ни еды. А Германия хоть и

Мама Мария и папа Андрей

пострадала, но в общем-то те потери, которые там понесли... Вот я помню Берлин - такой чёрный город. И спустя 50-60 лет я была повторно в Берлине, всё равно он произвёл на меня впечатление чёрного города, какого-то такого мрачного, неприветливого, амбициозного. Ну, что ещё? В школу я пошла... В Германии школа была естественно советская, русскоязычная. Мои родители, мать в частности, разговаривала на смеси польско-белорусской. Моя бабушка, в основном, говорила по-польски, иногда мешая с белорусскими словами. И дед примерно также разговаривал. Русского языка тогда в нашей семье не было. А вот когда мы приехали в Германию, там народ был русскоязычный, в основном почему-то москвичи, и вот мои подружки там надо мной смеялись, над тем, как я разговаривала. Я очень старалась учиться говорить по-русски так, как говорили они. И моя мама тоже там научилась разговаривать по-русски, поскольку здесь до войны, в общем-то, говорили на белорусском языке. Ну, что ещё? В школу я пошла, в пионеры меня тоже приняли в Германии. В Минск мы вернулись в конце 49-го года. А в Германии мы жили в таком небольшом коттедже двухэтажном: с четырьмя комнатами, с газом, с ванной, с душем, с унитазом. Чего мы в Минске, конечно, не видали, поскольку был частный дом, построенный как обычно: без водопровода, без удобств. Была там где-то за углом колонка, мыться ходили в баню. В школу я пошла в Германии. Там я закончила два класса, а уже в третий класс я пошла в Минске. Мои впечатления, поскольку мне уже было 10 лет, когда мы из Германии вернулись в Минск, это было потрясение, потому что там, в общем-то, всё было благополучно. Снабжалось всё прекрасно, то есть нас Правительство очень хорошо снабжало в Германии, не знаю по каким обязательствам. Там были и продукты, и товары, и, в

общем, благоустроенные дома. Ну, какие-то разрушения были, но, наверное, несравнимые с тем, что было здесь. А сюда, когда мы приехали, город ещё лежал в руинах, только-только отстраивался Ленинский проспект, который тогда назывался улицей Советской. Он после смерти Сталина стал называться Сталинским. А жили мы возле Института физкультуры - здание было построено до войны, и оно странным образом уцелело. Жили мы в бараке, который стоял прямо вот на проспекте напротив ЦУМа, и трамвай проходил прямо под моим окном, наверное, в 10-ти метрах. Я, практически, росла под звон трамвая и грохот машин. Удобств, естественно, там никаких не было. Жили там пока не получили квартиру на ул. Калинина. Послевоенный момент был, конечно, очень страшным, потому что не было ничего, только налаживались там всякие инфраструктуры, снабжение - всё было бедным и убогим. К этому было трудно привыкать.

Часть 2. ОТ ДЕТСТВА К ХХІ ВЕКУ: В ЦИКЛЕ БЕСЕД С БРАТОМ НИКОЛАЕМ (стенограмма записей 2011-го года)

1. ДЕТСТВО, НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Николай:

- Интересно, что ты помнишь со своего самого раннего детства?
Что ты помнишь о Трокопьевске?

Борис:

- Помню очень мало, надо прямо сказать, хотя прожил до семилетнего возраста. Общее впечатление такое, что что-то такое светлое, светлое. Например, лето - то такое солнечное, яркое. А зима - такая обязательно тоже солнечная, морозная. В общем, все такие светлые, яркие воспоминания. Я конечно, дом наш не помню, как он выглядел, только недавно увидел на фотографии... Внутренность квартиры, тоже практически не помню. Помню, что было, по крайней мере, две комнаты. В одной комнате, видимо, была кухня или столовая, и вторая комната - там, где собирались гости. Обе были очень маленькими, это даже мне маленькому так казалось. Помню там, где была кухня, был какой-то сундук, на котором меня однажды отец разложил и бил ремнём - это я хорошо помню. А случилось это вот почему. Однажды пришли к нам гости, как мне потом сказали, Сотниковы. И хорошо они там сидели и выпивали, а на кухне оставили бражку - в стаканах бражка была. И я взял, да и выпил эту бражку. И вот с тех пор я и «стал выпивать» - а было мне лет пять, наверно. Потом пришёл я к этим гостям и начал плевать. Отец разозлился, положил меня на этот самый сундук и ремнём, как следует, отстегал. Вот это я помню...

Николай:

- "Сундук" был, аккурат там, где и гуляли. Около печки он обычно стоял. Интересно, а ты помнишь своё первое соприкосновение с электротехникой? Я, в это время, видимо, в восьмом классе учился, сделал самодельный паяльник и работал. А потом, значит, положил этот паяльник - он уже почти остыл. А ты взял, включил его, а паяльник был с оголёнными проводами. И ты так ручонками своими взял, и он начал накаляться. И потом ты закричал страшным голосом! Но я вовремя успел выключить, ну и таким образом это ЧП было ликвидировано.

Борис:

- Да вот, к сожалению, больше всего помнишь всякие неприятности. И вот это я помню... Помню, что действительно я схватился за что-то такое, и как меня трясло. И мне казалось, что я кричу, но крика не было у меня, как будто бы. И потом помню, как у меня на всей ручонке выскочили большие волдыри, и как мама натёрла картошки и этой картошкой всё обложила и перевязала.

Николай:

- И было тебе всего года, наверное, три.

Борис:

- Может быть. Это вот, скорее всего, первое воспоминание и есть. А второе - то, которое я только что рассказал про выпитую бражку. И из неприятностей, вот ещё третье помню.

Николай:

- Как говорить, наиболее острые ощущения.

Борис:

- Да, и было так, что стояла какая-то тележка, а мы её перевернули и крутили её колесо. Крутили, крутили, а оно сорвалось (там, видимо, на оси не было крепления), и мне прямо по ноге, по большому пальцу ноги, и настолько, что чуть ли не полностью рассекло этот

палец. И эта память осталась до сих пор - ноготь уродливый так и остался.

Но, Коля, кроме таких неприятных вещей, я помню ещё кое-что и приятное. Например, я помню, что были какие-то такие очень интересные, не знаю: толи это назывались бойлеры, толи что? Там, где пацаны купались - что-то такое от шахты было накрытое, а там вода, горячая вода и какие-то колодцы. А пацаны прыгали сначала в один колодец, потом в другой...

Николай:

- А!... Я объясню, что это такое. Это около шахты там, где компрессорная, где подают сжатый воздух в шахту для отбойных молотков, а для охлаждения этого компрессора устраивается так называемая "градельня". Это такая башня: наверх подаётся горячая вода из этого самого компрессора, потом она падает и естественным путём охлаждается. А внизу такой бассейн. Правда, он был без доступа - просто так людям туда залезть вообще невозможно было. Только одна возможность была там - колодец, в колодец можно было нырнуть и потом поднырнуть в "градельню". Но это, конечно, было опасно, и там действительно всё время пацанов ловили, но иногда они всё равно залазили. Это действительно было.

Борис:

- И я это помню. Я сам не нырял, по-видимому, но меня поражало, как пацаны ныряли. Может, меня и опускали в этот колодец соединительный или я там как-то болтался - этого я не помню.

Николай:

- А потом, я помню, очень близко от нас были обвалы шахтовые.

Борис:

- Вот это я тоже хорошо помню...

Николай:

- Туда по весне вода поступала, и, прямо-таки, получались как небольшие озера такие - глубокие.

Борис:

- Нет, я вот эти обвалы помню только с такой стороны: что подходил к ним и голову свешивал - и так страшно, страшно было. Наверное, они действительно были глубокими, и было очень страшно. И помню, что были огорожены какие-то участки: "Осторожно, будет обвал!" - что-то такого типа. А из зимнего помню, что были ледяные горки,

вот именно ледяные. А детям делали самодельные сани: прикрепляли два конька сзади и один спереди - рулевой конёк. И лёжа на этих штукаx очень интересно было спускаться. Помню, кстати, кое-что из хорошего летнего - путешествие с тобой неизвестно куда. Мне казалось, что далеко-далеко, в какую-то степь мы с тобой ходили. И помню, что там поразило меня: первое, что было много очень вкусной ягоды костяники, а второе - как ты показывал мне что можно сделать костёр из лепёшек коровьих. И получался красивый костёр, красный такой, бездымный и тёплый, тёплый. А где это было - не помню. Расскажи, может ты помнишь?

Николай:

- Ну, это... Наш посёлок находился на краю города и прямо, совсем сразу же начинаются картофельные огороды (для шахтёров давали землю, чтобы картошку садили), а за ими начиналась лесостепная зона. Это была степь и по некоторым местам росли деревья. Вот туда мы и ходили. Это было, так называемое, поле. И это было обычное развлечение не только деревенских людей, но и наших поселковых ребят.

Борис:

- Далеко это?

Николай:

- Нет, километра два, не больше.

Борис:

- А мне казалось, очень далеко.

Николай:

- Ну, может быть и больше... Короче говоря, сейчас всё это место уже же застроено. И вот когда я после выхода на пенсию ездил в Прокопьевск, всё было застроено и уже этих полей нету. А вот интересно, ты помнишь или нет, как ты был в пионерском лагере? А я к тебе приезжал...

Борис:

- Абсолютно не помню, расскажи.

Николай:

- На реке Чумышь был пионерский лагерь. Ну, это от города (если не от нас, от нас то дальше, конечно), километров 6-7 примерно. Когда я сам был в пионерском лагере, мы ещё жили там в палатках. А потом вот уже, когда ты был, там уже были построены деревянные домики.

Ну, и я туда к тебе пришёл, а ты единственно, чем похвастался, что был дежурным по кухне. Говоришь: "Наелся сегодня!". Вроде бы еды там хватало всем. Не знаю, почему ты мне так похвастался. Вот так вот!

Борис:

- Ну, что ещё помню? Ещё помню, конечно, запах и вкус кедровых шишек. Когда я здесь в Белоруссии впервые увидел эту шишку, то сразу детством потянуло. Потом, ты мне ещё как-то рассказывал, что ты меня где-то уронил. Расскажи...

Николай:

- Я уронил тебя. А это было... Это ты был ещё тогда совсем грудным ребёнком, и меня

заставили тебя катать на тележке. Была такая тележка из ивовых прутьев сплетённая, деревянная тележка. Ну, я тебя катал, катал, а потом решил вместе с тобой прокатиться. Сел я на эту тележку и с горки стали ехать. Наехали на какой-то камень, тележка споткнулась, и я через тебя, а ты на меня вывалился. Короче говоря, всё кончилось благополучно, ты даже не заплакал.

Борис:

- Ну, хорошо. Слушай, а как говорят, что некая тётя Кока меня крестила, в староверы. Расскажи, как это было. Знаешь ли что-нибудь об этом?

Николай:

- Ну, это видимо, у матери была подруга из киржаков (староверов). И наверное, она оставляла тебя, когда был маленьким, у них. И они там, возможно, тебя по-своему и окрестили. Они не у попов крестят, а где-то там у них свой иконочетчик есть.

Борис:

- Ну, так всё-таки, "крещёный" я или нет?

Николай:

- А я не знаю. Откуда я знаю?

Борис:

- Мать говорила, что всё-таки меня крестили.

Николай:

- Ну, наверное, раз мать говорила, может быть и крестили. Но я тебе скажу: ни мать, ни отец не были же религиозными, поэтому никто в церковь не ходил, никто никогда не крестился.

Борис:

- Хорошо. А вот ещё как-то там мама рассказывала, что я чем-то там болел сильно, менингитом, что ли? И что я чуть ли не идиотом мог стать?

Николай:

- Нет, нет, нет. Я такого не помню.

Борис:

- Ещё мама говорила: какой-то там доктор еврей приходил и говорил, что если поправится - будет профессором.

Николай:

-Нет, нет, я такого не помню.

Борис:

- А что ты сам помнишь о сибирской жизни?

Николай:

- В Прокопьевске отцу, как хорошему рабочему, дали во вновь построенных домах-бараках новую квартиру 2-х комнатную. По тем временам это тоже была неплохая квартира. Там рядом была школа. Маленький там магазин был. Короче говоря, с точки зрения социальных удобств - всё было нормально. В те времена в магазинах, конечно, такого снабжения вообще не было: ни молока там не продавали, ни мяса. Ну, колбаса иногда была. Хлеб с перебойями был. А для передовиков производства был в городе специальный магазин, Изотовский назывался. До Стаханова был Изотов - ударник социалистического труда. Так вот были специальные магазины для передовых рабочих, и туда мать ездила, получала там. Конфеты там можно было купить и всякое то, что в обычных магазинах не бывало. Было такое. Отец как ударник несколько раз участвовал в слётах. И

даже раз на один из слётов приглашали с жёнами. Оттуда приехали женщины и привезли памятные подарки: конфеты там, пряники, всякая всячина. Как сейчас помню - я первый раз съел шоколадную конфетку. Там была какая-то дама с короной на обложке, на фантике. А потом, во второй раз, отец ездил в Новосибирск на слёт стахановцев. И оттуда он привёз в подарок патефон и часы. И самое интересное, что в подарок каждому рабочему дали библиотеку: маленькую библиотеку книжек, наверное, 15 -20.

Борис:

- И к патефону два альбома пластинок.

Николай:

- Так что интересовались в то время всё-таки культурой.

Борис:

- А патефон сыграл в моей жизни очень большую роль, потому что эти два альбома пластинок я почти все наизусть выучил. В основном там была классика: арии из опер, романсы, монологи (например, монолог «быть или не быть»), довоенное танго «Брызги шампанского», фокстрот «Рио-Рита». Я ежедневно без усталости крутил патефон и до сих пор многое помню. Будучи ухажёром-юношей, я поражал девушек тем, что мог запросто спеть арию Мефистофеля или варяжского гостя, или, например, романс: "Соловей мой, соловей мой, соловей!" и многое другое....

Николай:

- А где-то в 37-м году начались события политические, и очень много людей арестовывают как вредителей. Проводили открытые слушания и, причём, как-то все признавались. Ну, а потом...

Борис:

- Ну, а ты-то, откуда помнишь? Ты что, был на этих слушаниях?

Николай:

- Помню я. На слушаниях я не был, но жил, так сказать, в этой атмосфере, которая была в этом самом городе. Я, конечно, не был. Куда ж мне? Я ж совсем подросток был. Ну вот, а уже в 38-м году родился ты...

Борис:

- Ну, а в школе как? Как ты в школе учился?

Николай:

- Да, в школе, конечно, учился, но учился очень плохо. Ну, в первом классе, хотя у меня память была очень хорошая, я хорошо всё запоминал, но никак не мог освоить чтение по слогам. И вот когда меня спрашивают на уроке, если я внимательно слушаю, то я беру книгу и вместо чтения назубок рассказываю, что там написано. А однажды забаловался, и меня Сара Фёдоровна учительница поймала. Заставила меня читать, а я совсем не то стал «читать». И вот она потом оставила меня после занятий, провела со мной беседу, дала мне тетрадку чистую. Но и с тех пор я пошёл уже нормально вроде, а то был как ступор какой-то, не понятно почему.

Борис:

- Подожди, какую тетрадку? Я помню, что в первом классе мы писали на газетах. Откуда тетрадка взялась?

Николай:

- Тогда ещё не писали на газетах, тогда ещё в школе выдавали тетрадки. И причем, интересно, эти тетрадки были выпущены в 37-м году. Обложки были расписаны на темы сказок, и потом искали в этих картинках политические мотивы, и находили. И действительно, вроде бы там что-то такое не то, что надо было.

Борис:

- Ну, да! Это ж было ещё до войны... Это уже во время и после войны тетради делали из газет, да?

Николай:

- Да, во время войны уже не было ничего. Во время войны вообще всё пропало сразу: и газеты, и посуда пропала. В столовке вообще началось такое! - ложки уносили из столовой. Как приходишь в столовую, так ложку дают тебе, а уходишь - отдай.

Борис:

- Ты, уж, в своём рассказе до 45-го дойди.

Николай:

- Аж до 45-го - слишком долго! Где-то в 42-м году я закончил 8 классов, пошёл работать на шахту. Но не потому, что была такая необходимость, а как-то было такое состояние, что вот страна в таком напряжении. Все - кто воюет, кто что! Ну, и я пошёл на шахту работать. К тому же отец заболел туберкулёзом и перешёл на инвалидность. Это было где-то в 42-м году. Я проработал на этой шахте год, а потом меня направили в техникум учиться, в горный. Но

я учился не по горной специальности, а по специальности холодной обработки металлов, хотя техникум был горный. Вот, в 43-м году меня вызвали в приёмную комиссию в военкомате. Нас раздевали донага и кругом вертели, крутили. Ну, всех потом вызывали, а меня чего-то не вызывают. Я спрашиваю: "В чём дело?". А Вы, говорят, не годны к строевой службе, потому что я был очень близорукий. А нужно сказать, что даже когда я учился в техникуме, очков у меня не было, я воспринимал всё, что говорили только на слух. Мне было так обидно, что какой-то я такой порочный, что все люди как люди, а меня забраковали.

Борис:

- А очки когда получил?

Николай:

- А очки я получил, когда учился уже на третьем или четвёртом курсе, на последнем, по-моему, курсе техникума. У нас нужно было поехать в Новосибирск за материалами, за олифой. Ну, я выписал командировку, и в Новосибирске уже мне дали очки. И я в первый раз увидел самолёт в небе, летевший выше деревьев в небе, - первое впечатление было такое очень сильное!

Ещё год я жил в общежитии. Ну, конечно, жизнь там была не такая уж хорошая. Рацион студента: 600 грамм хлеба и в столовой такой суп из капусты без ничего. Как раз у нас один был парень в нашей комнате - жуликоватый такой. Подсмотрел у столовских: кто-то взял и припрятал бидончик с растительным маслом. Причем, масло хлопковое такое, чёрное. Он спёр этот бидон и принёс к нам в комнату. Бидончик такой литра на два, наверное. Ну, мы что ж, взяли. А есть охота страшно! Хотя знаешь, что ничего нету, а всё равно ищешь, хочешь чего-нибудь найти. И вот мы взяли тогда свои карточки, пошли купили хлеб на два дня вперёд. Накрошили такую тюрю: миску большую взяли, туда этот хлеб крошили, вылили всё это масло и ели. Думали, что пусть пронесёт, но по крайней мере, наедемся. Поели - ничего не произошло - но были сыты!

Борис:

- Ну, понятно...

Николай:

- Вот, ещё о своём первом пьяном опыте... Когда я учился, у нас была преддипломная практика на заводе. Наш участок, где я работал,

перевыполнил план. Ну, хорошо поработали, и нам в порядке поощрения устроили маёвку. Посадили нас в грузовики и отвезли в Зинковский парк - это за городом километра 3-4, может быть. И каждому, как положено, выдано по пол-литра водки-сырца и какая-то закуска. Но поскольку посуды никакой не было, налили мы её в какие-то глиняные черепки. Тогда тарелок уже не было, сами из глины делали такие тарелки. В глиняные черепки налили мы этого сырца, а закуски ещё не привезли. Вот мы ходили, ходили с ними и давай пить. Выпили, а потом привезли пряники на закуску, медовые пряники. Закусили этими пряниками. А у меня так капитально закружилась голова! Ну, я, думаю, пойду я к озеру, а там был пруд возле станции, думаю, пойду освежусь. Только начал нагибаться, земля тянет к себе. Думаю, нет, так я упаду и пропаду. Пошёл я и нашёл такое толстое солидное дерево, по него лёг. И вот я лежу, а вот так вот всё кружатся, кружатся верхушки деревьев. Потом меня стошнило раз, стошнило два, в общем, раза три, наверное, стошнило...

Борис:

- А с чего тошнило, вы же не ели ничего?

Николай:

- Ну, что-то же было в желудке. Понимаешь, выворачивало наизнанку. Приехал я в общежитие, мне ребята говорят: "А что с тобой?" А я говорю: "Ничего, вроде". Тогда уже всё прошло. Глянул на себя в зеркало, а у меня лицо вот такого цвета, ну, - сизое такое. Так после этого, после этого... На противоположной улице кому-то наливают, а у меня от этого запаха тошнит.

Борис:

- А другие как? Выдержали всё это?

Николай:

- Но, а о других я не помню, я только о себе помню. Насколько я помню, было отравление. И я впервые выпил водки уже в Минске. Когда приехали, отец достал чекушку по поводу приезда, мне отказываться было как-то неудобно, я впервые 100 грамм выпил. Вот это лечение было!

Борис:

- Ну, хорошо, Коля. Поскольку мы уже дошли почти до Минска, я пару слов расскажу про Волковыск, где мы жили с 46-го по 48-й год. Правда, я мало что помню. В Волковыске я хорошо помню речку, где

мы пескарей ловили. Потом, помню, там какой-то был курган, куда мы пацаны лазили и выкапывали артиллерийский порох. Это цилиндрики такие, с которыми потом хорошо было всякие штуки делать - салюты, взрывы... Помню, почему-то, как меня мать заставляла собирать бутылки, мыть их и сдавать. Их было полно накоплено где-то в доме, сарае. Но их надо было все помыть, тщательно очистить, и потом можно было сдать. И я, помню, день мучился - это было очень противно ...

Видишь, неприятное только и помню. А вторая неприятность была такая. Откуда-то появились конфеты, наверное, Алексей Федотович получил где-то? И мать говорит: "Иди продай на базаре, да смотри не проторгуйся." Ну, я пошёл и честно начал продавать. А меня окружили цыгане: "А ля, ля, ля, ..., ля, ля..." Всё разобрали, и ничего не дали. И я пришёл опять, весь заплаканный. И за это отец опять меня побил. Вот тебя он не бил ни разу?

Николай:

- Нет, не бил.

Борис:

- Вот видишь, какой ты хороший!

Николай:

- Меня только мать в жизни однажды метлой побила. Я читаю. Она мне говорит, что надо что-то сделать, а говорю: "Сейчас". Она опять мне, а я: "Сейчас, сейчас"... И она мне по спине метлой и сама заплакала, а я нет.

Борис:

- Ну, вот, а меня, видишь как. Это было так несправедливо, что мне было не столько больно, как обидно, ни за что. Ну, меня обдурили, так пожалейте меня. А за что бить-то?

Ну, в общем, больше не о чём говорить, потому что ничего такого особенного не было в Волковыске. Городишко деревянный, ну,

такой районный городишко.

Ничего там абсолютно не было. Я как-то потом, вот уже, как говорится, 50 лет спустя съездил в этот город, пытался что-нибудь найти, вспомнить - ничего не мог найти. Во-первых, он весь перестроился, стал чистенький, культурненький. В общем, ничего не мог найти, ничего абсолютно. А тот курган, который мне казался огромным, нашёл. Оказалась - маленькая горочка такая. Вот это единственное, что я нашёл.

Николай:

- Напомни, когда вы после Волковыска появились в Минске? →

Борис:

- Мы переехали в Минске в 48-м году. 2-й класс Волковыск →

Николай:

- Выходит, вы в Минск приехали только на год раньше, чем я. Я-то в 49-ом приехал.

Борис:

- Это очень хорошо, что ты в 49-ом приехал - сможешь дополнить то, что я уже не помню. Хочу вначале рассказать свои первые впечатления о Минске. Ну, конечно, он показался мне очень большим городом. Вот, был трамвай. Трамвай проходил по нынешнему проспекту от Дома правительства до нынешней площади Калинина. Назывался проспект улицей Советской. Трамвай №1 был единственным в Минске. И вот мы как раз и жили около конечного кольца, который находился возле парка Челюскинцев напротив Ботанического сада. Ну и конечно, мы любили кататься. Что я помню - помню эти сплошные развалины вдоль всего маршрута трамвая. Помню сохранившиеся развалины Академии наук и политехнического Института, по которым мы лазили. Помню немцев, которые восстанавливали эти здания. Помню, что мы с ними обменивались. Они нам строили разные игрушки из чурбачков, всякие машинки такие. Не помню, что мы им приносили. Наверное, хлеба кусок, но что-то приносили, а они нам давали эти игрушки.

А вообще, детство прошло почти как в деревне, потому что мы жили в отдалённом тогда районе Минска. Рядом - парк Челюскинцев, Ботанический сад. А жили мы в большом барачном П-образном здании. И там жило очень много семей и, соответственно, было много детей. И помню, что мы, дети, по вечерам очень дружно и весело жили. В том смысле, что устраивали всякие игры, которые нынче уже исчезли все. Короче те, которые ... я названия даже забыл. Было интересно! Ну, конечно, пацаны играли в "маялку". Это такая игра, когда к кусочку меха привязывали, прищипливали свинцовку и ногой надо было как можно больше её подбросить, набить. Играли в "пристенок" на монеты и, конечно, играли в "тюху", тоже на деньги. Это свинцовая такая штука, которую сами отливали и которую надо кидать, попадать в кучку монет и переворачивать монеты. Вот такой был двор. И, конечно, много было связано с Ботаническим садом, поскольку это было как бы наше.

Николай:

- Но на территорию сада вы же не могли попасть?

Борис:

- Практически, там же не было никакого забора в это время. Мы же жили на территории этого сада.

Николай:

- Ну да, и сейчас это место находится на территории сада. Вот недавно ездил, ходил туда, чтоб посмотреть, где ж этот дом. Но, дома, конечно, уже нет, а на том месте сейчас какие-то грядки устроили и, видимо, что-то такое выращивают.

Борис:

- Там цветы выращивают сейчас. Правда, единственное дерево сохранилось с тех времён. Оно стояло напротив нашего дома - это огромная ольха. Она нам тогда такой казалась. И я помню, что мы играли на ней в Тарзана, то есть лазили по этим веткам, спускались

по длинным ветвям, как по лианам, изображали крик Тарзана... Ну, конечно, всякие у нас там были ребята. Были и хулиганье, были и случаи, когда собирались стаи подростков, которые не очень хочется вспоминать. Были игры всякие с огнём, патронами и с порохом. Кличка у меня была «Сивый». Но, слава Богу, хулиганом я не стал.

Ну, а жили мы в том доме, который ты уже видел, когда приехал в Минск, наверное помнишь его, может, даже подробнее расскажешь. Сначала в нём жили шесть человек, то есть мама, папа, я, и Нина, Лёша (Алексей Фёдорович) и Слава. Это были всего лишь две каморки маленькие – смежные каморки. Я помню, что спал на каком-то сундуке. Ну, а потом ещё приехал ты с Галей. А я вот уже не помню: при тебе уже Нина с Лёшей вагончик приобрели или не при тебе?

Николай:

- До моего приезда. Но там Алексей только занимался своей наукой, а так они жили в этой самой комнате. Та же квартира была – всего одна комната где-то метров 14, не больше, и кухня. Вот и всё. И на этой вот площади жило 9 человек: ни много, ни мало!

Борис:

- Это когда вы приехали?

Николай:

- Да, когда мы приехали. Но мы жили там недолго: с августа, когда мы приехали, а уже 1-го января я переехал на тракторный завод, мне дали квартиру.

Борис:

- Тем не менее, я чётко помню: как я восхищался тобой, что ты ходишь пешком на тракторный завод через Ботанический сад, через все эти дебри. Мне казалось, что это так страшно: как это он не боится рано утром в темноте идти один через такие дебри? А ведь Ботанический сад в те времена – это были действительно дебри, где мы всё имели: и грибы, и ягоды. Но часто воровали всякие культурные фрукты, совершали нападения пацанами.

В доме нашем была разная публика: были дети из интеллигентных семей, были дети совсем такие, которые потом, в общем-то, вышли в хулиганы самые настоящие. Неизвестно, чем они кончили, но, скорее всего...

Николай:

- Был мальчик, которого звали "итальянцем". Ты помнишь его?

Борис:

- Нет, "итальянца" я не помню. Но, были у нас и девочки. Какое-то влияние они на нас оказывали, потому что иногда, я помню, играли и в такие игры, как "ручeёк", или там - в "садовника", то есть с выбором девочки.

Николай:

- Интересно, а когда вы переехали уже в тот дом, который вы построили на территории ботанического сада?

Борис:

- Но это уже гораздо позже. Это, я думаю, что лет через пять или шесть. Короче, по-моему, я уже учился в восьмом классе, что ли, или в седьмом.

Николай:

- Да, и ты уже тогда занимался радио?

Борис:

- Да. Но насчёт радио можно отдельно поговорить, это история интересная тоже. А сейчас могу ещё про школу рассказать.

Николай:

- Интересно.

Борис:

- Школа была под номером 13. Ну, как мне казалось, довольно далеко. А сейчас я понимаю, что это совсем не так уж и далеко. Это сейчас, где Якуба Коласа и Дорошевича, а раньше 6-ая линия называлась. Короче, это там, где последний корпус Политехнического. На самом деле недалеко, ходьба туда была простая. Всюду по дороге были маленькие домишки - частные домики, какие-то улочки. И, наверное, минут за 20 я добирался до школы. Школа - деревянная, двухэтажная, мужская. В то время все школы были мужские или женские отдельно. Девочек мы не видели и не знали до 10-го класса, это уже когда у нас был выпускной вечер совместно с какой-то женской школой.

Николай:

- И ты полных 10 лет в этой школе был?

Борис:

- 7 лет - с 3-го класса по 10-й. Школа была интересна в том смысле, что ученики были наполовину хулиганы и бандиты, а наполовину были евреи - очень усердные и послушные мальчики. И они были, конечно, всегда отличниками: Элькин, Бухман, Нозик и так далее. Это была верхушка, а внизу были всякие бандиты и хулиганы. И была какая-то узкая прослойка середнячков, среди которой находился и я: такой очень скромный, ни к кому не пристающий, в общем, молчаливый и неразговорчивый.

Не очень я готовился и к урокам. Учился посредственно - не плохо и не хорошо, а так просто отбывал, как говорится, повинность. Ни одного преподавателя не было толкового, чтобы он кого-то мог зазечь. Это были, в основном, послевоенные либо контуженные мужики, уже ни на что не способные, либо женщины уже все такие изнервничавшиеся.

Помню, над одним историком просто издевались откровенно. Издевались так, что устраивали на его уроках бои чернилами. То есть в чернильницу ручку с пером и начинались бои. И этого бедного учителя забрызгивали всего полностью чернилами. А училку, одна была совсем молодая, довели вообще

до истерики. Один из пацанов дошёл даже до того, что, когда она его вызывала отвечать, он что-то бормотал, а сам в это время вынимал член и помахивал им, а весь класс гоготал. То есть школа ужасная была!

В этой школе я, естественно, не избежал дурного влияния. Ну, там просто издевались, если ты не такой как все! И в результате меня во дворе школы (в туалете) просто заставили начать курить. А учили вот так: ты берёшь папиросу, вдыхаешь глубокого дым, потом говоришь: "Пошла баба на базар, купила дров, затопила печку" и потом только выдыхаешь: " Дым пошёл!". Когда я это первый раз сделал, я просто чуть не упал от отравления. И, таким образом, где-то в седьмом классе меня и приучили к курению. Конечно, мы не покупали сигареты, папиросы вернее (сигарет то мы и не знали), а сшибали "бычки".

Так что в смысле науки и этики, или там чего-то ещё хорошего, школа ничего не дала. А меня родители не очень контролировали и особенно не ругали за отметки. Но, правда, у меня двоек и не было, а были тройки - четвёрки, тройки - четвёрки...

И всё-таки я был хороший и идейно подкованный мальчик. Читал Пионерскую правду, а в 6-м классе даже написал и послал в газету два своих стихотворения. В ответ я получил благодарственное письмо, но стихи к моему искреннему горю не напечатали без объяснения причин. А стихи, я и сейчас считаю, были «замечательные» для 10-ти летнего советского пионера. Вот они:

ПЕРВОМАЙ

*Встречают Май рабочие,
Учёные и прочие...
Народы всех стран света,
Австралии, Тибета.
И мы в стране любимой,
Никем непобедимой,
Весь наш советский край
Встречает Первомай.*

*Ведь сколько мы одни
Боролись ночь и дни.
Шли сквозь свинец, снаряды.
Зато теперь мы рады
Идти на демонстрацию
И с бурною овацией
Встречать слова оратора,
Оратора-новатора:*

*О том, что в каждом крае
Мы все живём как в рае,
Мы все равны между собой,
Голосовать может любой -
Кому уж 18 лет,
Тот в урну бросит свой билет!*

ИМПЕРИАЛИСТЫ

*Трумэн сидит в кабинете,
Считает мирный народ,
И вот выходит две трети
Людей за него не пойдёт.*

*Трумэн вызвал посла,
Велел ему сказать,
Что, мол, такие дела -
В Англию нужно слетать.*

*А в Лондоне старый Черчилль
Тоже считает народ.
Выходит, уже три четверти
Людей за него не пойдёт.*

*Черчилль вызвал посла,
Велел ему сказать,
Что, мол, такие дела -
В Америку нужно слетать.*

*Послы от усердия прогнулись.
Скорее, скорей - полетели,
Но тут самолёты столкнулись,
И оба, как в лужу, сели.*

ПОХОДНЫЙ МАРШ

Если нам трудно бывает в пути,
Если невмочь вам больше идти,
Вспомни нас Сталин великий ведёт:
Левой, правой путник бравый -
Вперёд! Вперёд! Вперёд!

6-й класс, 1950 г.

2. РАДИОЛЮБИТЕЛЬ, ТЕХНИКУМ СВЯЗИ

Николай:

- Когда же ты начал заниматься радио?

Борис:

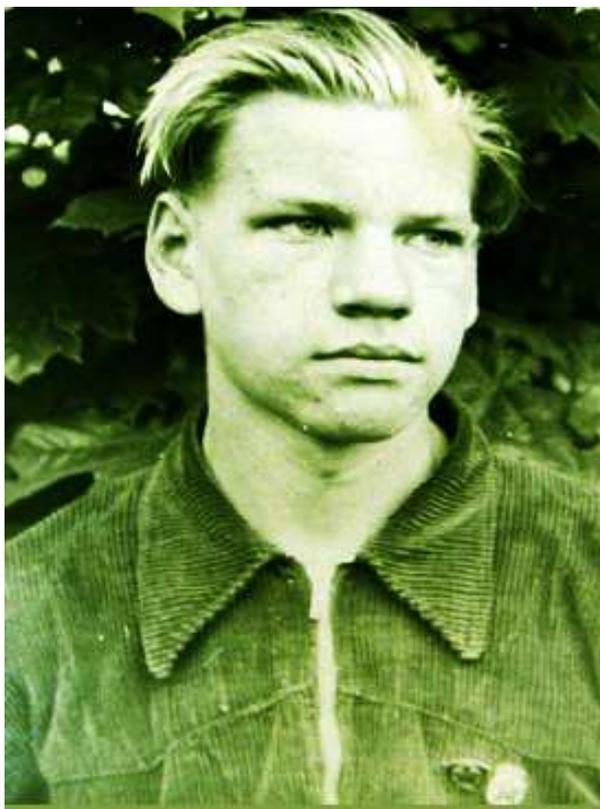
- Начал я где-то в классе седьмом. В нашем доме, вот в этом П-образном, старом ещё доме, жил парень Толик Пекарский, который был года на два меня старше. Вот он и предложил: "Давай сделаем простейший детекторный приёмник". Мы с ним начали его делать, и это настолько меня увлекло! Ну, можешь себе представить - самому сделать радио. Вообще-то у нас ничего не было, но кое-что нужное мы всё-таки отыскали.

Николай:

- Но что-то же, знали чего искать. Журнал какой-то был или что?

Борис:

- Да, был у него журнал "Радиолюбитель" и там было нарисовано, что нужно и как делать. А надо было не так уж много: надо было найти проволоку - это самое трудное, причём, определённого диаметра и в изоляции. Ну, проволоку мы отыскали. Нашли какие-то моторы, разобрали - нашли проволоку. Потом надо было сделать катушки индуктивности. Катушки делали с помощью папье-маше, наматывали бумагу с клеем на бутылку и, таким образом, получали нужные каркасы для катушек. Потом надо было в катушку вставить другую катушку поменьше, чтобы получился вариометр, с помощью которого можно было менять частоту настройки. Потом надо было сделать конденсатор самим, чтобы колебательный контур получился. Да, надо было ещё найти наушники, но тут использовали старые телефонные трубки со свалки. С наушниками тоже вопрос был как-то решён.

А самое страшное - это было детектор сделать. Что такое детектор? Смешно сейчас сказать - это самый элементарный полупроводник - диоды, которых в современной микросхеме помещается миллионы! Но тогда мы его делали вручную по описанию. Надо было взять свинец, кусочек свинца, потом этот свинец поместить в обойму - это будет один конец диода, а сверху какую-нибудь иголочку к нему, но чтобы не проколоть - это будет один конец диода. Надо было найти такое положение иголки, когда от иголки к свинцу получался полупроводник. Ну, наконец, антенну надо было сделать. Антенна - это просто длинный провод. В результате, как ни странно, эта штука заговорила и запела, мы слышали голос. Ну, и с тех пор я заразился радиолюбительством.

Николай:

- Ну, а потом ты стал делать радиостанции. Это уже, наверное, какой-то совсем другой уровень был?

Борис:

- А дальше, да, постепенно собирал всё более и более сложные радиоустройства. Дальше начал общаться не только с этим Толиком. Заразили радиолюбительством ещё одного парня - моего одноклассника Алёшу Меньшикова, тоже из соседнего дом. Потом выяснилось, что в Минске есть радиоклуб. Этот радиоклуб находился в подвале Оперного театра. И вот когда мы туда попали, то мы и обнаружили всё радиобратство. Оказывается, таких вот пацанов было довольно много в Минске. И с тех пор я начал постепенно делать уже не детекторные, а ламповые радиоприёмники, а потом уже и радиопередатчики.

Я и Алёша Меньшиков

Ну, знаешь, детекторный приёмник - это простейший приёмник, где просто антенна улавливала волны. Потом без всякого усиления волна детектировалась, то есть превращалась из высокого колебания в низкое колебание, которое можно слышать уже в наушники. Но это был очень малочувствительный приёмник, надо было радиолампы использовать. И я начал делать всё более

совершенные приёмники. То есть сначала одноламповые, потом двухламповые, потом трёхламповые.

Постепенно приборахлялся всякими конденсаторами, резисторами, проводочками, панельками... И всё это уже было возможно благодаря возникшим связям, взаимной кооперации. Лазили на радиозавод через забор, чтобы там на свалке пожить. Много раз ездили на городскую свалку, знали уже расписание машин, когда приходят радиозавода. И это начиналось пиршество, поскольку столько можно было добра понаходить, просто безумное количество. Это было, как праздник...

с

Николай:

- Интересно, какая судьба твоих первых товарищей по радиолюбительству? Тебе известно кем они стали, что с ними было?

Борис:

- Ну, вот Толик Пекарский, он стал радиоинженером и потом даже заведующим отдела минского радиозавода, то есть он по этой специальности так и работал. Но Толик Пекарский не стал радиолюбителем-связистом. Толик там конструированием занимался, то есть он делал всё более и более сложные радиоприёмники, но не занимался радиосвязью. А я с Алёшей Меньшиковым перекинулись от конструирования радиоприёмников на радиосвязь. А радиосвязь - это значит делать не только радиоприёмники, а и передатчик ещё, и специальные антенны. Там целая история... Поэтому у меня с Толиком поддерживались только дружеские связи. Но совместная творческая работа началась уже с Алёшей Меньшиковым, с которым, собственно говоря, мы и доучились до 10-го класса. И поскольку в Минске больше ничего не было, никакого радиоинститута, то мы с ним вместе же и поступили в техникум связи. Но это уже случилось позже.

А до этого, уже в 8-ом классе, когда мы переехали на новую квартиру в ботаническом саду, помню, какой был восторг, когда мы установили между собой радиосвязь на расстоянии около полукилометра. Это было что-то такое невообразимое для меня, потрясающее впечатление! Ну, а потом пошли радиосвязи уже с другими радиолюбителями из Минска, а дальше уже и со всего Советского Союза. Их становилось всё больше и больше. В конце концов, я даже стал перворазрядником по радиоспорту, наверное, уже после поступления в техникум связи.

Николай:

- Да, очень интересно! А что ещё интересного ты достиг как радиолюбитель до службы в армии?

Борис:

- Ну, я упустил такой важный момент, что кроме занятий непосредственно радиосвязью, я ещё в Минске впервые занялся, так называемой, "охотой на лис". "Охота на лис" - это такой спорт, когда где-то спрятаны радиостанции в лесу, ну, километров, примерно, три друг от друга эти станции, которые называются "лисами". А потом выпускают «охотников», а станция подаёт сигналы: "Я лиса один, я лиса один" через некоторый промежуток, но не всё время, "Я лиса два, ... я лиса три". Ну, и надо было найти этих лис по порядку за как можно короткое время: кто первый, кто второй, кто третий и так далее...

Я был в числе участников и организаторов Первых белорусских игр "охота на лис" - стал чемпионом. А позже съездил на Первые всесоюзные соревнования - под Москвой. Там получилась такая

Охотники на лис

история. Я занял третье место, но мог бы и лучше. Получилось так, что в ходе увлечённого бега я потерял антенну, потерял в лесу, а лес

глухой и не понятно, куда бежать. И вот надо было что-то делать. Естественно, когда есть радиопеленгатор, то, конечно, ты не смотришь ни на солнце, ни на приметы вокруг, потому что для тебя главное пеленг и по пеленгу бежишь. Поэтому, когда потерял антенну, где я очутился, я понятия не имел. Надо было срочно сделать антенну, найти для этого хоть какую-нибудь проволоку. Я долго блуждал, и нашёл какую-то ограду колючую, и из колючей проволоки соорудил антенну. В результате, я всё-таки был в числе 3-х участников, которые нашли всех трёх лис.

Ну, вернёмся ещё назад. Я забыл упомянуть о такой вот вещи, что в 56-ом году радиолюбителям разрешили работать в новом ультракоротковолновом - УКВ диапазоне. Раньше можно было только в коротковолновом работать, и там были очень жёсткие требования: надо было морзянку знать и другие требования, связанные с возможностью связи с зарубежными станциями. А в ультракоротковолновом диапазоне можно было работать с микрофоном прямо голосом. И сразу же в Минске начали создаваться собственные УКВ радиостанции. У меня был позывной RC2AAE.

Николай:

- Вы сами назначали позывной?

Борис:

- Нет, радиоклуб давал - последние буквы в порядке регистрации. Первый был - АА, потом - АБ, АВ, а у меня было АЕ, то есть я получил пятую регистрацию в Белоруссии по УКВ-спорту.

Николай:

- И вы разговаривали с другими странами?

Борис:

- Нет, других стран не было. Этот диапазон был чисто советский. Мало того, вообще считалось, что ультракороткие волны - это связь на близких расстояниях в пределах видимости. А чтобы связаться на далёкое расстояние, надо чтобы волна дошла до ионосферы, отразилась и куда-то пришла далеко-далеко. Ну, так вот, как раз совпало, что 56 - 57-ой были годами высокой солнечной активности, и ионосфера была очень плотная и сильно заряжённая. В результате, совершенно неожиданно начались сверхдальние связи на нашем УКВ диапазоне. Ну, в этом смысле я стал в некоторой степени

даже чемпионом - я установил связь с Южно-сахалинском. Представляешь? А уж сколько их там было связей! Очень много, причём каждая радиосвязь давала такое ощущение радости с обеих сторон: "Алё! Караганда, Караганда! Я - Минск! Я - Караганда! Я - Акмолинск! Я - Ашхабад!"...

Николай:

- А как потом эти связи фиксировали?

Борис:

- Потом эти связи фиксировали таким образом: каждый посылал по почте друг другу карточку в подтверждение связи. У меня и сейчас ещё сохранились некоторые карточки-открытки...

Николай:

- Я был свидетелем, когда ты разговаривал с кем-то на дальних расстояниях.

Борис:

- Да. А почему у меня это получилось? Потому что я сделал очень мощную радиостанцию. Мне удалось достать такую мощную радиолампу, до сих пор помню, как называются: ГЭУ-50, то есть аж на 50 Ватт - это первое. А второе - я сделал антенну на крыше дома - в Ботаническом саду. Ты был там, уже не помню? Ну, конечно был.

Николай:

- Я там и слышал твои разговоры по радиопередатчику.

Борис:

- А на крыше я поставил очень эффективную антенну, которая называется "двойной квадрат". Поскольку длина волны, на которой мы решили работать равняется 8 м, то сторона квадрата должна была равняться 2 м. Но если поставишь два квадрата, то, соответственно ещё усиливается отдача антенны. А если её ещё сделать

вращающейся и направлять в нужную сторону, то ещё сильнее возросло действие.

Николай:

- Как же ты этот 4-х метровый квадрат громоздил его?

Борис:

- Нет, 2 на 2 метра.

Николай:

- Но всё равно большой.

Борис:

- Большой. Но я его из толстой проволоки с крестовиной, в общем, как-то сообразил, да хотел ещё, чтобы вращался на подшипнике. И ещё там на чердаке

дома я устроил себе радиорубку, чтобы не мешать, потому что мама мне всё время кричала: "Что ты всё алёкаешь, алёкаешь да алёкаешь!". Ну, мешал всем по вечерам, понимаешь?

Николай:

- И ты перешёл на чердак?

Борис:

- Да, на чердак. Я отгородил себе слуховое окно и сделал такую маленькую-маленькую каморку. Там поставил свой передатчик с приёмником, и уже "алёкал" столько, сколько мне надо было, никому не мешая.

Николай:

- Соседские пацаны тебе не мешали?

Борис:

- Нет. Там наверху, ну кто там будет?

Николай:

- Маленькие мальчишки могли залезть же?

Борис:

- Нет, я не помню такого. А по-субботам радиолюбители Минска собирались в радиоклубе: мы встречались, обменивались радиодетальями. Каждый рассказывал с кем из дальних городов он связался. Такое, как бы, соревнование было.

Николай:

- Это всё было после школы?

Борис:

- Да, это было в техникуме уже. Эти два года, когда я учился в техникуме, я активно занимался радиолобительством. Я за это время сделал сам классный радиоприёмник, такой, который не купишь. Передатчик сделал. Сам сделал приёмник для ультракоротких волн и, кроме того, сделал ещё и приёмник для домашних нужд. Тоже такая большая бандура стояла у меня около стола слева, если ты помнишь.

Мало того, впервые (ещё ни у кого не было) я сделал магнитофонную приставку, т. е. плёнки эти уже были, а магнитофонов не было. Детали какие-то были для магнитофона, и я к проигрывателю сделал приставку, т. е. ставил катушку на диск, она вращалась, и там магнитная головка была. В общем, примитивная такая приставка, но она записывала и воспроизводила.

*Участнику наблюдений за первыми в мире
Советскими искусственными спутниками Земли*

Лобанов Б.М.

Благодарим Вас за присланные сообщения. Ваши наблюдения представляют научную ценность и используются нами при обработке материалов в соответствии с программой Международного геофизического года.

Мы надеемся и в дальнейшем получать Ваши сообщения.

Комитет СССР по МГГ

И вот благодаря ей мне удалось единственному в Белоруссии, в Минске, записать сигналы первого искусственного спутника Земли. Как ты помнишь, в октябре 57-го года, был запущен спутник, который давал сигналы - «бип, бип, бип», именно на этом любительском УКВ диапазоне. И я их записал и оказался единственным. Рассказал об этом в радиоклубе... А телевидение тогда с клубом связывалось: не записал ли кто-нибудь сигналы спутника? И вот меня пригласили на

телецентр, где я демонстрировал эти записи. А потом послал сообщение в Москву. Так что у меня есть официальное свидетельство: Лобанову Борису Мефодьевичу - наблюдателю за первым искусственным спутником Земли.

Ну вот, Коля, такие вот мои радиоловительские подвиги!

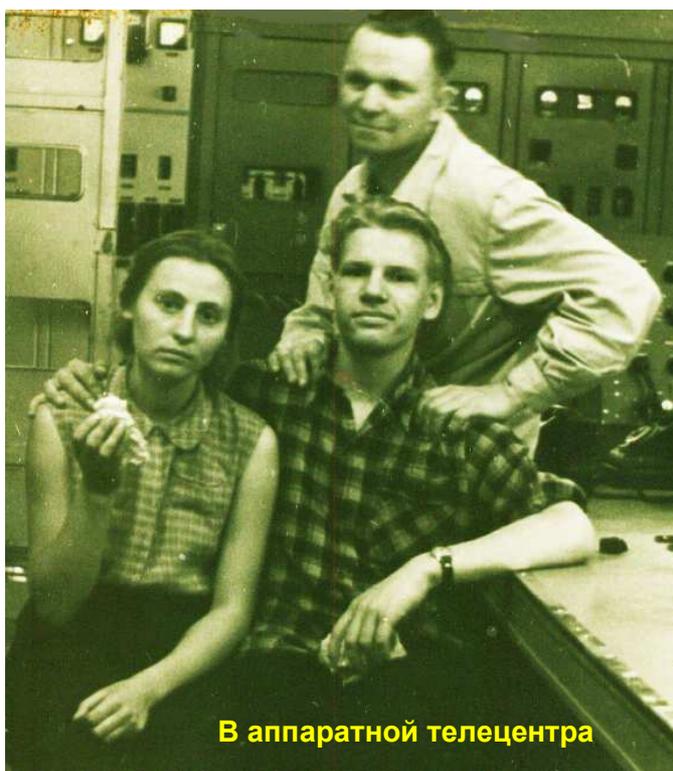
Николай:

- А как твоя учёба в техникуме?

Борис:

- В техникум связи я поступил с первой попытки, но, к сожалению, мне не хватило баллов на отделение радиосвязь, и я попал на линейно-кабельное отделение. Но путём хождения многократного к директору, и говоря, что я столько уже умею и могу, меня, в конце концов, перевели в группу радиосвязи. И уже учась в этой группе, я вдруг почувствовал себя человеком. Ведь в школе я осознавал себя каким-то забитым середнячком. Меня часто обижали, а однажды даже хотели побить - один пацан был такой. Но когда он меня уж слишком разозлил, я озверел и дал ему такой дикий отпор, что потом меня больше не трогали, знали, что я могу взорваться так, что мало не покажется. Но, всё равно, я чувствовал себя "серой мышью", ничтожной личностью. А в техникуме я вдруг почувствовал себя таким знающим, таким специалистом, таким отличником. Я учился лучше всех, и причём, мне это не составляло никакого труда. Я всё понимал, мне всё нравилось, я с огромным удовольствием ходил на лекции, на занятия, на практические. Я был лучшим учеником у всех учителей, а в конце сделал очень сложный дипломный проект и окончил техникум с отличием - с красным дипломом.

Поскольку я поступил в техникум после десятилетки, то учёба продолжалась только два с половиной года всего. Где-то в январе 58-го нас уже выпустили и меня направили на Минский телевизионный центр. Работа там была неинтересная, эксплуатационная работа. Но я знал, что это ненадолго, а кроме того, было много всяких интересных дел собственных, поэтому я сильно не переживал. Я знал также, что осенью наверняка

поступлю в радиотехнический институт, который как раз открылся в это время. Это, правда, пока ещё был не институт, а факультет в политехническом, который чуть позже стал институтом. Я знал, что медалисты и красnodипломники должны зачисляться без экзамена. Такие были правила, поэтому я ни к чему не готовился, ни к каким экзаменам.

Так прошла весна, и тут вдруг в июне Указ - отменить всякие льготы, хрущёвский Указ был, медалистам и красnodипломникам - поступать на общих основаниях. А экзамены сдавать те же самые, школьные, а я, как понимаешь, мало что знал из школьного курса.

Николай:

- И срезался, да?

Борис:

- Нет. Не сразу... Я узнал уже где-то летом об этом, то есть мог бы ещё готовиться, но вместо этого я решил обхитрить всех и сделать такую радиостанцию, с помощью которой можно было бы сдавать экзамены. И это мне удалось. Сама радиостанция, в те годы, уже был большой технический подвиг, достижение. Мне удалось её сделать на пальчиковых лампах в виде небольшой коробочки, которая помещалась во внутреннем кармане пиджака! При этом антенна спускалась вниз по штанам до самого пола. Микрофон помещался в

рукаве пиджака, переключение «приём-передача» осуществлялось нажатием выключателя коленками: нажал - передача, отпустил - приём. А телефон помещался в ухе, а ухо заматывалось бинтом... А моя сестра Нина - врач, мне профессионально делала перевязку на каждый экзамен, и я шёл с «больным» ухом.

Николай:

- Как в том популярном кино!?

Борис:

- Но в том то и дело, что кино это - «Триключения Шурика» - было показано значительно позже. Я потом сам удивлялся, как это мне удалось предвосхитить его!

Перед сдачей вступительных экзаменов я со своим другом договорился, что он мне будет помогать, ассистировать. Я прошёл по всем этажам Политехнического института, никто же не знал, где будут экзамены. Везде проверил - связь работала отлично, всё нормально, я успокоился довольный подготовкой. Провёл колоссальную подготовку, но одно не учёл, что надо было ещё подготовить и ассистента-подсказывающего! Но оказалось, что вот он то сам ни хрена и не знал! Поэтому эта штука не только не помогала, а она мне даже страшно мешала. Я не мог ни как следует сосредоточиться, вспомнить даже то, что знал. Короче, я погорел со страшной силой на экзаменах и в результате загремел в армию на 3 года!

Николай:

- Ну, хорошо! С радиолюбительством всё ясно. А вот скажи, неужели, в свои юношеские годы до призыва в армию ты думал исключительно только о радио? А девушки?

Борис:

- Да что тут рассказывать? Лучше всего и, пожалуй, честнее мои переживания тех лет отразились в стихотворениях 56-го - 58-го годов. Как я помню, они писались произвольно, в один присест, обычно ночью, и похожи на «страдания юного Вертера». Вот некоторые из них:

К ***

Слякоть, дождь, а мне не спится...
Сердце, полное тревог.
А усну - всё та же снится,
Та, с кем встретиться не смог.

Завтра с ней, быть может, встречу,
Может быть, она придёт
И, как в тот дождливый вечер,
Снова счастье принесёт.

Может быть, а может не' быть...
Размечтался, как во сне.
Всё красавицу тебе бы -
Что же, жди удар вдвойне!

Апрель 1956 г.

Чем кончу? Я ещё не знаю,
Но взгляды томные ловлю.
И хоть душой их презираю,
Но страстью бешеной люблю...

Август 1957 г.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

Мне попался счастливый трамвайный билет.
Сохраню, ведь не всем так чертовски везёт?
Но, где взять это счастье, которого нет?
И зачем? - ноль надежды и много хлопот.

Я привык к неудачам и к ним охладел,
Сгоряча побушую - и всё хорошо.
Снова стойко терплю свой печальный удел,
Только чёрным пятном с душу холод вошёл.

Слишком много хотел в жизни счастья узнать,
Слишком много желал и не в меру любил.
Я хотел, чтоб дарили - пришлось воровать.
Что имел - потерял... сколько отдано сил!

Эту жизнь ненавидя, я с ней не порвал.
Я искал и искал - стал себя ненавидеть.
Как заполнить в душе моей страшный провал?
Кто возьмёт у меня мою боль и обиду?

... Но никто не хотел мою душу понять,
В пустоту я ронял и проклятье и стон.
Я один. Бесполезно о помощи звать,
Нет надежды, прервать этот тягостный сон...

Сентябрь, 1958 г.

3. РЯДОВОЙ В/Ч, НАЧИНАЮЩИЙ РЕЧЕВИК

Николай:

- Расскажи теперь, как протекала твоя армейская служба?

Борис:

- Давай начнём сначала, с того, что осенью 58-го года я получил повестку в военкомат, прошёл медкомиссию и оказался абсолютно годным к службе в армии. Постригли меня и сказали - готовься к отправке эшелона на место службы. На 3 года!

Ну, и через несколько дней, а это был сентябрь - конец сентября, отправился на сборный пункт в районе Октябрьской площади, где-то там на спуске вниз, если идти перпендикулярно проспекту через площадь. Помню, много очень

пацанов туда пришло: кто-то болтался снаружи, кто-то валялся внутри барака на нарах.

Короче, собрали... и вот эту рвань - много-много пацанов, одетых как-попало, сержанты построили в такую большую длинную колонну и повели на вокзал пешком. Там нас ждал уже эшелон товарных вагонов. И я попал в какой-то, так называемый, столыпинский вагон. Нас разбили, естественно, по вагонам...

Николай:

- Называли по фамилии и каждого посылали в определённый вагон?

Борис:

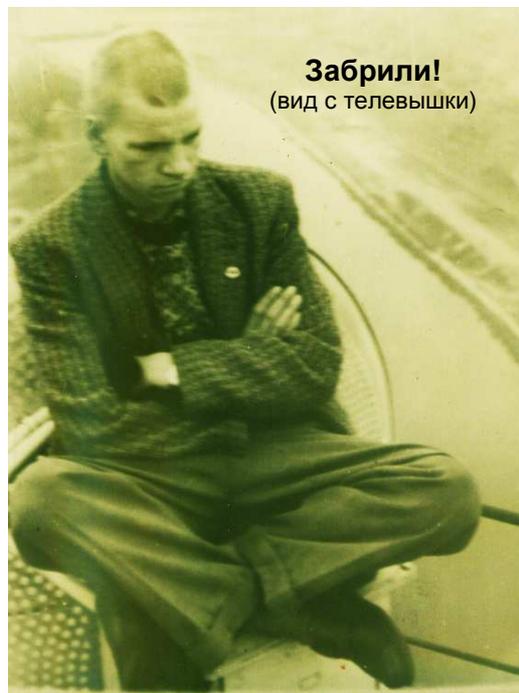
- Нет! Просто так кучками отсчитывали: эти - в этот вагон, эти - в тот вагон... А там - в два этажа нары, 2-х этажные нары.

Николай:

- Я в Караганду ехал на таком поезде, в таком вагоне.

Борис:

- И вот мы остриженные пацаны залезли - довольно много народу было - но лечь кое-как можно было, места всем как-то так хватило... Толком не знали: куда нас везут? Потом уже как-то по дороге

Забрили!
(вид с телевышки)

выспросили, оказалось - везут в Карельскую АССР, это в район Петрозаводска. Ну, и наверное, суток двое мы ехали таким образом пока привезли нас в Карелию. И определили сюда..., но не всех, а только наш вагон или пару вагонов. Остальные поехали дальше ещё на Север... Так что нам, в общем, повезло, можно сказать, потому что мы попали в воинскую часть, которая обслуживала лётчиков. А меня послали как раз в ту часть, которая отвечала за технику связи, т. е. за все радиостанции и радиолокаторы...

Николай:

- Тебя, видимо, не случайно туда всё-таки определили?

Борис:

- Нет, я думаю случайно, потому что я оказался единственным специалистом по радисвязи среди всех вновь прибывших. Но, правда, что приятно было, что все ребята оказались из Минска и, в общем, грамотные ребята, по крайней мере, десятилетку все закончили. Но я был единственный специалист.

Сначала службы полгода - курс молодого бойца. Это значит - маршировали, в общем, налево - направо, уставы всякие учили, караульная служба и так далее... Но и, естественно, строгий распорядок: утром в 6 подъём, койки сначала заправляли - полторы минуты давалось на заправку. Потом зарядка. Да какая зарядка! Бегом - по пояс голые, не смотря ни на какой мороз, пробегали в сапогах довольно большое расстояние по-лесу.

Николай:

- До заправки коек или после?

Борис:

- Как только 6-00 и сразу: "Рота! Полторы минуты, подъём!" Вот за полторы минуты надо заправить койку, причём очень аккуратно, и выстроиться всей ротой, а там уже сержант ждёт и побежали... Ну, когда прибежали, тогда уже помылись, потом построение и в столовую: "С песней в столовую шагом марш!". Приходили в

столовую, аппетит зверский совершенно был. Ну, кормили... да нормально, но чувствовалось не хватало всё время. В то время кормили неплохо, т. е. всё было: и первое, и второе, и много селёдки, и каши перловой - как положено. Но, как известно, молодому организму много нужно, да ещё гоняют...

После завтрака была учёба: воинский Устав, потом строевая подготовка, стрельба из автомата, и так все эти три месяца - курс молодого бойца. Ещё учебные стрельбы были, в караулы посылали, потом наряды всякие: каждый солдат должен был неделю либо на кухне, либо уборщиком быть - чистить всё, вплоть до гальюна. Каждую неделю был очередной наряд, а за всякие преступления, даже маленькие, давался наряд вне очереди. Ну, противное самое был наряд на кухню - это чистить котёл, в котором варится каша. Это такой огромный котёл, где в него нужно было вниз головой засунуться - жарко! - и чистить его.

А ещё противно было много-много картошки долго и нудно чистить. Там сначала её через машину пропускают, а потом нужно только выковыривать глазки. Об этом времени я сочинил такой припев к солдатской песне:

*Сколько метров съедено селёдки!
Сколько грязных вымыто полов!
Сколько караульных дум нелёгких
Заживо студили нашу кровь.*

И была ещё постоянная тоска о прежней жизни, навевшая такие вот «караульные» стихи:

Дневальный на посту

*Ночь, тоска и досуг часового;
Хорошо бы снова взяться за стихи.
Только тускнет память, а в душе ни слова,
Мысли еле тлеют, да и те плохи.*

*Тяжело сознаться, что прошло полгода,
А уже забыты страсти и любовь!
Быль чувства где-то штормовой погодой,
Только штиль карельский заморозил кровь.*

*Все ушло в небытие: радости, сомненья,
Обернулось счастье тыльной стороной.
Вместо увлечений - подлость и терпенье
Тоползли, как змеи, за моей душой.*

*Но не всё потухло в сердце опустелом,
Есть за что бороться - есть причина жить!
К счастью, как и прежде, я с любимым делом:
Не ушла возможность думать и творить.*

А в общем, интересно заметить: никакой дедовщины и близко не было, а наоборот - была мужская солдатская дружба. Может потому, что большинство из нас были с одного города Минска?

Николай:

- Не по тому! Это было ещё время то - другое.

Борис:

- Никакой дедовщины, Коля. Были совершенно дружеские отношения, т.е. вплоть до того, что мы в самоволочки ходили и друг друга прикрывали. Потом всякие хохмы устраивали. Т.е. наоборот, старались подкузьмить и какую-нибудь гадость сделать начальству, а не солдатам. Вплоть до того, что некоторые наши солдаты заводили шашни с офицерскими жёнами - вполне нормально это проходило.

В общем, так вот первая часть - курс молодого бойца закончилась, и принёс я присягу. А поскольку я оказался специалистом, меня определили радиомастером этой воинской части. Это значит, что у меня теперь была мастерская в землянке и всё необходимое оборудование. Правда, звания мне не присвоили никакого, так рядовым я и прослужил. Потому что, если ты уже ефрейтор, то потом командир отделения - сержант, а значит командир, а мне не нужно было никем командовать.

Николай:

- Не положено.

Борис:

- Так что теперь у меня были мастерская, были приборы, были радиодетали - всё было. То есть я попал, как говорится, в свою стихию...

Николай:

- Помощник постоянный был?

Борис:

- Нет, только когда надо было, на подхвате, какой-нибудь совершенно неспециалист. А мастерская у меня была - землянка, отдельная земляночка. И там я - царь, бог, власть и начальник в этой земляне.

Николай:

- Ну, а службу строевую ты ещё проходил после этого? Подъём, зарядка?

Борис:

- Всё это было. Утром подъём, физзарядка, на обед - строем, в караул ходили, как положено всё. А в другое время занимался ремонтом аппаратуры. А вот другим там давали работы всякие, ну, всякой ерундой занимались: заборы красить, канавы копать - как говорится: «от обеда до забора, от забора до обеда».

Николай:

- А ты сам шёл или докладывал, что пошёл туда или сюда?

Борис:

- Ну, все знали, что я иду на работу. У меня была стандартная работа, так сказать, не надо было докладывать. Ну, а другим солдатам: этой группе - такая-то работа, этим - такая-то, эти - туда, эти - на стройку, эти - чистят машину, эти ..., ну, в общем, всё, что там надо было по воинской части делать. А я был в таком достаточно привилегированном положении. Я хорошо разбирался в технике, и проявил себя с очень хорошей стороны, в смысле: всё ремонтировал быстро, много всяких рацпредложений провёл.

И что, конечно же, надо отметить, что в этот первый год я проявил очень важную для себя инициативу. Короче, я предложил командиру части: "Давайте я создам радиокружок для детей". В гарнизоне была школа для детей офицеров..., нормальная большая школа. Меня поддержали и я создал радиокружок. Много очень ребятшек пришло, и мы все начали с увлечением делать радиоаппаратуру. В частности, уже в течение зимы к лету каждый собрал себе радиоприёмник для "охоты на лис". Я тебе рассказывал, это такие пеленгаторы...

Николай:

- А где ты всё это с ними проводил? Где у тебя была возможность?

Борис:

- В школе, а школа находилась на территории гарнизона. А гарнизон находился в 20-ти км от Петрозаводска, в лесу. То есть это был гарнизон, как все гарнизоны. Ну, там огорожен где-то был, где-то не огорожен - у него была довольно большая территория.

Николай:

- А откуда материальные ресурсы для детей, всякие радиодетали?

Борис:

- Материальные ресурсы? Что-то дал петрозаводский радиоклуб, а в основном, я из своей мастерской таскал. Ну, собственно, у

меня было много старых радиостанций, ну те, которые некондиция, которые уже не нужны, разбирали их ...

Николай:

- Утиль?

Борис:

- Можно сказать и так. Да, разбирали эти станции, а детали уже использовали для своих самоделок. В конце концов, к лету уже каждый из ребят собрал (довольно много было ребят, наверное, человек 10, что ли?) и устроили тренировки по «охоте на лис». Затем связались с петрозаводским радиоклубом, сказали, что давайте проведём первые республиканские соревнования по "охоте на лис". Ну и, естественно, никого на этих соревнованиях кроме наших пацанов не было, и мы провели Первые республиканские соревнования по "охоте на лис", где я опять же стал чемпионом, но уже Карельской республики.

Николай:

- То есть сам тоже участвовал?

Борис:

- А как же? Я уже был чемпионом республики Белоруссии на первых белорусских соревнованиях по "охоте на лис", а сейчас уже на первых этих республиканских.

Николай:

- А сейчас есть какое-нибудь спортивное общество по "охоте на лис"?

Борис:

- Сейчас уже, по-моему, нет.

Николай:

- Я помню, что раньше бегали...

Борис:

- Да много бегали! Хотя, впрочем, недавно, года два назад, я видел, как в парке Челюскинцев дети бегали. Да, есть, Коля, есть! - бегают, просто сейчас об этом мало пишут.

Николай:

- Тебе надо с ними связаться, понимаешь? Ты же историческая личность, для них это интересно будет.

Борис:

- Ну, не знаю. Я уже, пожалуй, доисторическая личность.

Николай:

- Ну, так вот! Доисторической можешь быть.

Борис:

- Короче, мне было очень хорошо и на работе, и в школе. Я занимался любимым делом, мне было приятно заниматься с пацанами, я их по-настоящему увлёл радиотехникой.

Николай:

- Тебе было приятно, что они так интересуются твоим делом?

Борис:

- Да, конечно. И вот, проходит уже первый год службы - 1959 г. Лето прошло, а к сентябрю месяцу, как говорится, грянул гром: меня вызывает командир батальона и совершенно неожиданно меня отстраняют от руководства радиокружком по обвинению в воровстве радиодеталей из мастерской. Вначале даже хотели посадить на гауптвахту, но потом отменили. Однако самое главное они сделали - они отстранили меня от школьного радиокружка. Как потом выяснилось, не обошлось без человеческой подлости. А ларчик открывался просто. Один из майоров вышел в отставку и захотел пристроиться в школе. А я занимал как бы штатную должность в школе - руководителя кружковой работы. И ему, чтобы занять эту должность, надо было выгнать меня оттуда. Вот он и написал такой донос.

Николай:

- Но ты же не числился там?

Борис:

- Не помню, может я и числился как-то.

Николай:

- Деньги получал?

Борис:

- Денег точно не получал никаких. Какие там деньги?...

А вот для меня это был такой страшный удар, это было совершенное потрясение, что я начал задумываться чуть ли не о самоубийстве. Но потом я решил, что с жизнью я кончать пока не буду, а попробую очень сильно заболеть. И начал искать способ, как заболеть, чтобы уволили из армии, вообще, и может быть, комиссоваться. Я в какой-то книжке читал, что косили от армии таким вот образом: использовали шёлковые ленточки девичьи, резали их, скручивали и курили шёлк, а в результате получалось воспаление лёгких, или что-то очень похожее... Я нашёл в гарнизонном магазине эти ленточки, купил и несколько дней курил. Это было очень противно, но ничего со мной не случилось почему-то...

Потом я вычитал где-то или услышал, что если, скажем, взять пачку чая, заварить и выпить её ...

Николай:

- Чайфирь сделать.

Борис:

- Да, то тоже может что-нибудь с сердцем случиться. И я это сделал. Это было ужасно, я лез на стенку и всю ночь не сомкнул глаз. Всё это мне очень не понравилось. Но опять ничего не случилось. Тогда я ещё третий способ придумал...

Уже был октябрь месяц, холодно. Я начал бегать: долго-долго бегал, а потом ложился на холодную землю и лежал остывал, пока не остыну. Так я пару дней делал - ничего не берёт. Потом взял нырнул в озеро, в ледяную воду - выскочил, как ошпаренный! Короче, ничего не помогло, и я понял, что это судьба. И тогда я такой стишок написал:

Я сквозь бурю прошёл - я себя испытал.

Своё тело тогда сгоряча истязал.

И хоть много в тот день навсегда потерял

Распрямилась душа, ум суровее стал.

Вот, на этом я и успокоился.

Николай:

- Тебя от кружка освободили, а от мастерской?

Борис:

- Нет, радиомастером я остался...

Николай:

- Это просто из-за обиды?

Борис:

- А как же... Я столько вложил в пацанов, и так ожидал, что буду с ними работать все три года, что я сделаю из них таких специалистов! В общем мечталось - мы такого натворим за это время, и вот всего этого не стало.

Николай:

- Но всё же работал потом этот кружок?

Борис:

- Знаешь, по-моему, там всё сгнуло, ничего не осталось. Да, помню приходили ребята, жаловались, что ничего уже нет.

Но, как говорится, нет худа без добра! И вот в октябре месяце, наверное по велению свыше, я вдруг ни с того, ни с сего подумал, а каким это образом мы говорим и слышим человеческую речь? Что это за звуки такие мы издаём и как можно понять, что это такое? Я сделал усилитель, взял микрофон, осциллограф и вот с тех пор уже больше 50 лет - смотрю и изучаю речь. И тогда же я завёл тетрадь, сохранившуюся до сих пор, которую озаглавил:

ДЕЛО № *2 Начато: 25 октября 1959 г.

Окончено: ... (так и не окончено!).

**(имелось ввиду, что дело №1 - радиолюбительство)*

И придумал девиз: «*ФонемоФон ведёт к ФонемоГрафу*», и молитву: «*Будь благословенен исполненный муки во имя науки и скуки великий мой мизерный труд*», и название своего будущего сочинения: «*Мифический концерт лекций, отражённый в зеркале будущего мраком фантазии и невежества, присущих фонетизму*».

Николай:

- И это всё, что ты успел сделать?

Борис:

- Конечно нет. Но главное я поставил сам себе эту проблему.

Николай:

- Проблему... я понял, а ещё что-нибудь успел сделать?

Борис:

- Ну, многого я, конечно, сделать не успел, потому что и не знал, как и что делать. Я тогда только мог использовать микрофон и осциллограф, произносить и смотреть на осциллограммы звуков: *а*,

о, у, сэ, шэ, фэ и др. Изучать, как выглядят волны этих звуков. В результате я самостоятельно сделал классификацию звуков, как выяснилось, очень похожую на ту, которая уже существовала. Правда, названия очень экзотические получились – я потом смеялся: какие интересные названия тех же самых звуков, но как-будто на другом языке. У меня там были какие-то полостные, гортанные, гулкие ...

Николай:

- На своём собственном языке.

Борис:

- Да, на своём языке названия всех этих классов звуков.

Николай:

- Ты тогда думал, что один занимаешься этой проблемой?

Борис:

- Да, вначале. Но, как-то я – тоже случай какой удивительный! – в тумбочке у соседа обнаружил журнал "Техника молодёжи". Смотрю – там оказалась статейка об изобретении цветомузыки Леонтьевым. Ну, ладно, светомузыка, я почитал. Это очень интересно, что, мол, если звук представить в виде набора разных цветов, например, низкие частоты представить красным, средние – зелёным, а высокие – синим цветом, т.е. так, чтобы музыка сопровождалась соответствующими цветами – это усиливает эффект восприятия музыки. Сейчас-то это не новость!

Светомузыка, это ладно! Но главное для меня было то, что в конце я прочитал "Мнение эксперта". И там за подписью доктора наук, профессора института физиологии им. Павлова города Ленинграда, Людмилы Андреевны Чистович, было написано, что эта работа очень интересная и вот такие работы могли бы помочь в решении даже в такой сложной проблемы, как распознавание речи. И вот тогда я впервые узнал, что не я первый, а кто-то ещё занимается речью.

Не надеясь на ответ я написал письмо в Институт физиологии им. Павлова, профессору Л.А. Чистович. И как ни странно, получил ответ. Вот он, с моими нынешними комментариями:

Уважаемый т. Лобанов!

К сожалению, заметку в «Технику молодёжи» о работе Леонтьева мы не только не писали, но даже и не читали. Работа Леонтьева была у нас на отзыве и, очевидно, материалы этого ответа были кем-то использованы при написании заметки.

- Снова случайность: могли бы и не использовать в заметке.
Проблема распознавания фонем работой Леонтьева ни в коей мере не решается. Эта проблема является очень серьёзной и трудной, и над ней много работают и у нас и за границей.

- Вот как? Этой проблемой решил я, пожалуй, стоит заняться всерьёз и на долго.

В настоящее время удаётся решить вопрос о распознавании ряда звуков, но, к сожалению, при условии, если их произносит один и тот же диктор. Основной трудностью является то, что физические характеристики фонем значительно варьируют от человека к человеку.

- Значит, прежде всего, решил я, надо приняться за изучение физических процессов речеобразования. В Петрозаводской библиотеке я открыл для себя фундаментальную книгу Н.И. Жинкина «Механизмы речи», из которой выписал, как эпиграф в тетрадке: «Речевой звук - это величайшее разнообразие, целый мир, сонм звуковых признаков».

Проблема создания искусственных звуков речи значительно более проста и, в основном, уже решена.

- Что ж, можно начать от простого к сложному. Вот так родился девиз: «**ФОНЕМАФОН** ведёт к **ФОНЕМАГРАФУ**». И хотя проблема синтеза речи так и осталась до сих пор, "в основном решённой", всё же именно в этом, "значительно более простом" направлении, в будущем мне удалось, пожалуй, многое сделать.

И вот, заключительные строчки письма Людмилы Андреевны:

Думаю, что заниматься этими проблемами кустарно (в одиночку) не имеет смысла. Если Вы хотите дальше работать в области автоматического распознавания и

синтеза речи постарайтесь прежде всего приобрести необходимые знания. Совершенно необходимо знание английского языка. Подавляющее большинство работ по этим вопросам публикуются в J. Acoust. Soc. Amer. (Журнал американского акустического общества). Пока у Вас есть время займитесь языком и постарайтесь по окончании службы поступить в институт.

Желаю Вам успеха

Ваша Л.А.Чистович

Кажется эти пожелания и советы также были выполнены. Я поступил в радиотехнический институт, вполне овладел английским языком, стажировался в Англии у известных «речевиков» - Черри в Лондоне и Лоренца в Эдинбурге, и даже опубликовал две статьи в Журнале акустического общества Америки. Но об этом позже.

Николай:

- Ну, и как пошла служба после получения этого письма?

Борис:

- Вот что я регулярно стал делать после получения письма... Обычно мне давали увольнение, раз в две недели, для поездки в Петрозаводск. Если раньше, когда я брал увольнение, то ходил на танцульки, туда-сюда, бывал в каких-то компаниях... Теперь я стал брать увольнение и ходить в библиотеку. Стал читать серьёзные книги по проблеме исследования речи, и начал уже что-то понимать. Таким образом, уже к концу службы в армии я стал достаточно образованным в области фонетики, физиологии речи, в области сигналов, из которых состоит речь и так далее... Короче, мне было ясно, примерно, с чего начинать, как и что делать.

Но, конечно, всё-таки в армии не было таких условий, той техники, тех деталей, которые были нужны, чтобы сделать, например,

Начинающий учёный

анализатор спектра речи. Этого сделать было нельзя. Но тем не менее, к Новому 1961-му, последнему году службы то, что по-проще, чем анализ речи – цветомузыку, я всё-таки сделал. И на этот Новый год, помню, потряс всех солдат, офицеров и особенно, приглашенных дам. В гарнизонном клубе играла музыка и сопровождалась мельканиями различных цветов, чем я очень гордился – всё-таки анализатор звуков, хотя и не речи.

Николай:

- Как проходил остаток службы? Наверное очень тяжело было ждать конца службы?

Борис:

- Да, конечно. Ведь шёл уже последний 61-ый год, и мне очень захотелось поскорее отслужить. Пожалуй, моё состояние лучше всего отражают написанные тогда стихи:

xxx

Как странно всё... события теснятся,
И что ни день, то новые невзгоды.
Досадно мне – приходится смиряться,
Нахмураясь видеть торжество уродов.

А дни проходят... и лишь каждый вечер,
Тупую болью вдруг изнемогая,
Опомнишься, и крик не человеческий
Готов прорваться судьбы проклиная.

Готов кричать: зачем так беспросветно
Уходит молодости страсть и вдохновенье?
Зачем на счастье подло ставят «вето»?
Зачем в законе только преступленья?

Не страшно видеть мерных дней теченье.
Но если дни, как в зеркале похожи,
Не избежать печати вырожденья,
И даже чудо вряд ли мне поможет!

xxx

Ещё два года ушло из жизни...
Но вряд ли стоит скорбеть о них:
Пустые будни, обрывки мыслей,
Украдкой счастье, толпа чужих...

xxx

Холодно, холодно в сердце моём -
Душу сжимает тоски пустота...
Шепчутся чувства: «Скоро умрём»,
Сердце отстукало: «Так, так...»

Ум растревожится - видишь кругом
Всё пустота, пустота, пустота...
В прошлое смотришь - нет ничего.
В будущем сумрак, да тлеет мечта...

xxx

Но нет, я не нытик!
Во мне есть воля,
Я много сделал
и сделаю более!
Пускай же простят мне,
когда от боли
В стихах воспеваю
лишь мрачные роли.

А был лишь один способ уйти из армии раньше срока. Если как все, то мне нужно было уходить в октябре, но можно было уйти в июле, если договориться, что я поступаю в институт. Но не в простой институт, а в элитарный московский Физтех. Там специально раньше, в июле, устраивали экзамены с тем, чтобы отобрать способных студентов, а те, которые не поступят, могли бы поступать в другие обычные вузы уже в августе месяце. Но я знал, что об этом будет очень трудно договориться с командиром части. Долго думал и придумал вот что: я просто начал, грубо говоря, предлагать что-то вроде взятки начальству. А как? Решил всем им сделать ТВ-приставки к радиоприёмникам. Тогда только появилось телевидение, но телевизоров не было, а вещание уже было. Я делал приставки к обычному приёмнику, чтоб можно было слушать, что идёт по телевизору. Ну, кроме того, я стал послушным, дисциплинированным, и в результате меня и отпустили. Таким образом, я в июле месяце отправился из Петрозаводска прямо в Москву, пришёл в этот институт, посмотрел - но мне там не понравилось.

Николай:

- А там институт не радио был? Что тебе там не понравилось?

Борис:

- Физико-технический институт, теоретического плана. Я посмотрел задачи какие-то идиотские совершенно: "Обезьяна ползёт по верёвке на блоке с одной стороны, а на встречу ей по другой верёвке - другая обезьяна...". В общем, такие какие-то надуманные задачи, совершенно дурацкие на мой взгляд. В общем, я посмотрел - нет, не понравилось.

Короче, я посчитал, что я своё дело сделал, я вырвался из армии и нечего мне делать в Москве. И приехал в Минск, где очень успешно и легко поступил на радиофакультет Белорусского политехнического института, который стал потом Минским радиотехническим институтом.

4. СТУДЕНТ - АСПИРАНТ - КАНДИДАТ НАУК

Николай:

- Ну, вот ты поступил в институт и всё пошло как у всех, как обычно? А какие всё-таки самые интересные моменты?

Борис:

- Самые интересные моменты... Поразило и запомнилось то, что два года занимались какой-то ерундой, т. е. никакого отношения к радиотехнике не имеющего. Кроме всем известных политэкономии, истории КПСС и пр., которых я даже не считаю, а нас учили, например, начертательной геометрии... Кошмарная штука! Может ты слышал, что это такое?

Николай:

- Слышал и даже знаю немного.

Борис:

- Даже учил?

Николай:

- Даже использовал её.

Борис:

- Ну, ясно. Но мне, конечно, по моему мировоззрению она очень не нравилась. Хотя, конечно,...

Николай:

- Таким как ты технарям она ни к чему, конечно.

Борис:

- Ну, хорошо. Дальше. Книга, 10 см толщиной, называется "Сопромат" - сопротивление материалов, мы её учили два года. Это ужас какой-то!

Николай:

- Это тоже ни к чему?

Борис:

- Абсолютно. Потом - конструирование машин, потом - расчёт и конструирование точных механизмов. Короче, два года у меня было ощущение, что я опять в школе какой-то, где чёрти-чему учат, и это

после техникума, где учили тому, что надо, где я ходил на лекции с большим удовольствием.

Ну, и что было делать? На лекции не стал ходить, а устроился в радиотехникум, который напротив Политехнического был, и сейчас называется радиотехническим колледжем, устроился там лаборантом.

Николай:

- Не в институте, а в техникуме?

Борис:

- В техникуме, да. Ну и, соответственно, там было у меня рабочее место, и я там конструировал свой первый анализатор спектра речи.

Николай:

- Короче говоря, ты туда поступил не для того, чтобы зарабатывать деньги, а для того, чтобы иметь доступ к деталям и иметь возможности конструировать?

Борис:

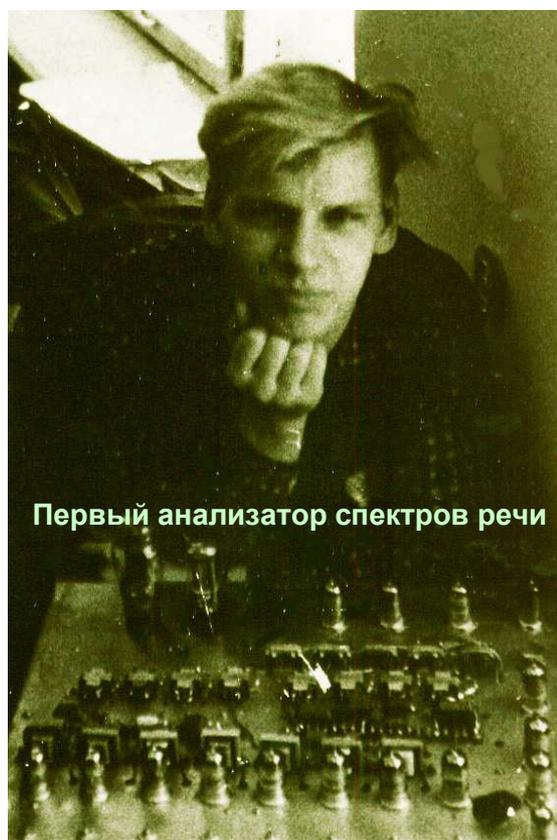
- Да, да - доступ к деталям и рабочему месту. Это же радиотехникум и надо было там лабораторные работы вести и создавать новые. Поэтому радиодеталей там было достаточно. А на лекции я практически не ходил.

Николай:

- А как же сдавал экзамены?

Борис:

- Как я сдавал экзамены? Ну, например, одна из таких хитростей - я имею в виду пока эти два года. Например, как я сдавал экзамены по сопромату, по этой жуткой толстой книге. Я в последнем семестре перед сдачей обязательно ходил на последние 3 лекции, садился за первый стол и специально мучил преподавателя всякими «умными» вопросами. Он меня запоминал как очень интересующегося сопроматом студента, вот. Но а дальше на экзамене пользовался шпаргалками, конечно, нагло - книгу открывал, а он почти не спрашивал и ставил пятёрку.

Первый анализатор спектров речи

Второй случай, который мне запомнился, это тоже сложная дисциплина - "Расчёт и конструирование точных механизмов" - в билете было три вопроса и одна задача. Естественно, я ничего не читал, ничего не знал. В книжке на первые вопросы что-то такое более-менее было и я списал. Но вот задача попалась сложная: расчёт спиральной пружины, ну, при каких-то там условиях и рассчитать. Делать нечего, я поднапряг здравый смысл - взял и рассчитал, ничего не зная. А когда я пришёл отвечать, экзаменатор говорит: "Ну, давайте начнём с задачи, так как самое значимое - решили Вы её или нет?". Я показываю. "Ух, как интересно!" - говорит. "Так никто и никогда не решал эту задачу". И поставил "пять", ничего не спрашивая у меня. Это был шедевр!

Ну, а так, в общем, на стипендию я как-то выкручивался, т. е. я стипендию получал часто таким вот халтурным путём. А через два года, т. е. на третьем курсе, организовался уже радиотехнический институт на основе этого факультета. Построили здание на ул. Подлесной, сейчас Петруся Бровки...

Николай:

- Тогда понятно, почему вначале шли предметы не по профилю. Оказывается, это был не радиотехнический институт, а только факультет?

Борис:

- Да, это был факультет, который тоже только открылся, и они не знали, что с ним делать.

Николай:

- Ясно, ясно.

Борис:

- Поэтому, когда открылся институт, тут уже надо было выбрать мне какую-то специальность. Ну, во-первых, я продолжал заниматься речью, то есть в техникуме я уже какие-то спектры звуков речи получил, кое-какие уже достижения были. Я начал понимать, что распознавание речи и, вообще, всё, что связано с речью - это что-то такое, похожее на то новое направление, которое недавно появилось и гремело - это кибернетика. Потому что кибернетика - это наука об общих информационных процессах в человеке и машинах, об аналогии. И поэтому я пошёл на факультет вычислительной техники,

который мне показался ближе всего к кибернетике. Ну, пошёл и пошёл.

Надо сказать, что мне очень не понравился основной предмет - программирование. Представляешь, то программирование в те времена - это было программирование на уровне: сложить, умножить, поделить числа, состоящие из 0 и 1... Это так неинтересно! Понимаешь? Поэтому я где-то только около года проучился по этой специальности. А к этому времени пришёл в радиотехнический институт мой бывший преподаватель - Богданович Борис Михайлович. В то время, когда я служил в армии, он поступил и закончил аспирантуру, стал кандидатом наук. Там в техникуме связи он работал как выпускник института, а за это время стал кандидатом наук и сделался заведующим кафедрой радиоприёмных устройств института. Мы встретились и он, зная меня как лучшего своего ученика, говорит: "Переходи на другую специальность, на мою кафедру". Ну, и я взял и перешёл.

Надо сказать, что учась ещё по специальности вычислительной техники, я создал научный кружок по кибернетике. Потом он превратился в студенческое научное общество и меня официально назначили его руководителем. Не так давно на юбилее радиотехнического института отмечалось даже, что первым руководителем студенческого научного общества был я, Лобанов. То есть я его создал.

Ну вот, мы собирались и изучали кибернетику. Появились первые книги на эту тему, и мы по очереди: главу первую - один человек изучал и рассказывал, а все конспектировали, затем второй человек... Вот так в течении года изучали мы кибернетику.

Николай:

- Это вне программы?

Борис:

- Абсолютно. Это обычные молодые люди, мои сокурсники. Я их смог увлечь, хотя их немного было, человек четыре-пять всего. Но мы как настоящие учёные собирались и каждый докладывал, делали всё это по очереди. Одним из них был мой будущий сотрудник Борис Панченко. Вот, что он вспоминает об этом времени уже в апреле 2011 г....

Б. Панченко:

- Как я помню, где-то, примерно, числа 7 - 8 сентября 61-го года, т.е. можем даже отметить юбилей - 50 лет как раз будет в это году - круглая дата. Ну, что ты собой тогда представлял? Ну, такой, блондин, а у меня на блондинов всегда реакция была ну не очень положительная. Что-то это мне напоминало, извини, немцев что ли с не лучших времен? Но парень умный - это как-то так сразу определялось, не знаю чем, по крайней мере, так это было.

До этого времени кибернетика была в большом загоне, но мы все считали, что это новая перспективная наука. В это время уже вышла в Союзе книга. Она называлась «Введение в кибернетику», автор Эшби. Книга написана так, что можно было узнать, что такое кибернетика и с чем её едят, и что это на самом деле совсем не лженаука, что еще и изучить можно её основы. И поэтому ты как раз предложил: «Давайте мы, ну, что бы как-то не читать одному (наверное, это скучно) давайте вместе! Ну, вместе с тобой был ещё...

Лобанов:

- Ну, кто ещё?

Панченко:

- Был Витя Спасский и был ...

Лобанов:

- И был, по-моему, Володя Минкевич.

Панченко:

- Значит, Минкевич, да. Вот четыре человека было.

Лобанов:

- И ещё какая-то Тамара, по-моему, была.

Панченко:

- Тамара, которая была толстая, но это так, от случая к случаю, и что-то у ней там не получалось. А потом, через небольшое время, Витя Спасский откололся, потому что ему было неинтересно. И уже мы остались втроём. Изучали по такому принципу, что каждое третье занятие проводит тот, на которого попадает вычисленная по каким-то там кибернетическим правилам величина, потом - следующий и так далее ...

Лобанов:

- Ну, хорошо, Боря, это я действительно помню. Потом я ушёл из этого кружка...

Панченко:

- Потом ты, глупый, ушёл с факультета, ты перешёл на другой факультет и на вечерние занятия.

Но до этого, если уж вспоминать, мы ещё умели хорошо сдавать экзамены. После каждого экзамена мы стряхивали с себя этот груз ненужных знаний, выпивали, после выпивки мы шли - Куда мы шли? - в кинотеатр по принципу: каждый следующий раз мы идём в другой кинотеатр. В результате - мы обошли все кинотеатры города Минска, даже самые вшивые и захудалые. Вот, а ходили мы по этим кинотеатрам уже без Минкевича, там у нас третьим был Валера Биневич.

Лобанов:

- И девушка с нами была.

Панченко:

- И девушка с нами. Звали её Татьяна. Она с нами не выпивала, но ходить ходила, может, не каждый раз, но ходила. Причём, было условие такое, что никто к ней не подкалывается. Она нравилась всем, но вышла замуж за Витю Спасского.

Николай:

- А твои сердечные дела, как развивались, успешно?

Борис:

- В 62-м году еще, пожалуй, не очень успешно, судя по написанным тогда строкам последнего в мей жизни стихотворения:

*Я старше стал. Ровесники мои,
Окончив институт, работают, женились.
И мне при встрече тяжело таить:
Прошло то время - взгляды изменились.*

*Не помня прошлого и будущим страшась,
Лишённый юности, ещё не стал я взрослым.
Бреду по жизни, собирая грязь,
И сам себе кажусь святым и пошлым.*

*Но я ещё ищу, надеясь и ворча,
Печальный идеал - несбыточный и смелый.
И только иногда: усталый, сгоряча,
Я называл его пропащим делом.*

Но вот, в конце 62-го года, на Новогоднем вечере я встретил красивую девушку Ирину, и в результате, в 64-м она стала моей женой и, как ты знаешь, до сих пор мы вместе.

Николай:

- Хорошо, поздравляю! А как развивались дальше твои научные дела?

Борис:

- Ну, и вот я ушёл с факультета вычислительной техники и перешёл на кафедру радиоприёмных устройств радиотехнического факультета. Конечно, никакого отношения она к кибернетике не имела и к речи тоже, но всё-таки мне показалось ближе. Тем более, что зав. кафедрой ко мне очень благоволил. И уже на четвёртом

курсе, начале четвёртого курса, когда издавались труды кафедры, я там поместил свою первую научную статью, довольно большую, о спектральном анализе речевых сигналов. После этого, когда эта статья была опубликована...

Николай:

- Это институтский журнал был?

Борис:

- Нет, это не журнал, а сборник трудов - книжонка такая институтская, сборник трудов кафедры. Каждый год они издаются.

Николай:

-По какой теме?

Борис:

- По тематике кафедры радиоприёмных устройств. Моя статья была не по теме, но он поддержал меня. Он мало того, что поддержал, но предложил: " Вот Вы сделали эту научную работу, которая вполне тянет на дипломный проект, так зачем Вам учиться ещё один год.

Давайте, Вы экстерном сдайте экзамены за пятый курс и на четвёртом защитите дипломный проект". Ну, так я и сделал и, таким образом, институт закончил за 4 года. Защитил диплом в точности по этой научной работе. Это была довольно интересная работа, на самом деле. То, что я тогда в 64-м году опубликовал - это новый способ улучшения основных характеристик фильтров для спектрального анализа. Как потом выяснилось, уже через десяток лет, эти фильтры назывались "фильтры Лернера", некого американца. Ну, я успокаивался тем, что на "Л" тоже и что я был первым. А защитился я, на "отлично". И потом после защиты диплома зав. кафедрой предложил: "Поступайте ко мне в аспирантуру ". Я так и поступил, и стал затем аспирантом института.

Николай:

- А тема какая была кандидатская?

Борис:

- А кандидатскую тему я выбирал себе сам: «Некоторые вопросы анализа речевых сигналов»... Дальше, он дал мне полную свободу. Том смысле, что делай, что хочешь, т.е. никакого руководства он не осуществлял абсолютно. Да мне и не нужно было! К тому же к моей теме никакого интереса он не проявлял, просто видел, что я человек способный - пусть работает. Я у него был, ну, очень хороший для него аспирант - не надо было ничего от него. Я помню, мало того, что он даже не прочитал моей диссертации, когда я её закончил, и даже не написал отзыв - я сам написал и отзыв, а он только подписал. Да и на защите он не был... Но это всё было позже, через 3 года.

Когда я поступил в аспирантуру, то одновременно, создал при кафедре хозрасчётную лабораторию речевых исследований. То есть мне и отдельную комнатку дали на кафедре.

Николай:

- А какой же у вас хозрасчёт? Хозрасчёт на предприятии предполагает, что вы ещё и зарабатывать должны были.

Борис:

- Да.

Николай:

- И что вы зарабатывали, на чём?

Борис:

- Что делали? Покрутились немножко. У меня уже тогда начались какие-то связи с лингвистами. А я понимал, что речь без лингвистики - пустое занятие, надо как-то знаний от них набраться: о сути речи, языка и т.д. Ну, вот, сначала был договор с Институтом языкознания Академии наук на создание анализатора спектра речи, потом - с Институтом иностранных языков заключил договор на создание прибора для исследования интонации речи. Вот такие вот первые договора. А потом, уже попозже, когда у меня больше стало связей, я уже с ленинградскими организациями, где занимались речью, заключил большой договор по анализу речевых признаков. В частности как раз, это такая полусекретная организация - почтовый ящик, где занимались тем же, что и в шарашке, описанной "В круге первом" Солженицина, т.е. узнаванием человека по голосу. Как я позже узнал, один из ведущих инженеров, с которым я работал, был из этой шарашки, но, конечно, освобождённый уже.

Николай:

- Ну, а у тебя, что за люди были ещё?

Борис:

- А у меня люди? Я не помню точно, откуда они брались. Ну, в-первых, было пару человек из того студенческого кружка: Борис Панченко, Володя Минкевич. Потом, одни уходили, другие приходили... Откуда-то они брались, тема-то интересная! Например, Николай Дегтярёв работал на заводе Ленина, радиозаводе, и ему там не очень нравилось. Как он к нам пришёл, я уже не помню. Это надо у него спросить.

Николай:

- А откуда вы зарплату выбирали?

Борис:

- Из хоздоговора, деньги хоздоговорные - тут чётко всё. Небольшие деньги, естественно. Но, короче, я вспоминаю, что лаборатория довольно большая и дружная получилась, человек шесть, семь.

Николай:

- А кто у тебя занимался всеми этими хозяйственными делами? Расчёты получить, деньги получить, выдать зарплату, если это хозрасчётная организация.

Борис:

- Я и занимался. Я помню - это было не так уж и сложно, я и сейчас занимаюсь этой ерундой: "Не Боги горшки лепят".

Была хорошая лаборатория, люди собрались с чётким научным бескорыстным интересом. Вот, хотя бы это их характеризует: каждые полгода каждый сотрудник лаборатории писал в виде научной статьи итог своей работы. И получалось, что мы за год два тома выпускали толщиной по 5 см. У меня ещё до сих пор хранится: одна или две таких книги. Кроме того, обсуждения были, научные семинары. Вот так... Такие романтические тогда времена были - физики-лирики, понимаешь? Ну, тем более, я старался увлечь всех тем, что разгадать загадку речи - это ж великое дело!

Николай:

- Ну, а материальное обеспечение откуда?

Борис:

- Мы что-то покупали на радиозаводах.

Николай:

- Институт покупал?

Борис:

- Ну, деньги же были, выделялись из хоздоговоров на комплектующие, на всё, как обычно, и что важно - на командировки... Как я добивался этих денег в тех

условиях сейчас уже не могу

понять. Вот как сейчас помню, как мы делали спектроанализатор для Академии наук. В те времена - это что-то огромное, примерно, размером с пианино. Представляешь пианино? И такое же тяжёлое. Это тогда, а сейчас - всего одна микросхема.

Николай:

-Да, представляю. Но ящик же кто-то должен был сделать?

Борис:

- Во-во... Так пришлось из тех денег, которые нам дали, часть денег отдать заводу вычислительных машин. И вот туда мы ходили и долбили всех, чтобы делали так и этак...

Николай:

- Кто-то должен был ведь сконструировать?

Борис:

- Да, всё там. И конструкторам платили из этих денег, причём совсем небольшие деньги. Очень сложно было с комплектацией. А достать там всякие катушки, ой, кошмар какой! Было так тяжело: то детали одной, то второй не хватает, этого нет, того нет... Как мы из этого выкручивались, я не знаю.

Помню, наконец, настал такой весенний день, когда мы всей лабораторией отправились на завод получать этот анализатор - а он же большой и тяжелый! Завод им. Орджоникидзе, знаешь, около Комаровки, да? А Академия наук и Институт языкознания находились в главном корпусе там, где колонны. И вот мы дружно все эту штуквину - она на колёсиках была - катили. Известно, транспорта никакого, да и где его взять? Катили с песнями по проспекту.

Николай:

- Но не разломали, пока докатили?

Борис:

- Нет, там колёсики такие довольно крепкие были. Но тяжело было затаскивать - Институт языкознания был на последнем 6-м этаже.

Николай:

- А там не было лифта?

Борис:

- Нет, он бы, но не влез в лифт даже. Мы уж там поднапряглись - шесть человек, молодые. Да, энтузиасты были!

Николай:

- Слушай, ну интересно, из этих энтузиастов сегодня кто-нибудь проявил себя более-менее в жизни?

Борис:

- Вот, например, Борис Панченко, он потом долго со мной работал, ты, может, даже его видел, не знаю, он как-то приходил. Он диссертацию защитил под моим руководством, ну а сейчас вольный коммерсант...

Николай:

- А какие-нибудь ещё речевые устройства вы успели сделать?

Борис:

- Да, конечно. Анализатор, как говорится, за деньги был сделан. А вот на энтузиазме была сделана такая удивительная для всех в те времена штука. Для того, чтобы привлечь внимание к проблеме нашей, мы сделали систему под названием "Сезам", "Сезам, откройся!". То есть мы сделали голосовой вход в лабораторию... Надо было подойти и сказать: "Сезам, откройся!", и дверь открывалась. Система была элементарно простая: "Сезам, откройся!" - если два звука «С» и «З» было, то дверь открывалась.

Николай:

- На любой голос?

Борис:

- На любой, да. Это впечатляло, и эта показуха для гостей простояла долго. Но нам, сотрудникам, надоело шептать в дверь. Мы для себя внизу просверлили дырочку со штырком - ногой толкни, и заходили. Ну, ведь униженительно своему человеку перед дверью просить: "Откройся!".

А потом сделали вторую систему тоже без денег, а для себя, как говорится. Если дверь называлась просто "Сезам", то сейчас уже "Сезам-1". Это было настоящее устройство в виде робота на 4-х ножках, которое реагировало, распознавало различные речевые команды. Ну, например, он распознавал все цифры 1 - 10. Кроме того, можно было ему сказать: "Сезам, дай прикурить!" - и зажигалась спиралька, можно было прикурить. Или: "Сезам, дай БТ!" (сигареты популярные в то время). Ребята коробочку сделали, и высыпалась одна сигаретка из коробки. А что ещё всех поражало, можно было сказать: "А сколько будет корень квадратный из 144-х!" - зажигалось "12". Это была очень простая система, но эффективная. Позже в 70-м, когда я был в Англии, на пятидесятилетие комсомола, институт подарил городу Минска нашего Сезама. Потом его поместили в минский краеведческий музей.

В общем, пропала, исчезла наша «игрушка», а жаль! А принцип работы был очень простой. Из речи выделялись три признака: наличие в слове шипящих звуков, наличие гласных звуков и наличие звуков звонких.

Николай:

- Ну, и как это работало?

Борис:

- А дальше, это смешно сказать. Вот когда ты сказал "восемь", дальше стояло три шаговых искателя. Это такие шаговые искатели, которые применялись ещё на электромеханических телефонных станциях! И они поворачивались настолько, сколько было этих звуков в речевой команде: сколько было звуков шипящих, сколько гласных и сколько звонких звуков. А там - нужные контакты соединялись, и соответственно, либо загорались определённые цифры, либо срабатывал какой-либо механизм. Вот такая простая система, а работала очень надёжно!

Николай:

- Ну а лаборатория - это же не основная твоя работа была?

Борис:

- Не основная, конечно, - я был аспирантом института. А в аспирантуре я был с 65-го по 68-ой год. В 65-ом окончил институт, поступил в аспирантуру и окончил её, даже раньше срока, в 68-ом.

Николай:

- Это три года, да?

Борис:

- Почти три года, да, как положено.

Николай:

- Тебе понадобилось три года, чтобы сделать её изложение, или ты мог раньше это сделать?

Борис:

- Нет, нет, раньше не мог. Это серьёзный труд, это 100 страниц, как минимум. Потом надо было опубликовать много, ну, не много, а порядка 10 печатных работ, причём в журналах Всесоюзных, и это не так просто всё. Потом, надо было выступить на известных конференциях. Нужно было получить ещё подтверждения от солидных организаций, что эти работы кому-то нужны. Надо было, в конце концов, вообще найти место для защиты. В Минске это было невозможно, потому что никто этими вопросами не занимался, а потому я и защищался в Москве. А как я попал в Москву - это особый разговор, это уже начинается настоящая профессиональная деятельность, как учёного-речевого, - так мы себя называли.

Николай:

Значит, ты всё самоуком?

Борис:

- Ты говоришь, самоуком. Самоуком-то самоуком, но кажется с Божьей помощью. Потому что, как я: сна уже говорил счала откуда-то взялся интерес к голосу и речи, потом профессор Чистович ответила на письмо, потом мой бывший учитель по техникуму стал завкафедрой и пригласил меня, вот. Потом, опять-таки, я в 66-ом году впервые почти случайно попал на научную конференцию по речи, их раньше-то не было вообще. Это была первая Всесоюзная конференция.

Николай:

- Кто-то же тебя туда послал?

Борис:

- Никто меня не посылал, я сам поехал. А вот как узнал, я этого уже не помню. Ещё интересно и удивительно, что эта первая конференция проходила, заешь где? В Литве, в Тракае.

Николай:

- Интересно! На Родине отца.

Борис:

- Да, на Родине. И на эту первую конференцию съехались со всего Союза всего человек 30. Учти, что где-то к концу 70-х годов уже собиралось до 200 человек на эту конференцию. Это и были первые советские «речевики» и я в их числе.

Николай:

- Может, какой-то литовский человек интересовался сильно этими делами, инициатором был?

Борис:

- Нет, инициаторами были учёные из Новосибирска, Москвы и Ленинграда. В

Новосибирске - профессор Загоруйко, а в Ленинграде - это та самая Чистович, которой я писал из армии письмо. Ну, а литовец просто предложил подходящие условия для конференции. Позже эта

конференция была названа научной школой-семинаром АРСО (Автоматического Распознавания Слуховых Образов), которая проходила ежегодно в различных городах СССР: от Таллина и Вильнюса до Еревана и Алма-Аты.

Таким образом, я познакомился с самыми известными учёными в этой области. Но что ещё особенно важно - я впервые познакомился здесь с моим одноклассником, который как и я был увлечён проблемой распознавания речи - выпускником математического факультета МГУ Гришей Слуцкером. Наше тесное сотрудничество и дружба продолжалось до начала 90-х годов. А сейчас он в Канаде и, к сожалению, речью уже не занимается.

Николай:

- Мне кажется, что надо раскрыть вопрос: что побудило тебя заниматься кандидатской диссертацией? Ведь, вообще-то, обычно делают диссертацию или потому, что это как-то помогает разрабатывать ту тему, которой ты был увлечён, или только для того, чтобы, как говорится, определить своё место в науке и обществе?

Борис:

- Я понял вопрос. Сразу скажу, что, конечно же, целью написания диссертации не было получение последующих надбавок по зарплате и так далее, об этом я совершенно не думал. А начал я работать над диссертацией, потому что самый лучший выход для меня после окончания института был поступление в аспирантуру. Это давало возможность 3 года получать определённую стипендию и, кроме того, поскольку у нас уже было какое-то подобие лаборатории, какие-то хозяйственные договоры, то есть вести ещё научно-практическую работу. Мы получали также ещё какие-то деньги за эти договоры. А уж если ты поступил в аспирантуру, то дело чести написать и защитить диссертацию. Вот, собственно говоря, почему получилась тогда диссертация. А на самом деле, диссертация - это не такое простое дело. Для того, чтобы защитить кандидатскую диссертацию, нужно было не только что-то сделать новое, но нужно ещё, чтобы тебя признало научное сообщество. Вот это, может быть, и есть самое главное.

Николай:

- Ну, вообще, в мире много есть случаев, когда люди не заканчивали определённых учебных заведений, не имели учёных степеней, но тем

не менее достигли серьёзных результатов в определённых отраслях науки, и, естественно, признаны они как учёные в мире.

Борис:

- Ну, вероятно, так и случилось иногда, то есть можно так сказать. Но дело в том, что я - не тот случай, когда что-то делается ради самой диссертации и кандидатской степени. Действительно, многие в то время понимали так, что надо поступать в аспирантуру, под руководством научного руководителя сделать какую-то, не важно какую научную работу, защитить её и получать соответствующие деньги. Но это не мой случай. У меня же, фактически, не было даже руководителя.

Николай:

- Скажи, пожалуйста, а тема диссертации у тебя была обозначена вначале или она родилась уже после?

Борис:

- Темы обозначена была очень приблизительно. Вообще, у меня случай совершенно нетипичный. То есть у меня хотя и числился научный руководитель, но его фактически не было, потому что я не особенно и нуждался, так сказать, в научном руководстве. Потому что тот руководитель, который был у меня, этой областью не интересовало, он был совершенно «по другому делу», как говорится. И рядом в Минске тоже никого не было, кто бы мог стать руководителем. Поэтому я на свой страх и риск сам себе придумал тему диссертации. Я просто продолжал работу, как она мне виделась, и только в конце работы в аспирантуре сформулировал название, да и то оно получилось такое расплывчатое. В конце концов, диссертация называлась: "Некоторые вопросы анализа речевых сигналов". Ты понимаешь, что в названии почти ничего не сказано.

Николай:

- И что за вопросы ты решал в твоей диссертации? Что дало это дело науке и лично тебе, как человеку, который занимается этим и заинтересован в решении проблемы?

Борис:

- Ну, я обозначил себе на первом этапе некоторые вопросы, которые, мне казалось, надо в первую очередь решить. Я постарался разобраться с тем, что такое речевой сигнал, как он устроен, как осуществляется речевое общение между людьми, и создал такую модель, которая как-то правдоподобно объясняла с технической точки зрения вот эту биологическую проблему речи. Разработал ряд практически востребованных приборов для исследования речи. Но сейчас об этом, наверное, говорить не стоит, потому что придётся углубляться в такие дебри...

Потому что главное, это то, что я, фактически, и не работал над диссертацией, я просто занимался наукой, то есть занимался любимым делом в процессе общения с

Возле вновь созданного формантного синтезатора

другими людьми. За это время мне удалось познакомиться со многими учёными в Советском Союзе, которые занимались этой проблемой, и постепенно мои работы получили их признание. И как я уже упоминал, особенно большую роль сыграл Григорий Слуцкер, с которым мы оказались единомышленниками в этой проблеме, вместе разрабатывали фоновые методы распознавания речи. Он же помог мне определиться с местом защиты диссертации. Познакомился и подружился также со многими другими людьми, завязал контакты, которые привели к хоздоговорам и с Ленинградом, и с Москвой.

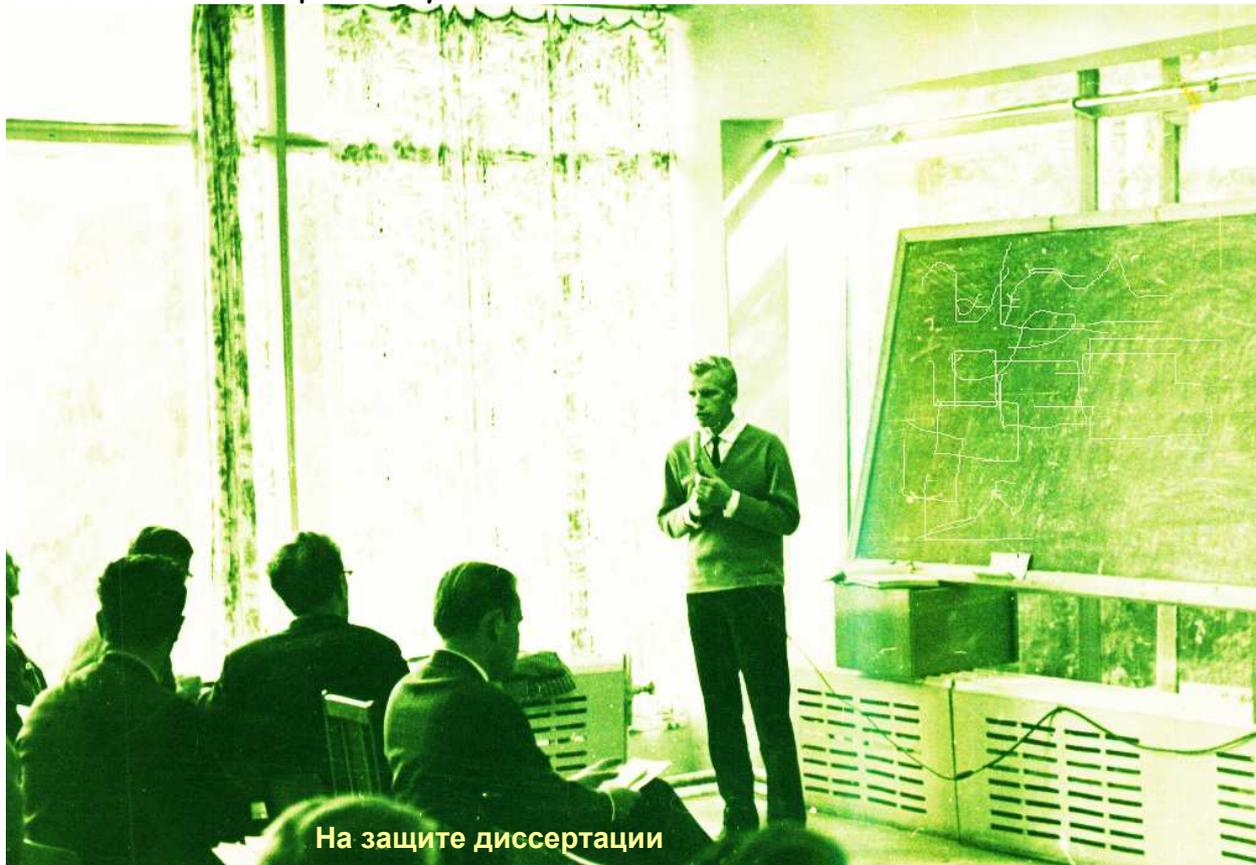
Николай:

- А как проходила защита диссертации?

Борис:

- Кандидатскую диссертацию я защищал в Москве в Государственном научно-исследовательском институте радио. Это известный Институт, там разрабатывали те самые вокодеры, которые используются для секретной связи. Это очень известный Институт. А перед этим я опубликовал несколько научных работ в центральной печати, в

журналах известных, которые ценятся за рубежом и даже переводятся на английский язык . То есть у меня были все данные для хорошей защиты, и она прошла успешно в Москве, в ГосНИИ Радио.

На защите диссертации

Удивительно, но у меня сохранилась стенограмма защиты от 13 сентября 1968 года. Я прочитаю тебе наиболее интересные выдержки из неё.

Выступает официальный оппонент доктор технических наук,
профессор Турбович И.Т.

В Советском Союзе очень много организаций занимаются исследованиями речи, но нет ни одной организации, которая бы занималась разработкой аппаратуры для речевых исследований. Каждый либо делает для себя нестандартную аппаратуру, либо пользуется случайно добытой аппаратурой, не всегда достаточно подходящей для исследования речи. До сих пор еще не сформулированы технические требования, которым должна удовлетворять специальная аппаратура. И в такой обстановке единственной организацией, создающей специальную аппаратуру для речевых исследований, является до настоящего времени Минский

радиотехнический институт в лице научно-исследовательской лаборатории, руководимой Б.М.Лобановым.

Я был у них в лаборатории и ознакомился с этой аппаратурой. Далее отзыв зачитывается.

Выступает Кандидат филологических наук ГРИГОРЬЕВ В.И.

За последние несколько лет в нашей стране возник еще один новый интересный центр развития акустических исследований речи. А поскольку подобные исследования имеют большое значение, то появление такого центра не может нас не радовать. Большая заслуга в этом принадлежит Б.М.Лобанову. Мне лично, как научному работнику, импонирует понимание Б.М.Лобановым физики речевого процесса. В этом отношении он сделал очень много, обобщив представления А.А.Харкевича о речевом сигнале с точки зрения общей теории связи. Я не указал в своем отзыве недостатков по той причине, что многие вопросы остаются спорными до сих пор. Они еще недостаточно утряслись. Большой интерес представляют разработанные Борисом Мефодьевичем методы различения шумных и тональных звуков, основанные на исследовании тонких различий в структуре сигналов. Эти методы перспективны. Могу сослаться на опыты Голда /США/, когда использование таких различий позволило повысить надежность выделения сигнала тон/шум в 2/3 раза. Дальнейшее развитие таких методов Лобановым считаю актуальным. В целом его работа производит хорошее впечатление, а Лобанов Б.М. заслуживает присвоения ученой степени кандидата технических наук.

Выступает Заведующий кафедрой экспериментальной фонетики и психологии речи 1-го МГТТИИЯ доктор филологических наук, профессор АРТЕМОВ В.А.

Уважаемые товарищи!

Мы, специалисты в области фонетических знаний, очень внимательно следим за работой Б.М.Лобанова по тем обстоятельствам, что у нас анализ речи - единственный путь для изучения языка - представляет большие трудности. Борис Мефодьевич предложил нам некоторые устройства, которые позволяют нам исследовать речевой сигнал. Одним из самых интересных на наш взгляд приборов является разработанный им интонограф, позволяющий наблюдать изменения основного тона и интенсивности речи. Что касается спектрального анализатора, то анализатор также хорош, однако желательно было бы осуществить ввод данных анализа в ЭВМ. Я полагаю, что работа эта очень серьезная. Б.М.Лобанов пользуется популярностью на всех наших конференциях. О разработанных им приборах я докладывал на Международной фонетической конференции в Праге. Считаю, что Б.М.Лобанов заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата технических наук.

Выступает Доктор технических наук, профессор ПИРОГОВ

А.А.

Я хочу сказать два слова как инженер. Мы рассматриваем в данном случае техническую диссертацию и приятно было видеть, что результаты, которых достиг соискатель, получили поддержку от других организаций. Но мы заинтересованы передавать речь по телеграфному каналу с пропускной способностью в 300 бод. Различение шумных и тональных звуков является в настоящее время одной из трудных задач и связано с такими вещами, как определение дискретной структуры спектра. Это мы далеко еще не научились делать. Б.М.Лобановым исследован ряд методов,

основанных на изучении тонкой структуры речевого сигнала. В этом отношении его работы близки с работами, проводимыми у нас С.П.Барониным. В отношении диссертанта я хочу сказать, что это квалифицированный молодой ученый. Он сделал свою работу в обстановке довольно-таки трудной, в отрыве от центров, где ведутся такие работы, что говорит в его пользу. Я полностью согласен с оппонентами и прошу отметить эту работу положительно.

Выступает мл. научный сотрудник НИИР СЛУЦКЕР Г.С.

В настоящее время мы все более интенсивно проводим с Б.М.Лобановым совместные исследования. В частности, по нашему заказу в Минске реализуют «фонетическую функцию» А.А.Пирогова.

Что касается математической подготовки диссертанта, то как математик могу заметить, что Б.М.Лобанов был одним из первых инженеров, с которым я нашел общий язык в области математических приложений в технике. Во многом этому сближению направлений наших работ способствовала известная близость исходных взглядов на проблемы, возникающие при изучении речевых сигналов, хотя в деталях они не всегда совпадали. Примером тому может служить кодовое дерево «множества фонем», приведенное в диссертации. Оно требует уточнения, хотя окончательный ответ мы получим только после практической реализации распознающего устройства.

Вот так я стал кандидатом технических наук. Это было 13 сентября 1968 года.

5. СТАЖЁР ЛОНДОНСКОГО ИМПЕРСКОГО КОЛЛЕДЖА

Борис:

- Я хотел тебе в этот раз рассказать про Англию, как я попал туда и что там было интересного.

Николай:

- Поездка в Англию, она была у тебя плановая? Или как-то внезапно всё произошло?

Борис:

- Действительно всё это произошло довольно внезапно и, в общем-то, практически, помимо моей воли, как говорится, по воле свыше, что ли. Я защитил диссертацию. Меня назначили старшим преподавателем кафедры, но очень скоро я отказался от преподавания. Ну, преподавал где-то полгода, а потом понял, что это не моё и с 69-го года ушёл полностью на научную работу. Таким образом, я оказался в институте самым молодым учёным с кандидатской степенью и, кроме того, я не был занят преподавательской работой - это очень важно. А насколько мне было известно - это я потом уже узнавал - между Советским Союзом и Англией существовала договорённость по обмену молодыми учёными. И какая-то была квота такого обмена. Квота эта выпадала и на Белоруссию. И иногда квота выпадала и на Минский радиотехнический институт. И вот в этом году выпала квота на Минский радиотехнический институт. И тогда начали подбирать. Подбирали, конечно, с разных точек зрения. Не только потому, что молодой учёный и не занят преподаванием, но, видимо, ещё проверили все анкетные данные, поскольку этим делом занимался конечно же Комитет Госбезопасности, и выбор пал на меня. Ну, вначале предварительный конечно. Потом со мной беседовали представители «Органов». Побеседовали и, видимо, остались довольны беседами со мной.

Затем стали выяснять:

- В Англии по Вашей области работают?

- Да, работают.

- Вы знаете, кто работает?

Я говорю:

- Да, знаю. По публикациям я знаю, кто работает.

И я назвал известных профессоров, в том числе там был профессор Черри, который работает в Лондоне в Имперском колледже - известный человек. Ну и область исследования, которой я занимался, по-видимому, тоже интересовала Органы, поскольку сейчас ты уже знаешь по роману Солженицына «В круге первом» что это «такое» дело, связанное с определением личности по голосу. Короче, мне сказали: «Готовьтесь». Это было где-то в самом начале 69-го года. «Готовьтесь, поедете в Лондон». Для этого мы Вас посылаем на курсы английского языка в минский ИнЯз. Я в школе, в общем-то, учил немецкий язык, а за каких-нибудь 6 месяцев нужно было изучить английский...

Николай:

- А минимум кандидатский ты по какому языку сдавал?

Борис:

- А минимум, я уже сейчас толком не помню, по-немецкому, конечно, да немецкому. А тут надо было английский. Ну что можно выучить за 6 месяцев? Тем более, что я не много времени уделял этому. Короче, чему-то я научился, но на самом деле, конечно...

Николай:

- Бытовой-то разговор осваивал там или руками объяснялся?

Борис:

- Ну, а как там было дальше, расскажу. Короче, я приехал с очень низким багажом знаний английского языка, очень.

Уже осенью в октябре или сентябре меня вызвали в Москву. Там была комиссия партийная, хотя я беспартийный - задавали всякие вопросы. Удовлетворил я эту комиссию тоже. Потом отдельно беседовал ещё КГБ-истами. Сказали, что Вы там в Лондоне будете поддерживать связь в Посольстве с таким-то человеком, он Вас найдёт.

Николай:

- Задание тебе дали.

Борис:

- Ну, задание, какое - просто попытайтесь получить как можно больше сведений в Вашей области. Что полностью совпадало с моими интересами. Надо сказать, что с совестью у меня было всё в порядке: я ничего «шпионского» не обещал, ни за кем не следил, ничего подобного там не было.

Николай:

- Но подписку ты давал, конечно?

Борис:

- Подписку, возможно, какую-то давал, но это я уже не помню.

Николай:

- Это ясненько.

Борис:

- Короче, дали деньги на билет, пошёл, купил билет в обе стороны: Москва - Лондон, Лондон - Москва, и полетел один. Никакой ни делегации, ничего - один, совсем один, вдруг из Москвы лечу в Лондон. А в те времена это было, вообще, как на Марс, чёрт те что! А тут ещё в такую страну! Ну, а чудеса я почувствовал, когда уже подлетал к Лондону. Подлетая к Лондону, я увидел в небе сразу несколько самолётов и некоторые из них кажется, что летят влево, вправо, задом наперёд. Сколько я до этого ни летал, никогда такого не видел в небе: ни над Москвой, нигде. А над Лондоном, там такой большой аэропорт, что всё время садятся, взлетают, кружатся... Вот это уже показалось мне совершенным чудом.

Николай:

- Ну, наверное, у тебя практики лётной не было?

Борис:

- Но почему не было? Я уже летал, раньше ж летали много.

Николай:

- Ну, до Москвы летал.

Борис:

- Ну, да, и не только. Но это вот было такое первое впечатление, очень необычное. А потом приземлились, вышел я. Аэропорт Хитроу.

Николай:

- Никто тебя не ждёт.

Борис:

- Нет, почему? Я посмотрел, посмотрел вокруг - стоит с плакатом человек - «Доктор Лобанов» написано. И я пошёл к нему, там такой мужичёк-замухрышка, видимо, служивый: «Ну, идёмте, идёмте, «гоу, гоу», пошли, пошли». Он пытался со мной разговаривать, а я «ни бэ ни мэ». Это же не то, что преподаватель. Он же по-английски как англичанин говорит, а натуральных англичан понять очень трудно. Ну, далее - он на машине приехал за мной - посадил меня в машину, и

поехали. Это примерно 20-30 км от Лондона. В конце-концов привёз меня в самый центр Лондона, высадил, подвел к гостинице (какая-то такая гостиничка, маленькая, частная) и уехал. Правда, дал какое-то письмо и сказал, что по этому адресу нужно завтра явиться, чтобы окончательно решить все вопросы. И оставил меня одного. Это было часов около 9 вечера, было уже темно.

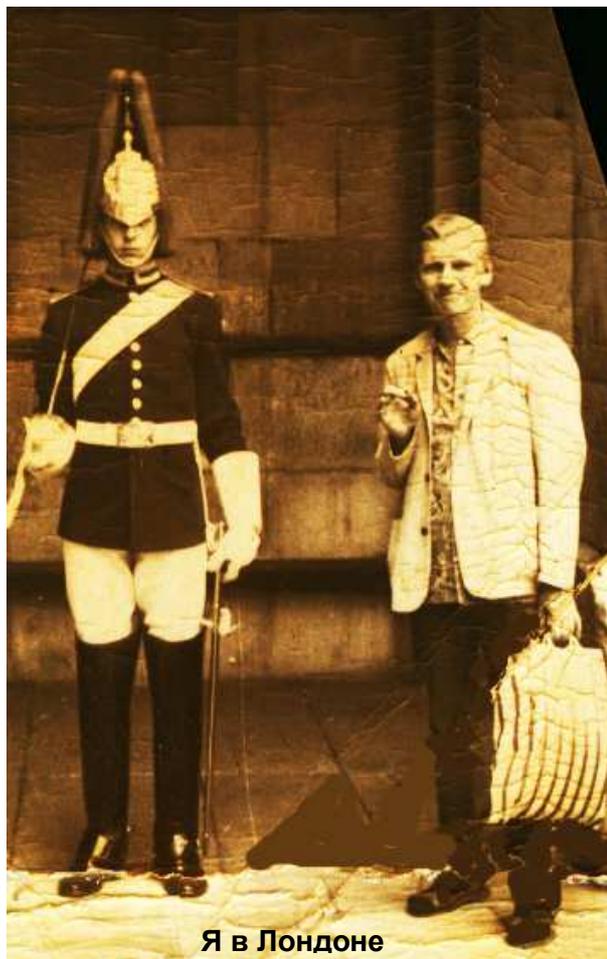
Ну, и конечно, я не мог усидеть в этой гостинице (там комнатёнка маленькая такая была), и тут же вышел на улицу. А на улице полно света, рекламы!!! Рядом какое-то метро. Я тогда пошёл ко входу в метро. Там карты везде висят - карты города и метрополитена. Денег он мне дал немножко, так совсем мелочь какую-то дал. Я посмотрел, какую бы станцию выбрать? А что я знал - слово «Пикадилли». Подумал - надо съездить на «Пикадилли», тем более, что линия прямая - раз и там.

Николай:

- Это главная улица?

Борис:

- Да, главная, самый центр. В общем, со страхом спустился в это метро. А там всё по-другому, абсолютно всё! Там, например, билеты проверяют не при входе, а при выходе. Я же этого тоже не знал. Но билет-то я купил. А потом метро - это же такое безумное метро! Там столько линий, столько всяких переходов, то есть я рисковал, очень сильно рисковал. Но, правда, я всё время четко так думал: надо не заблудиться, надо чётко запомнить и ехать по прямой так, чтобы туда и

Я в Лондоне

обратно. В общем, наметил я эту Пикадилли, вышел. А на каждой станции много есть и выходов, и переходов всяких. Это же метро очень старинное. Там даже есть в метро выходы не с эскалатором, а на лифте - такой огромный лифт, как эта комната или даже больше.

Все заходят в лифт и поднимаются. Такое интересное очень, необычное метро.

Ну, вышел я на знаменитую эту Пикадилли, там, вообще, чёрт те что. Народу! Не то, чтобы толпа, толпы нет, а народу много: ходят, сидят, где попало, всякой рекламы необычно много! Люди выглядят совсем не так! Я походил, походил довольно-таки далеко от Пикадилли по-моему отошёл, даже зашёл в бар и пива выпил. Но потом, хотя и сильно боялся, что заблужусь, вернулся без приключений к себе в гостиницу.

На другой день пошёл по полученному адресу в офис, который заведовал обменами между Союзом и Англией - «Бритиш кансел» называется. И меня снабдили чековой книжкой, также снабдили адресом, куда я должен первым делом пойти. Это было общежитие для аспирантов и студентов (по-английски кампус). Но мне даже слово общежитие не хочется говорить, потому что это совсем не общежитие, по нашим понятиям, а очень хорошее место жительства, получше гостиницы.

Николай:

- Так та комната была у тебя временной?

Борис:

- Это была гостиница на одну ночь, только переночевать. А потом меня отправили уже туда. Теперь я уже сам ходил, никого со мной не было, а только карта была. Показали, тыкнули на карте - Картрайт гарден -, где это общежитие, и я уже туда сам добрался. Может быть пешком, а где-то, может, и подъехал, короче, объяснили. Вот там меня и поселили. Ну, естественно, одного - там на двоих комнат и не бывает, они живут только по одному - индивидуалисты. Значит, у меня - отдельный номер абсолютно, как положено, и там всё есть: чашки, чайники и т.д.

А устроено это общежитие таким образом. Там этажей 8 - это жилые помещения. Первый этаж - это место, где люди отдыхают. Там - бар, музыка, телевизоры - всё для отдыха. Такое вот довольно большое помещение, весь первый этаж, развлекательный такой. А подвальный этаж - это всё для того, чтобы чистить, стирать, всякая техника, всё, что надо. А верхний этаж под крышей - это всё спортивные залы.

Да, на первом же этаже ещё и столовая тоже. Меня, как и всех студентов, кормили 2 раза в день по выданным талонам. Утром - завтрак. Это, как правило, овсяная кашка, «поридж» называется, бекон с яйцом, и чай с молоком. Ну, и потом на целый день все уходят на свою работу или учёбу, а в 7 часов вечера у нас обед. Ну, там уже побольше - супчик растворимый, картофель с куском мяса. Ну, то есть имелись все условия, абсолютно все условия для нормальной жизни.

Я пользовался там, в общежитии, большим успехом, потому что был единственным русским. И стало известно, что есть, мол, русский один. Когда я спускался вниз, на меня набрасывались, начинали допрашивать и спорить со мной. Ну, многие с симпатией относились к Советскому Союзу, а многие с антипатией. Но я доказывал, что у нас самая лучшая система, приводил всякие веские доводы. В общем, я и не был антисоветчиком, а прямо-таки защищал Советскую Родину по всем правилам.

На следующий день я пошёл уже в свой университет. Он называется «Империял колледж» - это «Имперский университет». То есть его куратором была королева Елизавета Вторая, а, кстати, куратором нашего общежития была Королева-мать. И вот обеих я видел: Елизавета приезжала в университет, а Королева-мать приходила в общежитие...

Николай:

- И зачем они приходили к вам туда?

Борис:

- Ну, да, Королева-мать приходила посмотреть, как живут студенты, поговорить со студентами. А Королева приезжала в университет тоже, посмотреть, поговорить с профессорами и студентами.

Николай:

- Вот интересно, когда приезжала Королева-мать, устраивали ли какие-то..., ну, обстановку какую-то особенную?

Борис:

- Нет, студенты нет! Там же, в том же баре - сидят, пиво пьют, играют...

Николай:

- Эта бабушка вошла...

Борис:

- Эта бабушка вошла, с кем-то там поговорила, посмотрела, прошла с сопровождающими к директору этого кампуса. Ну, так..., зашла и ничего, никакой суеты, никто её и не встречал особенно.

Николай:

- А когда королева?

Борис:

- А, королева - там было посложней. Она приезжала... Там такая интересная машина была - вид очень древний, вся такая блестящая, металл - медь, дерево, в общем, роллс-ройс знаешь, такой специальный. Ну, и она не одна приехала, там ещё несколько машин было. Студенты все знали уже, что она приедет, вышли встречать её - преподаватели и студенты...

Николай:

- Ну, а «этих» сопровождающих не было?

Борис:

- Я вот «этих» не видел, не заметил. Даже если они и были, то это было незаметно. То есть всё это было как-то так очень просто. Нам сказали, что приедет королева: «О! Интересно. Пойдемте посмотрим, как она приедет». Никакой заорганизованности. Вот так её и встретили.

Ну, а меня в университете встретили нормально тоже. Дали стол, тут же появилась этикетка «Доктор Лобанов». У меня был свой стол, я мог приходить и спокойно работать. Ну, была там конечно всякая необходимая аппаратура и компьютерные терминалы. Но что меня больше всего поразило, там было огромное количество литературы научной, причём не просто там книги, журналы, а ещё и отчеты лабораторий со всего мира. И, конечно же, свободно стоял ксерокс и не один. У нас, если что-то скопировать, то нужно было в первый отдел писать и ждать разрешения, а тут стоит себе ксерокс, копируй - не хочу. Ну, я, конечно, набросился на это дело. Во-первых, эту литературу я изучал, а потом - самое интересное копировал в 2-х экземплярах: один себе, другой относил в посольство. Так много накопировал, что даже не смог всё увезти с собой в Минск.

Николай:

- Литература была на английском языке?

Борис:

- Ну, конечно. Первое время с английским было очень тяжело. Но мне сразу же в первый день, как я приехал в организацию, сказали: «К Вам прикрепляется человек, который будет Вас учить, с которым Вы будете разговаривать». Это была девушка, которая работала недалеко от Университета. Учение заключалось в том, что я в её обеденный перерыв заходил за ней, мы выходили вместе и гуляли по Гайд-парку или ходили в магазины и пытаться разговаривать. Она должна была со мной разговаривать, не учить, а просто разговаривать. Ну, в общем, это как-то помогало, но не очень. А лучше всего помогло мне знакомство с такими же студентами, как и я, которые жили вместе со мной, тоже иностранцы, но знали английский получше меня. Ну, в частности, у меня появился друг, его звали Дарио из Уругвая. Такой красивый мальчик! Латиноамериканец, мачо. Мы с ним как-то разговорились, и какая-то взаимная симпатия возникла сразу.

Николай:

- Он был просто студент?

Борис:

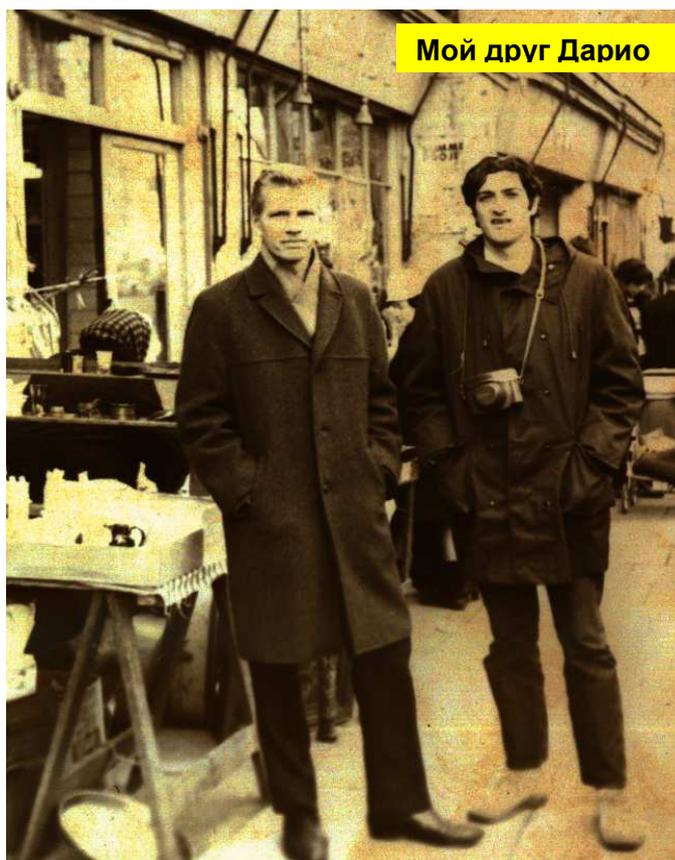
- Ну, тоже такой же - не студент, а аспирант. По такому же обмену, только из Уругвая. Там со всех стран были, ну, абсолютно: из Израиля, из Греции, из Югославии, из Португалии...

Николай:

- А русскоязычных не было?

Борис:

- Один я был русский. А тут был интернационал, со всех стран, буквально. Но Дарио был первый человек, с которым я хорошо познакомился. И что было приятно, что он уже лучше меня знал язык - он раньше меня приехал. Но, одновременно, он его, конечно, не знал так хорошо, как англичанин. И вот помогло мне общение именно с ним, а не с этой девушкой... Как же её звали? Я боялся, что она шпионка какая-нибудь, и не стал за ней приударять, как говорится, а

сказал: «Дарио, давай ты!». И он проводили хорошо время потом с этой девочкой. По-моему, Марией её звали, если я не ошибаюсь. В общем, мой бытовой английский язык таким образом постепенно всё улучшался. Ну, и конечно, научный язык улучшался ещё быстрее благодаря чтению статей. Я прочитал там столько научной литературы!

Николай:

- Даже не зная некоторых слов, начинаешь понимать?

Борис:

- Да. То есть это вот, так называемый, «метод окунания» - самый лучший. Бросают в воду, и поплывёшь обязательно как-нибудь. Здесь для меня тоже было безвыходное положение.

Николай:

- Ну, а план стажировки тебе дали какой-то? Что ты делал на работе?

Борис:

- Никто мне не давал плана. В Москве мне давали только один план: побольше информации собирай. Это в Советском Союзе. А тут - никто, ничего: «Делайте то, что Вы хотите». И я сам себе придумывал работу, то есть кое-что я заранее знал и планировал. Мне нужен был магнитофон - мне его дали, дали спектрограф, дали очень дорогую специальную термочувствительную бумагу для спектрографа так, чтобы у меня было её достаточно. Вот, в общем, что надо было, давали. Если мне что-то надо было купить в магазине из мелочей, ну, там какие-то там фломастеры или специальные чернила, я подходил к своему профессору, руководителю этой лаборатории, говорил: «Вот мне надо...». «Да пожалуйста!» - достаёт деньги из кармана. Не надо заявку оформлять и собирать десять подписей! У него есть наличные деньги на оборудование, на всякие там товары. Ему выдаёт их Университет, а он даёт сотрудникам по мере необходимости вот таким простым способом.

Ну, для начала я решил изучить спектрограммы русских звуков, звуков русского языка. Для этого мне понадобился магнитофон и уникальный спектрограф - сонограф, о котором в СССР мы могли только мечтать. Сонограф нашли и дали мне, магнитофон тоже дали. Но теперь оставался вопрос: а кто же даст, где же взять русские звуки, которые я собрался изучать? Ну, и тогда я с этим магнитофоном - был он переносной, хотя и довольно тяжёлый - пошёл в Посольство.

Пришёл, а от меня все шарахаются! Никто не хочет говорить в микрофон! Тогда я пошёл к своему ГБ-шефу, к этому, которому давал скопированные. Он говорит: «Я договорюсь. Это ж понятно почему!». Договорился, но так и не объяснил мне почему.

И только позже, когда я случайно пришёл в Библиотеку Британского музея, сел - это огромный зал амфитеатром. А нас же учили, что здесь Ленин изучал Маркса, и было известен номер места, где он сидел. Я и сел на это место, и думаю... что заказать? Я спросил, а что у вас на русском языке есть? Мне дали список. Я, конечно, уже слышал раньше о Солженицыне-диссиденте, но ничего ещё не читал из его произведений. И хотя он в то время ещё жил в Советском Союзе, а вот книги его уже начали издавать на Западе. И я заказал книгу «В круге первом». Просто так, наугад. Оказалась очень толстая книга! Это было 9 часов утра. Я как начал читать, так, не вставая, до 9 вечера я читал и с огромным интересом всю её прочитал. А всё потому, что там как раз описывалась вся история того, как у нас в СССР зарождались исследования речи. Ну, а потом-то мне объяснили, почему так упорно отказывались сотрудники посольства записывать свои голоса. Ведь все они уже давно прочитали этого Солженицына и видели во мне человека, который пришёл изучать их голоса, чтобы потом заложить в банк данных, как отпечатки пальцев.

Но всё-таки мне помогли договориться с сотрудниками: 10 мужчин, 10 женщин. Я записал их голоса, используя специальные тесты. Потом всё это обрабатывал довольно долго - большая работа была. В результате получились две статьи, которые я потом послал в журнал «Акустическое Общество Америки», там они были опубликованы в 1971 г..

Николай:

- Ты там их сочинил?

Борис:

- Конечно же, сам сочинил, сам же послал. Статьи были приняты и опубликованы. Это очень такой, ну скажем, престижный журнал. Одна статья называлась «О классификации русских гласных многих голосов», а вторая - про классификацию русских согласных. Такие вот конкретные исследования. Вот этим я интенсивно занимался.

Николай:

- А ещё чем-нибудь занимался?

Борис:

- Это одна работа, которую я там провёл. А вторая работа заключалась в следующем: меня интересовал не только анализ речи, но и синтез речи. А синтезом речи, как я узнал, занимаются в Эдинбурге. Это было такое время, когда всё очень новое, понимаешь, было очень мало людей, кто этим занимался. Это сейчас тысячи. И вот я поехал...

Эдинбург - это столица Шотландии. Я договорился, что поеду в Эдинбург и займусь синтезом речи. И вот там я впервые синтезировал русскую речь.

Николай:

- И кто тебе всё организовал?

Борис:

- А там просто. Туда позвонили, поговорили по телефону, ну, и сказали: «Пожалуйста, пусть приезжает на месяц». Это было летом в августе или в июле. «Как раз в это время студенты уедут на каникулы, будет место, где ему жить. Пусть приезжает, работает». Я приехал и

познакомился с технологией синтеза речи, которая там была создана профессором Лоренцом. И там я занимался синтезом речи и впервые получил русскую речь, синтезировал. Для этого нужно было серебряными чернилами изобразить непрерывные форманты русских звуков для желаемой фразы. Первой такой фразой была: «Однажды северный ветер и солнце поспорили - кто из них сильнее?».

Ну, вот, что ещё интересного такого было в Англии? Немного поездил по стране. Каким образом? Да вот знакомые, которые были по общепитию, у них у всех были машины, потому что машину подержанную там можно было купить дешево! Если бы хотел, то я тоже мог бы купить фунтов за 150. Я там получал довольно приличные деньги - 80 фунтов в месяц! А тогда фунт был 2 с

половиной доллара, примерно. Это приличные деньги, учитывая, что кормёжка и жильё в это не входили.

Вспоминаю ещё, как на Рождество пригласили... Есть такая у англичан привычка, им хочется отметить Рождество как-то особенно. И они идут в Бритиш кансил, которая ведаёт обменом с разными странами, и просят пригласить на Рождество кого-нибудь из экзотических иностранцев. И вот меня пригласили как экзота куда-то далеко за город, в район Гринвичской обсерватории. Я поехал туда, да перепутал поезда - столько линий! Ты даже не представляешь, как напутаны там все эти линии поездов вокруг Лондона. Короче, я приехал с опозданием на 2 часа. Уж и не надеялся ни на что, но какой-то мужик стоял и ждал меня (тот, к кому в гости я ехал). Ну, я привёз, конечно с собой спиртного... В Посольстве можно было покупать спиртное и сигареты по цене почти смехотворной по отношению к той, что в магазинах. В Лондонских магазинах, наверное, раз в 5 дороже. Я привёз бутылку водки, ещё коньяка, и кажется, привёз и что-то ещё такое. Они обрадовались как дети! И всё это под ёлку поставили. А на Рождество поставили шарлотку - это какая-то овсяная фигня, что-то такое с яблоками, и сидр. И вот, сидим... Пытаются что-то спросить, а я ответить. Ничего не получается, а водка только в приглядку! Я злой такой, выпить бы? Но зато потом: в 11 вечера поехали в церковь и там я уже причащаться начал... «Кагор» давали. Большой бак стоял - подогретое вино, люди подходили, наливали. Ну, и я несколько раз по кружке! Повеселел, пошли в церковь. Это была методистская церковь, ну, и там уже пели, прославляли Бога - уже было веселее как-то.

Потом на следующий день они показали мне Гринвичскую лабораторию. Хозяин был из этой лаборатории, там работал, поэтому он меня туда свозил. Я постоял одной ногой в восточном полушарии, другой - в западном. Вот такая была тоже интересная поездка.

Николай:

- У них ничего такого нет на праздники, как у нас?

Борис:

- Да нет ничего! Они развлекаются в барах. Это, так называемые пабы. «Паблик бар» - то есть «Народный бар». У них этих баров, ну, фактически, для каждого квартала, даже маленького есть свой бар. И вечерами туда приходят развлекаться все знакомые с этого квартала,

просто сидят и разговаривают, пиво пьют, в домино могут играть. Такая вот обстановка! Но не напиваются, а общаются или играют. В карты могут играть, бросать дротики в мишень... В общем, такое место, где встречаются люди. Зайдёшь и, как будто, придёшь в какой-то дом. Это вот так у них принято. И куда не пойдёшь - везде кругом эти пабы.

Николай:

- Какие ещё интересные встречи тебе запомнились?

Борис:

- Очень интересная была поездка весной в пригород Лондона, где жила семья моего шефа - проф. Черри. Очень милые люди, очень симпатичный домик с небольшой лужайкой и садиком. С удовольствием провёл с ними всё воскресенье.

В гостях у проф. Черри

Потом была запоминающаяся поездка к шахтёрам, в город Манчестер. Её организовало Посольство наше. Работников посольства пригласили бывшие советские граждане, а сейчас английские шахтёры. Ну, началось, как обычно: попросили хоть что-нибудь рассказать, спеть что-то для них родное...

Николай:

- Для русских?

Борис:

- Для русских, да и белорусы были. Их всего было человек 15 или 20. А нас было человек 6. Я вызвался спеть белорусскую песню «Ой, хацела ж мяне маці», и спел её. Вот, и всё это шло так хорошо, всё нормально шло. Потом, уже после того, как концерт окончился, поставили эти шахтёры столы: водка, еда и всё такое, и начали разговор. Все они, изголодавшиеся по встречам с соотечественниками, на почти забытом русском языке разговаривали, всё шло хорошо. А потом, вдруг, открываются двери, и со страшными

криками врывается толпа, слезоточивый газ пускают, и начинается драка между ними и нашими шахтёрами! Мы выбегаем оттуда... Короче, это были другие шахтёры - противники советского режима. Выбегаем оттуда на улицу, чтобы от этого газа уйти. А в машинах наших уже спущены все шины, пробиты. В общем, получил такое представление об отношении к советскому строю...

Николай:

- Это русские?

Борис:

- Все они были, наверное, бывшие власовцы, осевшие в Англии. А эти наши шахтёры - для них предатели: они с советскими общаются.

Николай:

- Я вижу тебе не скучно было в Англии.

Борис:

- Ну, конечно, в Лондоне было очень интересно в том смысле, что каждый выходной в субботу и воскресенье я уж не работал, а выбирал себе какое-нибудь направление - и пешком в город. А город очень большой и интересный. Куда не пойдёшь, всё время что-нибудь новое увидишь. Не говоря уже о самых известных вещах таких, как Гайд-парк, где собираются экзотические ораторы и говорят о чём угодно. Или блошинные рынки, где можно увидеть самые удивительные вещи, предметы старины и, вообще, что угодно. Люди такие удивительные для меня: хиппи всякие, музыканты, художники. Ну, и потом эти районы, типа Сохо: стриптизы и прочее, прочее..., где идёт интенсивная ночная жизнь.

Николай:

- А с домашними переписывался?

Борис:

- Да, я довольно часто писал письма, особенно в начале. Я старался описать всё, что меня поразило и все события. Всего было, наверно, больше двадцати писем. К сожалению, почти все они потерялись. Сохранилось только три письма, которые дают кое-какое представление об остальных письмах.

Вот они:

28 февраля 1970 г.

Здравствуйте, Иришки!

Я жив, здоров, чего и вам желаю. Дела мои движутся по-прежнему. За неделю особых событий не произошло. Работаю добросовестно и много. Закончил, наконец, полностью оформление статьи по мотивам моей прежней работы. На будущей неделе отошлю в американский журнал «Звук и электроакустика». По-прежнему продолжаю обрабатывать спектрограммы. Кое-что проясняется, но не все.

Одно событие все же произошло на этой неделе. В субботу меня пригласили съездить на собственной машине в Кембридж. Я думаю, ты знаешь этот знаменитый университетский городок. Он находится в 60 км на север от Лондона. Поездка и пребывание в Кембридже были очень интересными. В нашей маленькой машине был представлен

настоящий интернационал: Бразилия, Уругвай, Португалия, Югославия, СССР. Общим был, в основном, только английский язык, да пожалуй, образование и достаточная степень интеллигентности,

позволившие поговорить во время поездки о кино, писателях, музыке и т.д.

Город Кембридж небольшой, но конечно, очень знаменитый и старинный. Это город-университет - 36! университетов. Среди них большинство было построено еще при «царе Горохе». Но есть и ультрасовременные здания.

С друзьями в Кембридже

Население города - студенты и обслуживающий их персонал. Нам очень повезло. Мы попали на ежегодный фестиваль, шабаш или еще не знаю что. Одним словом, творилось черт знает что. Весь город был

возбужден. Сотни студентов стояли на всех перекрестках и выпрашивали у прохожих деньги, потрясая и гремя мелочью в жестяной банке. На улице выступали танцоры и певцы из студентов и после каждого номера настойчиво требовали у публики мелочь.

На площадях устроили самые невероятные «развлечения». Самым изысканным был следующий номер. В фанере вырезана дырка, из нее торчит улыбающаяся физиономия студента. Рядом стоял мешок с мукой и второй студент-продавец. Итак, всякий желающий мог купить себе за 6 пенсов удовольствие запустить в физиономию улыбающегося живого студента разведенным на воде тестом. Тесто накладывалось в бумажную тарелку. Бросали ее с расстояния 3 метра. В случае попадания имеешь право на еще одно бросание. Этот аттракцион продолжался весь день и, не смотря на то, что упомянутый выше студент был буквально весь смешан с тестом, он продолжал улыбаться, хотя эту улыбку увидеть уже было нелегко.

Рядом было другое развлечение: разрушение рояля. За 6 пенсов ты имеешь право на один удар большим молотком по роялю. На другой площади разрушалась посуда. На стеллаже стояла масса разнообразной посуды. С расстояния 5 метров имеешь право за шиллинг пухнуть в нее камень. А недалеко двое парней развлекали публику огненными фонтанами. Зрелище очень впечатляющее, когда изо рта вылетает факел длиной метра в 3-4.

К концу дня сбор денег был механизирован. По улицам стали ездить грузовики с немислимо одетыми студентами, вопящими и потрясающими жестянками для денег. На перекрестках вместо полиции стояли тоже студенты и, останавливая водителей, просили денег. Да, я забыл сказать, зачем же эти деньги. Мы как раз попали на ежегодный день традиционного сбора пожертвований нуждающимся студентам. Так что цель вполне благородная и оправдывает перечисленные выше средства.

Теперь немного о самом городе. Все здания университетов построены в готическом стиле. Дома 5 - 6 этажные в форме четырехугольника и посередине большой зеленый дворик. Много различных церквей. Некоторые из них отделаны внутри очень впечатляюще. Много всяких баров и кафе. Самые разнообразные стили: от харчевен до модернов.

За время пребывания в Кембридже я сделал много снимков: 3 пленки черно-белые и одну цветную. Черно-белые проявил. Вышло неплохо. Приеду, отпечатаем, посмотришь. Высылаю несколько открыток с видами Кембриджа.

Вот, кажется, все. Сегодня 22 февраля. После моего приезда ни одно письмо от вас еще не получил, а жаль. По-видимому, как раз будет время поздравить тебя с наступающим 8 мартом. Так что поздравляю, желаю, целую и обнимаю множество раз. С нетерпением жду встречи. Покупаю всякую чепуху для тебя. Это будет подарком к 8 марту, только, бог даст, немного позже. Еще раз целую.

Всем раздай мои горячие приветы.

Поцелуй дочку.

До встречи.

Тв. Борис.

8 марта 1970 г.

Здравствуйте, дорогая Ирина!

Наконец дождался твоего письма и был очень рад. Иришке скажи, что картинка мне очень понравилась и что новые карандаши она вскоре получит.

Очень жаль, что ты не разрешаешь мне приехать на Пасху. Я уже было, совсем собрался подвести черту под очередным этапом моей нынешней работы. Получалось очень похоже на то, что я закончу к этому времени вполне самостоятельный кусок работы и не безрезультатно. Но, что же я могу поделать, раз распорядитель кредитами не желает меня видеть. Постараюсь продлить срок действия обратного билета и приехать, как ты советуешь, в конце июня. Заодно и выступлю на акустической конференции в Ленинграде.

За неделю никаких событий не произошло, если не считать того, что моя полумеханическая работа по анализу спектрограмм потихоньку начинает давать плоды, чем я очень доволен. Постараюсь в текущую неделю оформить полученные результаты. Думаю, получится неплохая статья. Что же я еще делал в прошедшую неделю? Смотрел телевизор, бродил по городу, играл в пинг-понг. В

субботу приходили ко мне в гости один из сотрудников колледжа с супругой. Съели банку грибов и бутылку водки. Вечер прошел в теплой и дружественной атмосфере. И однако, тем не менее, несмотря на твои советы, я все равно П Р И Е Д У на Пасху!

Потому что:

- 1) Я уже давно решил этот вопрос для себя и жду не дождусь, когда же ты снова к нашему ужину, дюжину...
- 2) Это очень важно приехать для моей матери.
- 3) Важно внести очередную коррекцию в работу лаборатории.
- 4) Я закончил вполне определенный этап работы.
- 5) Я вынужден буду покинуть общежитие на время Пасхи и жить в три дорога в гостинице.
- 6) Приезжать в июне за три месяца до конца срока не очень разумно.
- 7) Есть еще, по-видимому, очень много причин, которые не так-то просто легко изложить в письме.

Итак, до встречи 15 - 20 марта.

Целую и крепко обнимаю, надеюсь увидеть вас всех вскоре.

Борис ваш.

P.S. Кстати, кончились марки, так что даже не могу послать матери открытку. Передай ей прилагаемую к сему.

19 апреля 1970 г.

Здравствуйтесь, мои родные Ира и Иришка!

Завидую вам, наверное, уже у вас весна, а здесь черт знает что. Правда, потеплело и пораспускались тюльпаны и нарциссы, но все равно погода такая постоянно сумрачная, что кажется вроде бы ничего не изменилось с, так называемой, зимы. Уже опять успело все приесться. Неделью почти не выходил из общежития. Впрочем, по порядку лучше.

ПОНЕДЕЛЬНИК. С утра поехал в свой колледж. Узнал, что там все еще продолжают каникулы вплоть до следующего понедельника. Зашел в библиотеку, а потом пошел в посольство

отнести вам письмо. От тебя я письма, как ни странно, даже после месячного перерыва не получил, а только от мамы и от твоего Генки. Затем - домой, перекусил колбасой - и в Университетский колледж. Там спектрограф как не работал, так и продолжает не работать. Сказали, зайдите в пятницу. Ушел расстроенный домой.

ВТОРНИК, СРЕДА. Два дня работал в комнате, переводя с русского на английский свою статью, которую я докладывал ребятам в Минске. Перевел с горем пополам.

ЧЕТВЕРГ. С утра поехал в свой колледж. Получил приятный сюрприз. На столе лежал ответ из редакции, что моя статья (первая) прошла двух рецензентов и принята к опубликованию. Статья выйдет в сентябрьском номере *IEEE Transactions of audio and Electroacoustics*. По нашим представлениям, рекордно короткий срок, т.к. отослал я ее не то в феврале, не то даже в марте.

ПЯТНИЦА. С утра сходил в университетский колледж. Спектрограф не работает. Продолжал отшлифовывать свой перевод.

СУББОТА. С утра отнес свой перевод на проверку одному из сотрудников колледжа (по договоренности). После ланча зачем-то поехал на Портобело-рынок. Еще одну пленку заснял с «юродивой публикой». Пришел уставший. Уснул и проспал весь обед.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Весь день рисовал картинку к своей статье. И вот я вам пишу, чего же боле... Одним словом, скучаю и завидую вам. Но, думаю, это пройдет. (Если бы хотя бы спектрограф заработал, все-таки какое-то развлечение).

Беспокоюсь о вас всех, как Иришкино и твое здоровье? У меня как болел, так и болит зуб, который я «вылечил». Как там моя мама? Настроение плохое, скорее всего потому, что осточертело излагать свои мысли на английском языке: мало того, что всё время устно, так последние дни еще и письменно. И читать на русском нечего. По вечерам читаю Агату Кристи на английском.

Не пришлось посмотреть, как американцы ходят по луне. Апполон - 13 не долетел, сломался. Они собирались забраться в

кратер (высылаю вырезку из газеты). Зато видел их приземление во всех деталях и цвете. Показывали в течение 2-х часов от начала, когда появился корабль в виде метеора и затем парашюты, до конца, когда их вытащили на борт корабля.

Вот и все мои новости. Высылаю открытку, но становится все трудней найти такую, которой еще у тебя нет. Понятия не имею, была такая или нет. Вот даже такие проблемы уже встают.

Хочется быть с вами, а срок у меня еще такой большой, что трудно обозреть.

Крепко целую и обнимаю. Всем мой большой привет.

Худей, молодей, здоровей и воспитывай дочку. Вот мой большой наказ, а приеду - проверю.

Ваш Boris.

Николай:

- Да, интересно. И как закончилась твоя «одиссея»?

Борис:

- В общем, надо сказать, что не смотря на то, что хотя всё было очень интересно и полезно, но меня всё время всё-таки тянуло домой. Я, правда, два раза побывал в Минске: первый раз по

поводу несчастья - смерти отца в январе 1970-го, а второй раз апреле на пасху. А заканчивался срок у меня в конце октября. Но я уже никак не мог дотерпеть - месяц не досидел, уехал в конце сентября. Казалось бы, ну что? Всё ж так хорошо! Но, всё равно, тянет домой и всё. И так везде потом, где бы я ни был. Я ж ещё много где был, ездил и во Францию на 2 месяца и в Германию...

Хорошо то там, хорошо, а дома лучше!

6. НАЧАЛЬНИК ЛАБОРАТОРИИ, ДОКТОР НАУК

Николай:

- Теперь расскажи, как складывалась твоя работа уже после Англии. Чем ты был занят?

Борис:

- Вернулся я на Родину, всё было ещё в том же положении. То есть группа моя не распалась, даже наоборот как-то укрепилась. Но, чувствую, отношение ко мне начальства уже не такое. Ну и действительно, во-первых, чего это ему вдруг досталась заграникомандировка? Во-вторых, чего это он занимается какими-то делами, совершенно непрофильными для кафедры? Кафедра занимается радиоприёмными устройствами, а он, непонятно чем, другими делами? Ну, и начали меня потихоньку, как говорится, выживать.

Николай:

- Ну, понятно, ты был чуждый элемент. Ты занимался не по профилю, естественно.

Борис:

- Мало того, что чуждый, так ещё и научный успех имел, а отсюда и зависть, понимаешь ли.

Николай:

- Успех, да ещё, наверное, и накладно для института было осуществлять твои эксперименты?

Борис:

- Ну, накладно - не накладно, я всё-таки какие-то хоздоговора приносил в институт. Но помещение занимал, а это уже, так сказать, что-то.

Николай:

- Это не что-то, а серьёзное дело.

Борис:

- Да и, кроме того, не участвовал в учебном процессе совсем. А куда это годится?

Николай:

- В общественной жизни тоже не участвовал?

Борис:

- Ну, и в общественной, конечно, не участвовал. Короче, после всяких таких мелких и крупных стычек, разборок на каких-то собраниях я понял, что надо искать другое место. Ну, и хотелось, конечно, что-то такое более самостоятельное. Тут, я уже в деталях не помню, как это было. Наверное, сыграло роль и дружба с Гришей Слуцкером, который в Москве жил.

Короче, стал я ходить по московским институтам и министерствам... Вот дошёл я до Министерства связи союзного, и там сказали: «Да, хорошо было бы создать такую лабораторию, но надо согласовать с белорусским министерством». Ну, а тут как раз в Белоруссии связисты тоже решили создать свой отдел АСУ. Ну, знаешь, что такое АСУ - автоматизированные системы управления? В результате я добился, чтобы к этому отделу АСУ добавили специальную лабораторию, которая бы занималась вопросами использования синтеза и распознавания речив в связи. Сначала вопрос был решён принципиально, а потом стали искать уже помещение. В конце концов повезло - договорились насчет помещения в здании какой-то телефонной станции. Это был первый этаж. Обычно, на последнем этаже стоит аппаратура, а ниже - обслуживающий персонал и всякие подсобные службы.

Николай:

- И тебе дали возможность создать штат сотрудников?

Борис:

- Да, дали возможность, дали тему, госбюджет выделили, штатное расписание, причём, приличное штатное расписание. Насколько я

сейчас помню, в лучшие времена - это человек до 15 доходило. То есть был бюджет, постоянная тематика была. Мало того, мы потом так планировали свой бюджет так, что части его хватало для заказа работ сторонним организациям. То есть когда я был в радио институте, то брал у кого-нибудь из бюджетников деньги, а теперь, наоборот, я поддерживал специалистов в других организациях.

Короче, если раньше лингвисты платили нам, то теперь уже наоборот, мы давали заказы лингвистам и в Институт иностранных языков, и в Московский университет.

Николай:

- Это Министерство связи оплачивало?

Борис:

- Да, конечно. То есть были довольно приличные деньги: и на командировки, и на оборудование. А в лаборатории были уже и монтажники, и конструкторы, не только научные работники. Ну, и вот, благодаря такой поддержке, мы продолжили успешно работать над синтезатором речи

Николай:

- И что вы родили?

Борис:

- В результате была впервые создана система, которая обзванивала задолжников за телефонные разговоры. Сведения о неплательщиках поступали на телефонную станцию, и автомат звонил им всем и говорил, что у вас есть задолженность там столько-то рублей, оплатить в течении столько-то дней, иначе ваш телефон будет отключён.

Николай:

- Недавно мне звонили так. Я приехал с дачи и вдруг - звонок.

Борис:

- Так вот это было сделано, Коля, ещё в 70-х годах, т.е. 40 лет тому назад!. Это давало большой психологический эффект, потому что народ считал, что раз уж компьютер может говорить по телефону, а он машинным голосом говорил, не человеческим, то уж отключить телефон он всегда сможет. Этот «мерзавец» даже мне звонил пару раз. Мне, вообще, многие говорили тогда: «О, мне твой робот звонил!». Ну, это в

общем, было такое очень заметное достижение, которое было оценено и учёными, и в руководством в Москве.

А в 76-м году мы организовали в Минске девятую Всесоюзную конференцию АРСО-9, которая проходила в гостинице «Юность» на Минском море и была очень представительной. Вот посмотри на статистику участия в конференции:

Общее число зарегистрировавшихся участников - 239.

Они представляют 73 организации из 30 городов СССР.

В том числе:

г. Москва - 74

г. Ленинград - 37

г. Минск - 33

г. Киев - 17

г. Львов - 6;

гг. Пенза, Томск,

Днепропетровск - по 5 человек (всего 15);

гг. Новосибирск,

Тбилиси, Таллин,

Ижевск - по 4 человека (всего 20);

гг. Каунас, Одесса, Ереван, Куйбышев, Ярославль, Познань (ПНР) - по 3 человека (всего 18);

гг. Вильнюс, Горький, Харьков, Таганрог, Рязань - по 2 человека (всего 10);

гг. Казань, Житомир, Рига, Фрунзе, Североморск, Аралык, Варшава (ПНР) - по 1 человеку (всего 7).

Среди участников АРСО-9 было 15 докторов наук (7%) и 75 кандидатов наук (32%).

20% участников АРСО-9 - женщины, из них 70% имеют гуманитарное образование.

Техническое или математическое образование имеют 77% участников, причем 92% из них - мужчины.

44% участвовали в АРСО впервые.

35% участвовали в предыдущих АРСО от 1 до 3 раз.

21% участвовали более чем в 3-х предыдущих АРСО.

Программный комитет конференции

Николай:

-Вы демонстрировали участникам свои достижения?

Борис:

- Да, конечно, и очень успешно. Позже наши разработки мы демонстрировали также в Москве, за что получили медали ВДНХ СССР. А ещё позже в 79-м году Министерство связи послало меня с синтезатором речи на Всемирную выставку в Женеве.

Николай:

- И как ты там выглядел?

Борис:

- Как я там выглядел? Я, конечно, сразу побежал знакомиться со всеми павильонами в поисках синтезаторов речи. А выставка огромная! Это же Всемирная выставка. И оказалось, что со всего мира было всего 5 синтезаторов речи. Кроме нашего, ещё был американский, французский, немецкий и итальянский. И, конечно, мы все там перезнакомились, и даже подружились.

Я там сделал записи образцов речи всех этих синтезаторов. И что меня очень порадовало - мы все в разных странах находились примерно на одном и том же уровне. Что-то я считал, что у нас лучше, что-то они считали - у

Представители синтезаторов 4-х стран

них лучше. Всё равно, это был уровень, примерно, одинаковый. А ведь в то время это была такая новинка, что даже Женевские газеты писали в репортаже с выставки, что русские научили машину говорить и теперь сами учатся у машины иностранным языкам.

Советский павильон часто посещали всякие знатные гости. Вот, в частности, знаменитый фантаст Артур Кларк тоже посетил. Это он написал книгу, по которой был снят нашумевший фильм «Космическая Одиссея. 2001-й год», в котором астронавты разговаривали с машинами. И вот, когда он познакомился с нашим синтезатором, то написал в книге отзывов: «Вы предвосхитили мои фантазии в «Одиссее 2001 года». Это было, конечно, очень лестно.

Вот таким запомнилось мне десятилетие 70-х годов. Да, кстати, я в конце 70-х, ещё до Женевы, побывал в 2-х месячной научной командировке во Франции. Был приглашён французами, с которыми я познакомился ещё в Лондоне. Учитывая положительные результаты английской стажировки, меня и направили. Мне было очень там интересно, ведь я, фактически, всю Францию объездил, по всем крупным городам, где занимались речевыми исследованиями: Париж, Марсель, Тулуза, Гренобль... Шесть крупных научных центров посетил во Франции, стал членом Акустического общества Франции.

Николай:

- Ну, и когда ты приступил к подготовке докторской диссертации? Докторская диссертация - это просто сумма твоих работ за предыдущие времена? Специальной подготовки, экзаменов уже никаких, видимо, уже не нужно было?

Борис:

- Да, конечно. Но докторская диссертация - это гораздо более серьёзная вещь, чем кандидатская. Надо сказать, что почти всюду соотношение количества кандидатов наук к докторам - это 1:100, примерно. То есть требования к докторской очень высокие. И я, вообще-то, не собирался защищаться, не стремился ... Но когда на конференциях, при личных встречах тебе говорят: «А ты что, ещё не доктор, ещё не защитился?». Вот когда так часто начали спрашивать, я понял, что надо себя изнасиловать и написать докторскую диссертацию. Что я, собственно говоря, и сделал. Это уже были 80-е годы...

К 84-му году у меня уже были солидные публикации, в том числе монография, более десяти изобретений и налаженный на их

основе промышленный выпуск речевых устройств. Так что можно было выходить на защиту. Защита докторской диссертации проходила в Риге. Не в Минске и не в Москве, а по какой-то тоже случайности, в Рижском институте электроники Академии наук Латвийской ССР. Короче, защита прошла успешно, хотя у меня были очень известные и строгие оппоненты. Сохранились стенограмма защиты. Вот основные её фрагменты:

СТЕНОГРАММА

*Заседания Специализированного совета Д 010.03.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени
доктора наук при Институте электроники и
вычислительной техники АН Латвийской ССР*

гор. Рига

15 ноября 1984 года

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Защита диссертации ЛОБАНОВА Б.М. на тему «Исследование и разработка методов автоматического синтеза речи по фонемному тексту» на соискание ученой степени доктора технических наук.

Слово предоставляется ученому секретарю Совета.

Ученый секретарь Совета, кандидат технических наук Фрицнович Г.Ф.

- Лобанов Борис Мефодьевич, 1938 гг. рождения, ... (зачитывает личное дело)

Председатель Совета, доктор технических наук Херманис Э.Х.

- есть ли вопросы по личному делу?

Нет. Тогда слово предоставляется соискателю Лобанову Борису Мефодьевичу. (ориентировочно 30 мин.).

Соискатель Лобанов Б.М.

- Излагает текст доклада.

Приступаем к обсуждению доклада.

Председатель Совета - Я думаю, что Вы не осветили изобретательскую сторону этого дела, и что нового по сравнению с заграницей?

Соискатель Лобанов Б.М. - Я очень старался сэкономить Ваше время.

Но могу ответить на вопрос. Как уже указывалось, выдано 8 авторских свидетельств на синтезаторы, на целые системы, а также на отдельные оригинальные узлы: связанные с источником возбуждения, и с формированием динамики. Короче, все основные узлы являются оригинальными, и выпускаемые промышленные синтезаторы речи являются патентно-чистыми. Что касается

сравнения с зарубежными образцами, то синтезаторы речи я непосредственно сравнивал в 1979 году, будучи на Международной выставке ТЕЛЕКОМ-79 в г. Женеве. Там было представлено четыре синтезатора: кроме советского, еще французский, итальянский, американский и западногерманский. Было совещание, на котором в общем-то было признано, что наша система более гибкая, и мы действительно могли показывать речь и даже на разных языках, в то время как то, что показывали они было во многом дело искусства. Текст требовал большой предварительной ручной разметки. В этом было их отличие. Сейчас много пишут о синтезаторах в зарубежной литературе, но чаще всего речь идет о синтезаторах компилятивного типа, т.е. когда записывается живой голос - типа цифрового магнитофона. Нам на экспертизу попал один американский синтезатор по фонемному тексту SR - 10 фирмы VOTRAX. Мы провели объективное сравнение этого синтезатора и получилось, что результаты были больше в нашу пользу. Председатель Совета - Спасибо. Какие еще есть вопросы? Пожалуйста.

Доктор технических наук Растригин Л.А. - У Вас все это делается по фонемному тексту, но ведь фонемный текст тоже надо делать вручную?

Соискатель Лобанов Б.М. - Не совсем так. Я не касался этого вопроса, потому что здесь присутствует мой оппонент проф. Фролов Г.Д., который еще в 70-х годах занимался этой проблемой - перевод

орфографии в фонетику. Профессор Златоустова этим же занималась, и мы кое-что в этом деле сделали, но я не считаю здесь нашей большой научной новизны. Единственное ограничение, на которое указал оппонент, это то, что требуется ставить ударение. Но Вы понимаете, что даже в книгах для обучения, скажем, узбеков тоже ставят ударение. В русском языке формализовать простановку ударения трудно, просто невозможно. Оно может быть формализовано только в тех случаях, когда работает конкретная система, где уже в словарь заложены сами ударения. И еще я хотел упомянуть, что первые работы по синтезу русской речи по тексту были проведены вторым моим оппонентом, профессором Загоруйко Н.Г. Будучи в Швеции, он синтезировал русскую речь, что явилось большим стимулом для нашей работы. Это тоже было в начале 70 - 80-х годов.

Доктор технических работ Растригин Л.А. - Но все-таки непонятно. В названии Вы так и говорили - по фонемному тексту. Но, собственно, от фонемности остались только ударения. Правильно я Вас понял?

Соискатель Лобанов Б.М. - Да, только ударения. Совершенно верно.

Доктор технических работ Растригин Л.А. - У Вас стоит аппаратура. Можно что-нибудь послушать?

Соискатель Лобанов Б.М. - Для того, чтобы Вы могли судить о результатах, я займу буквально минуту времени и продемонстрирую последнюю запись синтезированного голоса. (Соискатель демонстрирует первую часть синтетической речи). Теперь для того, чтобы Вы убедились, как он говорит отдельные звуки, синтезатор прочитает алфавит. (Демонстрируется следующий отрезок синтетической речи). Для того, чтобы Вы убедились, что синтезатор способен интонировать, послушайте диалог. (Демонстрируется диалог). Далее демонстрируется художественный текст и попытки синтеза отдельных фраз на разных языках.

Председатель Совета - Еще есть вопросы?

Доктор технических наук Кемешис П.П. - У меня один вопрос. Что надо делать, чтобы получить эмоциональную речь этого Фонемафона?

Соискатель Лобанов Б.М. - Прежде всего, я хочу сказать, что этот вопрос нами не ставился. Это предмет будущих исследований. Вообще, надо работать, исследовать эмоциональную речь, собрать все данные, которые уже есть. Что надо делать, я примерно знаю. Прежде

всего, конечно, надо заниматься интонацией, просодикой. Исследовать особенности мелодического оформления, силового, ударного и ритмического оформления.

Председатель Совета - Еще какие вопросы?

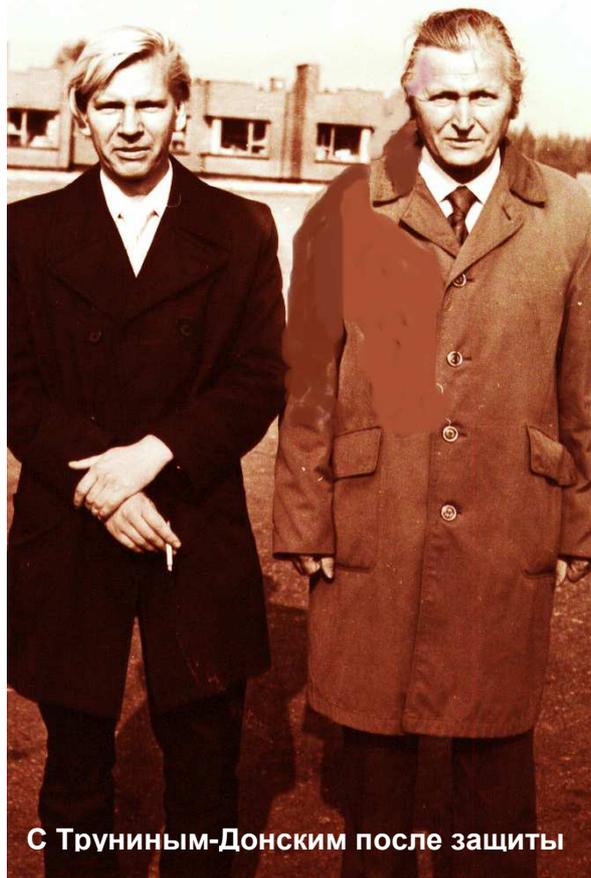
Доктор технических наук Трунин-Донской В.Н. (ВЦ АН СССР) - Нет ли здесь записи женского голоса?

Соискатель Лобанов Б.М. - Да, мы сделали кое-что. (Соискатель демонстрирует синтез женского голоса). Это не входило пока в предмет данного исследования. Над этим еще надо много работать.

Председатель Совета - Еще вопросы, пожалуйста?

Академик АН ЭССР, доктор технических наук Тамм Б.Г. -

Скажите, пожалуйста, какое Ваше мнение о перспективах "Фонемофона" в том плане, чтобы снабдить ими все наши персональные компьютеры, которые сейчас появляются? Это одно из самых необходимых

С Труниным-Донским после защиты

дополнительных средств для хорошего интерфейса. Как в смысле стыковки, стоимостных соображений и какова технологичность?

Соискатель Лобанов Б.М. - Конечно, мы стремимся в содружестве с конструкторами создать совершенную технологичную модель. И какие-то предвестники уже есть. В сотрудничестве с ТПО "Кварц" г. Калининграда и ТПО "Альфа" г. Риги уже создан одноплатный вариант на основе микропроцессора аналоговых сигналов, который называется "Рената". Прототипом его является INTEL - 2920. Мы надеемся, что в ближайшее время синтезаторы будут сделаны из отдельных модулей в виде платы, которая снабжается обычным интерфейсом для всевозможных вычислительных систем. Но пока выпускается вот такие блоки, которые не слишком громоздки. От потребителей много заявок на эти синтезаторы. Постепенно потребитель как-то к ним адаптируется и потребность увеличивается.

Вот такой эксперимент. В Ленинграде, в классе подготовки программистов включили ряд синтезаторов на рабочих местах и поставили выключатель: хочешь работать с ним - работай, не хочешь - выключай. И все синтезаторы всегда были включены и использовались.

Председатель Совета - еще какие есть вопросы?

Доктор физико-математических наук Барздин Я.М. - Я все-таки до конца не понял. Здесь читался пушкинский текст. Какая информация подавалась для синтеза?

Соискатель Лобанов Б.М. - Пушкинский текст и подавался, но были проставлены ударения в словах.

Председатель Совета - Есть еще вопросы? Если вопросов больше не, спасибо. Слово предоставляется ученому секретарю для оглашения отзывов.

Ученый секретарь совета - Здесь имеется выписка из протокола заседания научно-технического совета Московского отделения ЦНИИСа. Это очень обширный документ, где весьма подробно изложены вопросы, которые в соответствии с Положением требуется изложить. В этом документе подробно изложен личный вклад соискателя, все его публикации, из которых следует, что основные результаты принадлежат лично соискателю. Кроме того, сказано, что Лобанов Б.М. имеет 20-летний стаж работы в области исследований и разработки методов автоматического распознавания и синтеза речи, является научным руководителем этого направления исследований в Московском отделении ЦНИИС. Его исследования в этой области приобрели Всесоюзную известность и признание. Информация о научно-практических результатах исследований Лобанова Б.М. и руководимого им коллектива в области автоматического синтеза речи неоднократно широко освещалось в центральных газетах («Правда», «Известия»). Научные работы Лобанова Б.М. известны за рубежом. В 1971 г. он прошел 10-ти месячную научную стажировку по методам анализа и синтезу речи в Имперском колледже науки и технологии в г. Лондон (Великобритания). Дважды был в научной командировке во Франции, представлял в 1979 г. советский экспонат «Синтезатор речи» на Всемирной выставке TELECOM-79 в г. Женева. Является иностранным членом Акустического общества франко-язычных стран. Указывается, что соискатель ведет активную общественно-

политическую работу, является научным руководителем группы соискателей ученой степени кандидата наук.

Имеется заключение опонирующей организации - Вычислительный центр АН СССР. Этот отзыв утвержден и.о. директора ВЦ АН СССР, доктором физико-математических наук Евтушенко и подписан заведующим лабораторией, доктором наук, профессором, лауреатом Ленинской премии Журавлевым, заведующим сектором автоматического распознавания речи, кандидатом технических наук Труниным-Донским В.П. (Отзыв зачитывается).

Кроме того, на диссертацию поступило очень большое количество отзывов. Их всего 20. Все эти отзывы положительные. Я не буду сейчас зачитывать замечания. Когда соискатель будет на них отвечать, мы их назовем.

Председатель Совета - У меня есть такая просьба: ответить только на замечания, которые еще не были затронуты в вопросах, чтобы не повторяться.

Соискатель Лобанов Б.М. - По ведущей организации. Я в основном согласен со всеми замечаниями. У меня есть такое пояснение. Автор счел возможным не включать в диссертацию обзорный раздел по зарубежным промышленным синтезаторам, т.к. за последнее время появилось большое количество таких обзоров как в зарубежной печати (журнал «Электроника»), так и в отечественной, например, обзор «Синтезаторы речи», опубликованный в трудах ВЦ АН СССР. Поэтому я решил не перегружать материал диссертации. Было такое утверждение, что результаты глав 3 и 4, касающиеся артикуляции, как-то выпадают из всего материала. С этим я не могу согласиться, потому что они, как я уже говорил, сыграли большую роль при разработке фонемно-формантных методов. Остальные замечания я принимаю с благодарностью. В процессе дальнейшей работы они будут учтены.

Что касается замечаний по автореферату. Многие выступают против того, что я разработал модель источника голосового возбуждения исходя из так называемой нейрохронаксической теории голосообразования.

Есть две основные теории: нейрохронаксическая и миоэластическая. В одном случае говорят, что голосовые связки колеблются под действием нервных импульсов, поступающих от

мозга, с частотой основного тона. В другом случае говорят, что колебания голосовых связок только запускается нервными импульсами, а дальше идет их регуляция с помощью аэродинамических и механических эффектов. Раньше было много доводов за нейроронаксическую теорию, потом стало больше доводов за миоэластическую, а сейчас уже говорят, что нейроронаксическая теория опровергнута. Но все это касается больше споров о физиологических механизмах голосообразования, чем кибернетической стороне дела. Модель эта уже сделана и она уже работает, мы ей довольны. Хотя, конечно, для дальнейшего совершенствования качества может быть нам придется учитывать также новые факты, полученные в исследовании механизмов голосообразования.

Некоторые замечания касались терминологии, но этого мы не будем касаться, это не принципиально. В некоторых отзывах высказывается сожаление в связи с отсутствием некоторых моментов, например, оценки разборчивости речи в шумовой обстановке и отсутствие алгоритмического контроля за точностью вычислений. Эти вещи были просто не нужны нам для работы. Я думаю, конкретные пользователи синтезаторов проведут такие исследования, оценят возможности. Если у нас будет такая специальная задача, то мы займемся и работой синтезаторов в шумовой обстановке.

В некоторых отзывах отмечается, что из автореферата не все ясно. Действительно, многое, что есть в диссертации, автореферат не включает. Поэтому я эти замечания сейчас не буду комментировать. Большею частью в самой диссертации ответы на эти вопросы есть. Например, такие замечания как: осуществлялась ли проверка расчета формантных параметров, и на основании каких измерений определялась длительность артикуляторных переходов. Это в диссертации есть.

Председатель Совета - Предоставим слово официальному оппоненту, члену нашего совета, д.т.н. Белинскому И.Я.

Официальный оппонент, доктор технических наук Белинский И.Я. - (Отзыв зачитывается).

Председатель Совета - Есть вопросы к официальному оппоненту? Нет вопросов. Тогда прошу ответить на замечания.

Соискатель Лобанов Б.М. - Я очень благодарен Ивару Яновичу за оценку моей работы, согласен со всеми замечаниями. Хочу лишь дать некоторые пояснения к первому и пятому замечаниям, они действительно имеют принципиальный характер (Даёт пояснения).

Председатель Совета - Иван Ярович, Вы согласны с ответом соискателя?

Официальный оппонент, доктор технических наук Белинский И.Я. - Да, согласен.

Председатель Совета - Тогда предоставляем слово официальному оппоненту, профессору Загоруйко Н.Г.

Официальный оппонент, доктор технических наук, профессор Загоруйко Н.Г. - (Отзыв зачитывается).

Хочу добавит к отзыву, что положение в области речи сейчас таково, что исследователи делятся на тех, кто распознает речи, и тех, кто синтезирует. Среди распознавателей можно назвать 5-7 коллективов, являющихся ведущими в стране, кстати, Борис Мефодьевич входит в их число, а в области синтеза есть один Лобанов - и все вокруг него. Так что здесь лидерство его бесспорно.

Председатель Совета - Николай Георгиевич, это решение крупной научно-технической проблемы или научное направление?

Официальный оппонент, доктор технических наук, профессор Загоруйко Н.Г. - Под словом направление понимается, по-видимому, следующий подтекст: является ли Борис Мефодьевич основателем нового направления? Так сказать нельзя, потому что, в целом, направление "синтез" - это не он предложил; направление "формантный синтез" - тут, пожалуй, Фант был первым.. Но в этой отрасли есть более узкая часть - то, что здесь названо лингвоакустическим подходом. Он является достаточно широки фронтом для исследования, и вот в этой области, без всяких сомнений, получено выдающееся научно-техническое достижение. Начинается работа от слабоформализованных, от, практически, неформализованных, даже трудноуловимых лингвистически, фонетических понятий. Пришлось в этом разбираться, применяя эрудицию в области механики, физики, математического моделирования, от которых был переход уже на технику. И заканчивается все это блестящим финишем: в серийном производстве и во внедрении систем. Обращает на себя внимание широкий фронт

исследований, так что все это вместе может быть охарактеризовано как крупное научно-техническое достижение.

Председатель Совета - Есть еще вопросы? Нет. Тогда предоставим слово для ответа соискателю.

Соискатель Лобанов Б.М. - Николай Григорьевич, я благодарю Вас за высокую оценку моей работы. Я согласен со всеми замечаниями. По поводу второго замечания хочу пояснить, что аналитическая оценка точности моделирования формантных траекторий на переходных участках представляется весьма громоздкой. Поэтому автор счел целесообразным провести косвенную экспериментальную проверку путем сравнения динамических спектрограмм синтетической и естественной речи. Это мы делали многократно. Конечно, Вы правильно заметили, что основные трудности все еще в моделировании переходов. Но постепенно точность приближения в переходных участках становится все более убедительной. Благодарю Вас.

Председатель Совета - Слово предоставляется официальному оппоненту, профессору Фролову Г.Д.

Официальный оппонент, доктор технических наук, профессор Фролов Г.Д. - (Отзыв зачитывается).

Председатель Совета - Какие есть вопросы официальному оппоненту? Нет вопросов. Тогда просим соискателя ответить на замечания официального оппонента.

Соискатель Лобанов Б.М. - Геннадий Дмитриевич со свойственным ему пониманием проблемы заглянул далеко вперед. Мы тоже думаем о будущих исследованиях. Хочу сделать небольшое пояснение по поводу высказанных замечаний. Разработанные теоретические основы синтеза речи в настоящий момент действительно не в полной мере обеспечивают моделирование эмоциональных и индивидуальных оттенков речи, в том числе, и женского голоса. Однако исследования продолжаются, и имеется определенный сдвиг за период, прошедший с момента написания диссертации (1983г.). Прделана определенная работа, которая приблизила нас к решению поставленных задач.

Удалось обнаружить ряд интересных закономерностей, присущих голосообразованию у женщин по сравнению с мужчинами. Например, более "мягкое" смыкание и размыкание голосовых связок, интересен

эффект взаимодействия параметров голосового источника с параметрами речевого тракта. Я думаю, что постепенно мы эти проблемы решим. Большое спасибо.

Председатель Совета - Кто из членов Совета желает выступить?

Доктор технических наук, профессор Кемешис П.П. - Положительную оценку этой работы я высказал в отзыве. Дополнительно я хочу отметить две стороны работы. Первое - это прикладная сторона. Результаты по синтезу речи я наблюдал с 1970 года, когда синтезированную речь соискатель демонстрировал на конференциях АРСО. Качество речи постоянно улучшалось. Сегодня уже имеются промышленные синтезаторы. Они разработаны автором, под его руководством и на исследованиях, которые здесь представлены. Таким образом, внедрение доведено до такого уровня, когда синтезаторы используются как выходные устройства ЭВМ. С прикладной стороны, диссертант является ведущим специалистом в СССР в области синтеза речи - это первое. Второе - по теоретической части. В образе синтеза речи неплохо получается генерация акустического, я бы сказал, физического сигнала. Но самая большая трудность - это синтез на абстрактном уровне. В психологии есть такой термин "внутренняя речь". Это процессы, которые генерируются до того, как звучит речь. Это, по существу, область управления. И сложность управления заключается в том, что лингвистическое познание речевых процессов очень трудное. Если же мы хотим, чтобы синтезированная речь была не только естественной и качественной, но также выражала эмоции и передавала смысл, то управление такой речью было очень сложным. В этой части абстрактной области управления речевым процессом, я считаю, что диссертант развивал научное направление. Работа в этом направлении бесконечна. Но то, что уже сделано и что здесь изложено, соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Тов. Лобанов заслуживает степени доктора технических наук.

Председатель Совета - Кто еще желает выступить? Пожалуйста.

Доктор технических наук Закревский Л.Д. - Приятно видеть, что здесь решена такая трудная техническая проблема, и в тоже время видно, что ее нельзя было решить без глубоких теоретических исследований, которые были проведены. Поэтому не возникает

вопрос, где же теория? Она вся видна. Она здесь необходимо возникла. Нельзя было решить эту проблему практически, не выполнив очень широких теоретических исследований. Теперь несколько слов о подходе. Были вопросы такого плана: почему не выбран компилятивный подход? Действительно, сейчас нетрудно создать такие специальные речевые системы, выполненные на основе компилятивного подхода. Например, говорящие часы с хорошим женским голосом, но все это специальные системы. А здесь предлагается магистральный подход, т. е. общее решение проблемы. Эти результаты будут иметь очень широкое применение. Уже видно сейчас, что такие системы будут дешевле компилятивных систем, хотя на первый взгляд это не кажется. Я думаю, что это становится магистральным направлением и делается весьма своевременно. В будущих человеко-машинных системах появятся очень хорошие модули, и мы будем иметь системы с речевым комфортом.

Доктор технических наук Тамм В.Г. - Я согласен полностью с оппонентами, которые хорошо охарактеризовали данную работу. Перед нами сквозное исследование, которое идет от очень сложно формулируемых феноменов и кончается уже изящным физическим аппаратом - синтезатором речи. Т.е. это исследование действительно необходимое и его можно считать законченным исследованием с очень хорошим результатом. Я хочу добавить вот что. Здесь было сказано различными специалистами, что хотя уже синтезируется речь высокого качества и что синтезатор не только на русском, но и на других языках, тем не менее, интонация пока еще находится не на очень высоком уровне и эмоциональная сторона пока еще не очень развита. Хочу подчеркнуть, что в настоящее время вообще мы, мы значит в мире, не могли бы требовать большего потому, что сама вычислительная техника, вернее, даже ее интеллектуальная часть, не развивалась достаточно. Речь идет об искусственном интеллекте или о программировании интеллектуальной части вычислительных машин. Дело в том, что, как хорошо известно, 70-е годы пошли на то, что программисты занимались всерьез синтаксическим анализом речи, текстов и информации вообще. Благодаря чему удалось создать, например, системы автоматического перевода с русского на английский, японский и т. д. Такие системы существуют. Но, какие? Такие, которые опираются только на хороший синтаксический анализ

и очень бедный семантический. Пушкина или Лермонтова такие системы перевести не могут, хотя технические тексты переводятся уже неплохо и требуют минимального редактирования. Здесь перед нами приблизительно такая же картина. Диссертант сделал огромную работу, приложив большие усилия к тому, чтобы довести свой раздел в науке до того же уровня, что сделано программистами в развитии вычислительных систем. Благодаря этому можно ожидать, что сложные операционные системы, которые сейчас загружают в машины, скоро потеряют свою значимость. Мы будем управлять машинами совершенно новыми способами. На этом фоне тот результат, который диссертант сегодня доложил, кажется особенно крупным и выдающимся. Я уверен, что Лобанов заслуживает звания доктора технических наук.

Председатель Совета - Есть еще желающие выступить, хотя мне кажется, уже достаточно? Но, если есть, пожалуйста.

Председатель секции речевого ввода-вывода информации Совета главных инспекторов МЭП СССР Афанасьев В.П. - Я бы в первую очередь хотел бы отметить практическую ценность работы, которая здесь представлена. По сути дела, тов. Лобанов Б.М. является руководителем временных коллективов в МЭП по ускорению внедрения достижений науки в практику, о чем говорилось в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР в этом году. Я зачитаю небольшую справку о внедрении результатов работ Лобанова Б.М. в нашем министерстве. ПО "Кварц" произвело ОКР синтезатора речи и в 1982-м году организовало его серийное производство. В настоящий момент более 50-ти предприятий, как нашей отрасли, так и других отраслей, приобрели, установили и их используют. Проведенный мной анализ показал, что есть несколько случаев покупки одного экземпляра синтезатора с последующей покупкой целой партии синтезаторов. Недавно мы закончили НИР "Синтезатор речи на микропроцессорной основе", макетный образец которого здесь показывал Борис Мефодьевич. Это как раз и есть та первая ласточка в создании одноплатных синтезаторов речи. Они могут стать основой для проектирования периферийных устройств ЭВМ 5-го поколения.

И еще один момент - очень высокий темп работ, проводимый в коллективе, которым руководит тов. Лобанов Б.М. и высокий темп

внедрения этих работ. По сути дела, все внедряется "с листа", что говорит о высокой достоверности результатов работ тов. Лобанова Б.М.

Председатель Совета - Я думаю, что уже достаточно выступлений. Кто еще желает выступить? Нет желающих. Предоставим заключительное слово соискателю.

Соискатель Лобанов Б.М. - Мне было очень приятно услышать основательный разбор той работы, которую я проделал, которая мне самому нравится. Конечно, не так как я ее сделал, а по существу самой проблемы. Я думаю, что еще много над чем следует поработать.

Я благодарю членов Совета, председателя Совета, уважаемых оппонентов и всех присутствующих за поддержку моей работы и нашего коллектива. Спасибо за внимание.

ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА

Председатель Совета - Слово предоставляется председателю счетной комиссии для зачитания протокола.

Доктор технических наук Тамм Б.Г. - Протокол № 36/2 заседания счетной комиссии 15 ноября 1984 года.

Результаты голосования. За ходатайство перед ВАК СССР о присуждении ученой степени доктора технических наук ЛОБАНОВУ Борису Мефодьевичу:

"за" - 12, "против" - нет, недействительных бюллетеней - нет.

Председатель Совета

От имени Совета разрешите поздравить диссертанта с этим важным этапом. Будем ходатайствовать перед ВАК о присуждении ученой степени доктора технических наук ЛОБАНОВУ Борису Мефодьевичу.

Председатель
Специализированного совета Д 010.03.01,
Академик АН Латвийской ССР

Э.А. Якубайтис

Николай:

- Ну, что же, единственное, что я могу сказать - ты оказывается довольно моторный был человек. Всё сумел организовать, наладить контакты, хотя внешне - это было на тебя не похоже. Так что выходит, что я в тебе ошибался.

Борис:

- Но иначе и не могло быть. Хочется добавить, что да, у меня действительно оказалась деловая хватка, но всё-таки, хочется верить, что не за счёт других.

8. ИНСТИТУТ КИБЕРНЕТИКИ, XXI-й ВЕК

Николай:

- Так что же у тебя такое в лаборатории произошло в 80-х годах?

Борис:

- Что ты имеешь ввиду?

Николай:

- Ты же после защиты диссертации ушёл из лаборатории? Мне просто интересно, что же произошло, и почему ты оставил этот коллектив и ушёл в Академию?

Борис:

- Ну да, там произошло... Вообще говоря, как всегда, всё это происходит в какой-то степени из-за денег, из-за зависти, из-за того, что кто-то хочет какую-то другую позицию занять... А дело было так.

Ещё в начале 80-х годов, тоже благодаря какому-то случаю чудесному, что ли, к нам обратился конструктор, вернее, даже начальник конструкторского бюро предприятия «Кварц» в городе Калининграде Валерий Афанасьев. Он нашёл меня и предложил: «Давайте мы будем делать промышленные установки на основе ваших разработок». То есть, таким образом, я избежал всем известные советские проблемы с так называемым «внедрением» - нелепое слово, которое до сих пор вызывает во мне ассоциацию с неизбежным насилием. И вот ещё до защиты докторской, уже в 83-м был выпущен первый образец. Затем в последующие годы - второй и другие модификации различных синтезаторов и распознавателей речи, которые выпускались серийно и распределялись по различным предприятиям, т.е. продавались по-советски.

Благодаря промышленному выпуску синтезаторов и распознавателей речи, в конце 85-го я впервые получил вознаграждение за изобретения, на которых они были основаны. Я получил впервые деньги такие, которые не вписываются в привычные советские. То есть довольно большие деньги - наверное больше 3-х тысяч рублей. И вот это вознаграждение потом сыграло ту самую нехорошую роль в развитии отношений с сотрудниками лаборатории.

Короче, началось с того, что меня обвинили в том, что я скрыл получение премиальных по изобретениям и не заплатил партийные взносы (хотя, вроде бы и не должен был). Донесли на меня, так

сказать. Кроме того, народ считал, что я должен был по-братски (как?) поделиться этими деньгами. Ну, я, правда, как-то поделился, но не так, как считали некоторые... Короче, такая сложилась нехорошая обстановка. Я, честно говоря, не собирался увольняться – думал, что всё наладится. Однако, были бунтовщики, атмосфера всё более и более накалялась, и я стал задумываться о другом месте работы.

И, к счастью, получилось так, что я ещё перед защитой докторской выступил в Институте кибернетики Академии наук. Я не помню, как это случилось: этого формально не надо было для защиты, но мне хотелось апробировать диссертацию, посмотреть, как учёный мир воспримет мою работу. Работу одобрили, а меня там услышали, увидели и заметили. Позже я участвовал некоторых семинарах Института и довольно близко познакомился с его директором. И вот как-то, с пол-года спустя после того, как произошла такая вот катавасия в лаборатории, директор Института Вячеслав Сергеевич Танаев пригласил меня и в середине 1986-го года предложил создать лабораторию распознавания и синтеза речи. И я сразу же согласился, хотя годом раньше отказался от очень лестного предложения министра электронной промышленности СССР переехать в Москву и возглавить речевую лабораторию. Вот так!

Николай:

- А прежняя лаборатория сохранилась?

Борис:

- Прежняя лаборатория сохранялась какое-то время. Она просуществовала недолго и в начале 90-х постепенно умерла.

Николай:

- Ну, и дальше как развивались события?

Борис:

- Что ж, я начал, фактически, создавать заново лабораторию в Институте кибернетики. Со мной перешли только Дегтярёв Николай и ещё пару молодых людей. Затем кое-кто ещё присоединился из других организаций. В общем, в первое время получилось человек 5 – 6 в лаборатории. А позже, в конце 80-х, в лабораторию пришёл Иванов Саша, который в какой-то степени наш родственник. Помнишь, Николая Иванова, журналиста? Это был его сын. Кроме того, пришёл одноклассник моей дочери Иры – Андрей Кубашин. Это были очень

способные ребята! Так что к концу 80-х лаборатория всё-таки как-то более-менее «стала на ноги».

К этому же времени, к счастью, получилось так, что меня пригласили поехать в Братиславу на научную работу в лаборатории Словацкой Академии наук.

Николай:

- Только тебя одного пригласили?

Борис:

- Нет, я договорился и поехал ещё Саша Иванов. Ну, а там мы хорошо с ним поработали, в результате сделали синтезатор речи - очень недорогой такой, на совершенно новом принципе - микроволновом, так что появилась хорошая основа для будущих работ. Там мы пробыли довольно долго. Там же я встретил революцию 89-го года, когда коммунизм лопнул в Восточной Европе, а я поучаствовал в демонтаже границы с Австрией. Там же я познакомился с восточными немцами из Дрездена, которые тоже занимались речью, и с которыми я позже наладил тесные научные контакты.

Николай:

- Ты в Чехословакии был, да?

Борис:

- В Словакии был, но одновременно приходилось ездить и в другие места, т.е. в Чехию, Венгрию и Восточную Германию.

Николай:

- Но это была ещё всё же Чехословакия?

Борис:

- Да, Чехословакия, но уже тогда они называли себя Словакия, а Братиславу столицей. Там я и наблюдал это крушение границ между Словакией и Австрией, участвовал, так сказать, в разрезании колючей проволоки.

Вообще, очень хорошие и интересные времена были. Много очень сделали и в научном, и в практическом плане. Было очень интересно. Открылись границы. После Словакии, так получилось, мы поработали в Польше три месяца. И за это время сделали синтез речи

на польском языке. Потом познакомились с чехами из г. Брно, и тоже по их заказу сделали синтез чешской речи. Они нас пригласили, мы там жили месяца два, платили нам по 100 долларов в месяц. Тогда это казалось много для нас, естественно. И жили на всём готовом: т.е. еда, естественно, и проживание. И вот, таким образом, мы первыми сделали польский и чешский синтезаторы речи.

Николай:

- Ну, а сами синтезаторы там остались, которые вы делали?

Борис:

- Да, конечно, для них это и делалось. Так что, 90-е годы мы встретили уже во всеоружии, то есть что-то у нас уже за душой стоящее было. Так что в августе 91-го, когда я был с докладом на Международном конгрессе фонетических наук во Франции, я демонстрировал наш синтезатор и даже продал по 100 долларов за штуку несколько образцов какому-то арабскому шейху.

А как раз в эти дни в СССР случилась попытка переворота - ГКЧП. Любопытная реакция всех участников конгресса - нам все сочувствовали, нас так все жалели, только об этом и говорили.

Николай:

- В каком плане жалели?

Борис:

- Все сочувствовали тому, что произошло. Короче, боялись за нас, что мы вернёмся, а нас там посадят или расстреляют. Понимаешь? Предлагали оставаться... Этим, например, и воспользовался Гриша Слуцкер. Он развернул кипучую деятельность и в результате сына своего устроил в университет во Франции.

Ну, а потом начались 90-е годы. Трудно было, так что пришлось даже заняться частно-предпринимательской деятельностью. В результате пришлось получить опыт создания предприятия. Называлось оно «БелСинт» - белорусский синтез, как бы. Это такое частное предприятие. Оно было под эгидой Международной лаборатории интеллектуальных систем, находившееся в Новосибирске.

Вот мы и пытались торговать синтезаторами. Ну, на самом деле, какое-то время это нас поддерживало. По крайней мере, продали сотню этих синтезаторов, в основном, для слепых, и слепые до сих пор пользуются ими. Но, а также и военные купили - очень хороший

заказ у нас был для военных. Но, я думаю, не так это нужно было для военных целей, как надо было обналичить деньги в те времена. Предполагалось, что в подвижных соединениях (танках, батареях) будут стоять синтезаторы, а из командных пунктов будут подавать секретные коды каких-то команд, а синтезаторы будут голосом командовать, кто и что должен делать. В общем, надо сказать, что 90-е годы мы прожили совсем даже и не плохо, по крайней мере, не бедствовали в отличие от многих других.

Николай:

- И кто же всеми этими делами, связанными с поиском заказчиков, размещением заказа занимался?

Борис:

- Ну, были у нас директор - Володя Скурко, были бухгалтер, инженер и техник. То есть было у нас несколько человек, которые только этим и занимались: изготовлением, рекламой и продажей. Я, правда, не занимался этим. Вернее, я попытался, но мне очень не понравилось. Занимались мы коммерцией недолго - всё это довольно быстро прекратилось. Слепых мы удовлетворили, а остальным это было не очень нужно. И фирма прикрылась сама собой.

С середины 93-го мы начали интенсивно работать с границей. Вначале знакомые мои немцы из Дрездена выделили деньги на совместный проект русско-немецкого синтезатора. Потом был международный европейский проект, связанный с компьютерной лингвистикой. Участвовали мои знакомые коллеги из Москвы, а также немцы и англичане. Мы получили довольно приличные деньги - несколько тысяч евро.

Потом неожиданно получили заказ от французов. В те времена разъезжало много представителей всяких зарубежных фирм по нашим институтам - смотрели, где бы что позаимствовать. И вот мы получили заказ: распознавание речи для авиации, для истребителей «Мираж». Ну, сделали вроде бы не плохо. По крайней мере, работу они приняли, деньги мы получили приличные.

Потом вдруг, совершенно неожиданно, появился Эрик - американец этот, о котором ты слышал.

Николай:

- Этого я уже сам видел.

Борис:

- Видел, да. Работа с ним продолжалась довольно длительное время. С его помощью мы создали большую лабораторию, много людей было, и он хорошо платил. В общем, почти 5 лет мы горя не знали и занимались интересными для меня вещами, связанными с распознаванием речи.

Вообще, 90-е годы для меня оказались совсем не такими, как для многих. Если для большинства они были мрачными и многие нищенствовали, то у меня получилось как-то наоборот: деньги были, я и ездил по разным странам на международные конференции по речевым наукам - Испания, Германия, Франция, Швеция, Греция и, конечно, Россия. Вот так прошли 90-е годы.

Николай:

- Вот интересно, до сих пор у тебя так всё складывалось благополучно. Как ты считаешь, какая причина? Или судьба так тобой распорядилась, или ты настолько работоспособный, или что у тебя хорошее чутьё на необходимое в данный момент, вот как ты считаешь?

Борис:

- Мне кажется, что в большей степени судьба ... А главное - большое желание и интерес к делу. Ну, а если ты всё время что-то одно делаешь, то постепенно нарабатываешь результат. И вот этот результат, который уже получился, влечёт за собой какие-то другие, следующие результаты. Если бы я, скажем, ничего не делал, то откуда бы этот американец миллионер Эрик Альмейда узнал бы, что со мной стоит иметь дело!

Николай:

- Но, ты же его не искал специально?

Борис:

- Нет. Я вообще, как мне кажется, никого никогда специально не искал. Я всю жизнь выступал в роли «невесты». Но и не упускал благоприятного случая. А как сказал один из Великих, кажется математик Лагранж: «На случай наталкивается тот, кто его заслуживает». И вот если вспомнить, то получается, что я никого и

ничего не искал вообще. Речевую проблему я придумал сам себе, никто меня на неё не натолкнул. Дальше было письмо профессора Чистович, и так далее то, что я уже тебе рассказал...

Николай:

- У тебя, видимо, была путеводная звезда.

Борис:

- Допустим, это так... Например, поездка в Англию - абсолютно, ну, никак ничем не обусловлена, никаким моим поведением... Так что, я думаю, что это больше судьба всё-таки. Ну, и конечно, работоспособность. Если бы я ничего не делал, то ничего бы не было.

Николай:

- Согласен. Ну, а как всё это повернулось в последние, 2000-е годы?

Борис:

- В начале 2000-го опять наступил кризис. В том смысле, что уже зарубежные все контракты кончились, а других не было. А почему? Потому что в 90-х иностранцам было всем интересно, как там у них в стране идёт переход от коммунизма к капитализму. Они все зашевелились и начали контакты завязывать, деньги вкладывать в развитие науки. В общем, было оживление, а потом всё кончилось. Они всё увидели, всё узнали, что хотели узнать, всему поставили свою оценку, и к 2000-му году уже никаких таких активных контактов и не стало. И возникла ситуация, когда просто денег нет, и люди начали увольняться. Практически все, кто работал в 90-е годы по американскому проекту, все уволились, и я остался почти один.

Но, к счастью, откуда-то пришли новые люди - молодёжь пришла, пришли

Аспиранты Белостока

студенты и аспиранты из радиотехнического института. Позже к работам подключились аспиранты Белостокского университета, где мне предложили должность профессора для чтения лекций по распознаванию и синтезу речи.

То есть жизнь как-то вновь закипела, и постепенно мы начали принципиально новую разработку синтезатора, которая в научном и практическом плане давала определённые преимущества. Это всех увлекло, и под это дело начали получать уже какие-то деньги и привлекать новых аспирантов. Удалось ещё раз, наконец-то, получить хороший международный проект по созданию системы распознавания и синтеза речи на славянских языках, но - это уже в 2005-м году. Потом постепенно всё время что-нибудь да возникало, и какие-то деньги были, более-менее. Но такого оживления, какое было в 90-е годы, уже не было. И, в общем, потихоньку всё шло на спад. Хотя, конечно, могу сказать, что за всё это время постоянно велась какая-то научная работа и появлялись новые направления, новые идеи, статьи. Каждый год несколько, иногда до 10-ти новых статей появлялось, так что работа шла. Ну, а сейчас, уже во 2-м десятилетии, наступает очередной этап, когда опять спад. Посмотрим, что будет дальше...

Николай:

- Скажи, пожалуйста, вот ещё что меня интересует. Ты вот давным-давно руководишь лабораторией, а почему ты не подготовил себе замену? Что, твои сотрудники, они такие бездарные, безынициативные? Как так получилось, что ты один, а около тебя нет ни одного нового ни кандидата, ни доктора наук?

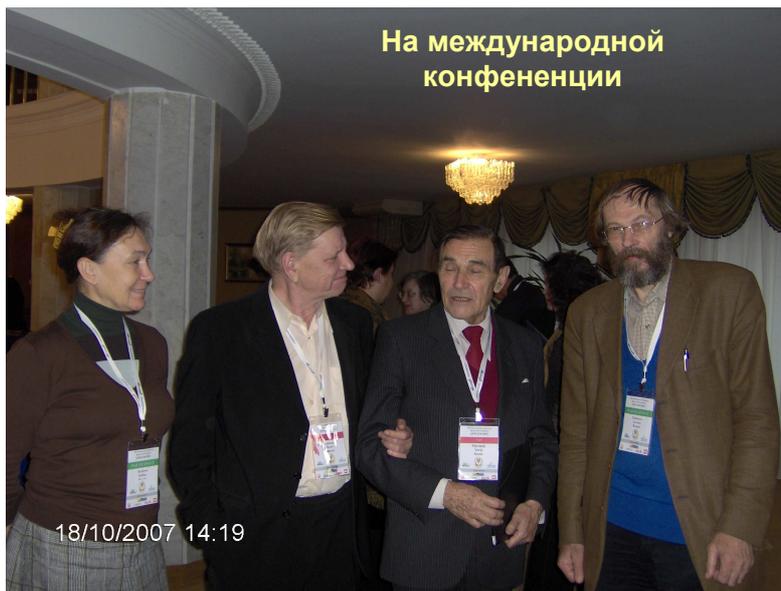
Борис:

- Доктора, да, не выросло, но кандидатов, по крайней мере - раз, два, три, четыре...- пять есть, т.е. кандидаты выросли. Но, другое дело, что ...

Николай:

- Они что, в других местах сейчас работают?

Борис:

- Да, так уж вышло - в других. Коля, я не знаю, в чём тут дело! Во мне ли, либо дело в самой проблеме. В проблему я просто был влюблён, и всё! Тут уже нечего говорить. А вот людей, которые бы были в эту проблему влюблены и полностью бы ей отдались, таких, в принципе, было очень мало. Чаще всего они как бы эксплуатировали эту идею, но цели у них были в жизни другие. Не то, чтобы развивать и продолжать, а лишь получить какие-то жизненные блага здесь и сейчас. Ну, такие люди вроде меня, наверное, редко встречаются, такие вот «упёртые идиоты». Поэтому, как та заметил, мне так и везло в жизни, может быть, не знаю.

Николай:

- И никто не остался в лаборатории, кто бы развивал эту деятельность?

Борис:

- Нет, почему же? Вот сейчас я уже передал руководство

лабораторией очень многообещающему молодому учёному - Юрасю Гецевичу, который я, очень

надеюсь, сохранит её и, может быть, как и я, свою жизнь посвятит речевым исследованиям.

Николай:

- А вот научные работы, статьи в научные журналы твои сотрудники писали или только ты один пишешь?

Борис:

- Вот, да, тут тоже уникальная ситуация. Обычно, учёного уже достигшего какого-то уровня, ну, допустим, доктора или кандидата наук, ученики к своим статьям приписывают их фамилии. У меня же чаще всего получалось наоборот: я всё время их тянул и приписывал их фамилии. То есть, из около 300 работ, которые я опубликовал,

Премьер-министр Беларуси Михаил МЯСНИКОВИЧ и вице-президент Российской академии наук Жорес АЛФЕРОВ слушают рассказ молодого ученого Юрася ГЕЦЕВИЧА о разработках синтеза белорусской и русской речи. ("Рэспубліка" за 16.11.2011 г.)

может быть можно найти лишь несколько, где бы инициатором и автором основного текста был бы не я, а мой соавтор (в частности, именно таким соавтором недавно стал Юрась Гецевич).

Николай:

- Когда и как ты решался что-то написать, изложить?

Борис:

- Просто, когда о чем-то думаешь, над чем-то работаешь, потом вдруг возникает такая ситуация, что не написать нельзя, самому очень хочется изложить это без всякого постороннего давления.

Николай:

- Ну, что ж, правильно, ты как поэт. Он же не из пальца высасывает, а пишет просто по вдохновению. Это уже накопленные знания, которые сами требуют изложения. Когда в тебе уже всё созрело - есть необходимость и желание изложить.

Борис:

- К сожалению, сейчас уже складывается такая ситуация, когда я должен зажечься какой-то новой идеей...

Николай:

- Значит, копай глубже!

Борис:

- Да, ты прав, надо копать! Попробую...

Часть 3. О НАУЧНОМ ПУТИ И ИТОГАХ

3.1. ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Борис Мефодьевич Лобанов родился 18 июля 1938 года в г. Прокопьевске Кемеровской области, Россия.

1948 г. - семья переехала в Белоруссию в г. Минск на постоянное место жительства.

1955 г. - окончил Минскую среднюю школу №13.

1955 - 1958 гг. - студент отделения «Радиосвязь и радиовещание» Минского электротехникума связи.

1958 - 1961 гг. - служба радиомастером в военно-воздушных силах СССР.

1961 - 1965 гг. - студент радиотехнического факультета Минского радиотехнического института (МРТИ), председатель студенческого научного общества.

1965 г. - опубликовал первые 4 научные работы по анализу речевых сигналов.

1965 - 1968 гг. - аспирант Минского радиотехнического института.

1966 г. - организовал хозрасчётную научную лабораторию анализа и синтеза речевых сигналов при кафедре радиоприёмных устройств МРТИ.

1967 г. - Впервые в СССР разработал устройство распознавания речевых команд «СЕЗАМ-1», отмеченное серебряной медалью ВДНХ СССР.

1968 г. - защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Некоторые вопросы анализа речевых сигналов» в Государственном НИИ Радио в г. Москве.

1969 - 1970 гг. - проходил научную стажировку в Имперском колледже науки и технологии г.Лондон и в Эддинбургском университете; по результатам стажировки опубликовал 3 статьи в престижных международных научных журналах.

1970 - 1974 гг. - старший научный сотрудник Минского радиотехнического института, руководитель хозрасчётной научной лаборатории по анализу и синтезу речевых сигналов.

1972 г. - разработал первый в СССР синтезатор русской речи «Фонемофон-1», отмеченный двумя медалями ВДНХ СССР.

1973 г. - присвоено научное звание «Старший научный сотрудник».

1974 - 1989 гг. - начальник научной лаборатории речевых систем Минского отдела Центрального НИИ Связи (г. Москва).

1976 г. - организовал и провёл в г. Минске Всесоюзную школу-семинар «Автоматическое распознавание слуховых образов».

1978 г. - приглашён на двухмесячную научную работу во Франции; принят в члены Акустического общества франкоязычных стран.

1979 г. - представлял на Всемирной выставке «Телеком-79» в г. Женева новую модель синтезатора речи - «Фонемофон-3», отмеченную дипломом выставки.

1981 г. - присвоено звание «Почётный радист СССР».

1983 г. - издана книга «Синтезированная речь в системах массового обслуживания» (совместно с Кучеровым В.Я.) в изд. "Радио и связь". М. - 130 с.

1984 г. - защитил докторскую диссертацию «Методы автоматического синтеза речи по фонемному тексту» в Институте электроники и вычислительной техники АН Лат.ССР, г. Рига.

1980 - 1988 гг. - руководил созданием промышленных систем синтеза и распознавания речи и их внедрением в отрасли «Связь» во многих городах СССР.

1988 - н.в. - заведующий лабораторией распознавания и синтеза речи Института технической кибернетики АН БССР - Объединённого института проблем информатики НАН Беларуси.

1990 г. - разработал модель микроволнового синтезатора речи - «Фонемофон-5», которая использовалась в системе «Персональный компьютер для слепых» и во многих других прикладных системах.

1992 г. - получил главный приз Международного конкурса фирмы HEWLET PACKARD за работу «Распознавание голоса».

1994 г. - разработал модель распознавания слов в потоке речи, которая использовалась при выполнении ряда международных проектов, т.ч. с компаниями SEXTANT AVIONIQUE (Франция), NOVCOM (США).

1994 г. - координатор Белорусского отделения Европейской сети по компьютерной лингвистике и речи.

1995 г. - избран академиком Международной академии информационных процессов и технологий; принят в члены Европейской ассоциации речевых исследований (ESCA).

1997 - 2006 гг. - член специализированных советов по защите докторских диссертаций при ОИПТИ НАН Беларуси и БГУИР.

1998 - 2001 гг. - профессор Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (по совместительству).

2000 г. - теоретически обосновал новое научное направление в речевых исследованиях: компьютерное клонирование речи.

2002 г. - научный эксперт Европейской сети «Языковые технологии».

2003 - 2006 гг. - профессор Института информатики Белостокского университета (по совместительству).

2006 г. - Председатель Белорусского подкомитета Международной ассоциации речевых исследований (ISCA).

2007 г. - член специализированных советов по защите докторских диссертаций при БГУ и МГЛУ.

2008 г. - издана книга «Компьютерный синтез и клонирование речи» в изд. "Белорусская Наука", Мн. - 342 с.

3.2. КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Борис Мефодьевич Лобанов родился в России 18 июля 1938 года в г. Прокопьевске Кемеровской области. В 1948 году семья переехала в Белоруссию, г. Минск на постоянное место жительства.

Уже в школе Борис Лобанов увлёкся конструированием радиоаппаратуры: в 6-м классе построил свой первый детекторный радиоприёмник, в 8-м классе - ламповый, а в 10-м классе сконструировал собственную УКВ радиостанцию и к 1955 г. окончательно определился в выборе своей будущей специальности.

В это время в Минске не существовало ВУЗа подходящего профиля, и Борис Лобанов поступил на отделение «Радиосвязь и радиовещание» Минского электротехникума связи. В техникуме он продолжал оставаться радиолюбителем, организовал первые Республиканские радиосоревнования по «Охоте на лис», получил первый разряд по радиоспорту и удостоверение радионаблюдателя за сигналами первого Спутника Земли.

После окончания техникума в 1958 г. Борис Лобанов получил диплом с отличием, но, вместо продолжения учёбы в ВУЗе, был призван на срочную - 3 года - службу в Советской армии в должности старшего радиомастера (г. Петрозаводск). Уже в 1959 г., имея достаточную специальную подготовку и хорошо оборудованную приборами радиомастерскую, Борис Лобанов самостоятельно и неожиданно для себя задался вопросом «А как же устроена естественная речевая связь между людьми?». Параллельно с изучением звуков речи с помощью микрофона и осциллографа, Борис Лобанов проводит свои увольнительные в Петрозаводской библиотеке, вступает в переписку с известным учёным, проф. Людмилой Андреевной Чистович, и получает от неё ряд ценных советов по проведению исследований речи. Сохранилась документальная запись в дневнике Лобанова, датированная 25-м октября 1959 г.: «ФОНЕМОФОН ведёт к ФОНЕМОГРАФУ». Из этой записи видно, что уже тогда Б. Лобанов осознал и определил генеральную стратегию своих будущих речевых исследований - «К распознаванию речи через синтез» - которой он неизменно следует до настоящего времени.

После окончания службы в армии Б.М. Лобанов в 1961 г. поступает в Минский радиотехнический институт и уже на первом курсе становится председателем студенческого научного общества Института, в рамках которого вместе с группой начинает разработку анализатора речевых сигналов. В 1965, будучи студентом четвёртого курса, публикует свои первые 4 научные работы по анализу речевых сигналов, которые засчитываются как дипломный проект. Одна из этих работ, «Исследование одного метода улучшения основных параметров параллельного спектрального анализа», получила дальнейшее развитие в исследованиях Б.М. Лобанова и эффективно использовалась в его дальнейших разработках.

В 1965 г. Б.М. Лобанов досрочно оканчивает Минский радиотехнический институт, поступает в аспирантуру Института и продолжает работать над задачами первичного анализа речевых сигналов для систем распознавания и синтеза речи.

Середина 60-х годов характеризуется в СССР как начальный период интенсивных исследований во всех направлениях изучения речи: физиологии образования и восприятия речи (Л.А. Чистович), фонетических явлений в устной речи (Л.В. Бондарко), распознавания слуховых образов (Н.Г. Загоруйко), математического моделирования процессов принятия решений при распознавании слов устной речи (Т.К. Винцюк, Г.С. Слуцкер) и др. направлений. Б.М. Лобанов устанавливает научные контакты с ведущими учёными, активно участвует затем как член программного комитета в проведении ежегодной Всесоюзной школы-семинара «Автоматическое распознавание слуховых образов» (АРСО).

В 1966 г. Б.М. Лобанов организовал хозрасчётную научную лабораторию анализа и синтеза речевых сигналов при кафедре радиоприёмных устройств МРТИ, многие из сотрудников которой ещё длительное время продолжали заниматься речевыми исследованиями. В лаборатории под руководством Б.М. Лобанова впервые в СССР сконструированы спектроанализатор для речевых исследований «СПЕКТР-1» и прибор для интонографических исследований речи «ИНТОНОГРАФ», которыми были оснащены лаборатории экспериментальной фонетики Института языкознания АН БССР и Минского государственного института иностранных языков. В это же время в лаборатории проводились исследования

методов автоматического выделения фонетических признаков звуков речи, таких как: «шумный», «звонкий», «гласный», «взрывной». На их основе впервые в СССР разработано устройство распознавания речевых команд «СЕЗАМ-1», отмеченное серебряной медалью ВДНХ СССР.

В эти же годы Б.М. Лобанов принял участие в решении фундаментальной проблемы распознавания речи, связанной с нелинейными искажениями временной оси в процессе произнесения звуков речи. Такого рода искажения создавали, казалось, непреодолимые трудности процессу сопоставления произносимых слов с их эталонами при распознавании речи. В 1968 г., независимо и практически одновременно Г.С. Слуцкером (Московский ГосНИИ Радио) и Т.К. Винцюком (Институт кибернетики АН УССР) было предложено воспользоваться методами динамического программирования (ДП-метод). В 1969 году Б.М. Лобанов в соавторстве с Г.С. Слуцкером опубликовал статью, в которой дано дальнейшее развитие ДП-метода для исключительно важного практического случая, когда границы распознаваемого слова неизвестны, т.е. для решения задачи обнаружения и распознавания звуко сочетаний в непрерывном речевом сигнале. ДП-метод получил в дальнейшем широкое признание зарубежных исследователей и, наряду с методом скрытых Марковских моделей (СММ), до сих пор используется в современных системах распознавания речи.

В 1968 г. Б.М. Лобанов заканчивает работу над кандидатской диссертацией «Некоторые вопросы анализа речевых сигналов» и успешно защищает её на специализированном Совете при Государственном НИИ Радио в г. Москве (официальные оппоненты: проф. И.Т. Турбович, с.н.с. А.П. Молчанов). После успешной защиты диссертации Б.М. Лобанов направляется руководством Института в ноябре 1969 г. на десятимесячную научную стажировку в Великобританию. Стажировку по проблемам анализа речевых сигналов Б.М. Лобанов проходит под руководством известного учёного проф. К. Чери в Лондонском Имперском колледже науки и технологии, а по проблемам синтеза речи - под руководством проф. Р. Лоренца в Эддинбургском университете. Научная стажировка в Великобритании была исключительно полезной с точки зрения овладения современными подходами к задачам анализа и синтеза

речи. По результатам стажировки Б.М. Лобановым были опубликованы 3 статьи в международных журналах: "Journal of the Acoustical Society of America", "IEEE Transaction on Audio and Electroacoustics".

После прохождения стажировки в Великобритании основным направлением научной работы Б.М. Лобанова и возглавляемой им хозрасчётной лаборатории становится разработка методов и устройств синтеза речи по тексту. Ещё во время стажировки в Эддинбургском университете им были проведены успешные эксперименты по синтезу звуков русской речи, позволившие заложить основы формантного синтеза речи по фонемному тексту. В результате уже в 1972 г. под руководством Б.М. Лобанова разработан первый в СССР синтезатор русской речи «Фонемофон-1», отмеченный двумя медалями ВДНХ СССР.

В 1973 г. Б.М. Лобанову присвоено научное звание «Старший научный сотрудник». На его работы по синтезу русской речи, в связи с открывающимися перспективами внедрения речевых технологий в отрасли «Связь», обратило внимание руководство Московского отделения Центрального НИИ Связи. В результате в 1974 г. на базе Минского отдела ЦНИИС была открыта Лаборатория речевых систем, руководителем которой Б.М. Лобанов оставался последующие 15 лет. Основным направлением работ Лаборатории являлось развитие методов и создание систем автоматического распознавания и синтеза речи, ориентированных на их практическое использование в отрасли «Связь».

Наряду с практической деятельностью по созданию речевых диалоговых систем Б.М. Лобанов уделяет большое внимание научно-организационной работе. В 1976 г. он организовал и провёл в г. Минске Всесоюзную школу-семинар «Автоматическое распознавание слуховых образов» (АРСО), на которой присутствовало более 200 участников из 75 различных научных организаций СССР. Школа-семинар АРСО проводилась регулярно каждые 2 года вплоть до 1991 г., а Б.М. Лобанов с 1976 г. входил в постоянно действующий программный комитет АРСО. На семинаре участникам АРСО в Минске был впервые продемонстрирован прототип телефонной справочной системы с синтезированным речевым ответом.

В 1978 г. Б.М. Лобанов по приглашению французских учёных был направлен в двухмесячную командировку во Францию для научной работы и ознакомления с работой ведущих научных центров речевых исследований: университеты - в городах Париж, Нанси и Экс-Провансальский, а также речевые лаборатории - в городах Тулуза, Гренобль, Орсей и Ланион. Он принял участие в конференции по речевой связи и был принят в члены Акустического общества франкоязычных стран.

В 1979 г. Б.М. Лобанов представлял на Всемирной выставке «Телеком-79» в г. Женева новую модель синтезатора речи - «Фонемофон-3», отмеченную дипломом выставки. Известный фантаст Артур Кларк, посетив павильон СССР и ознакомившись с синтезатором речи, записал в книгу отзывов: *«Вы предвосхитили мои фантазии из фильма «Космическая Одиссея - 2001»*, а швейцарская газета «Обозреватель» опубликовала статью: *«Теперь русские изучают иностранные языки с помощью компьютера, который говорит»*. За комплекс работ по созданию синтезаторов речи в 1981 г. Б.М. Лобанову присвоено звание «Почётный радист СССР».

В начале 80-х годов Б.М. Лобанов начинает развивать предложенный им метод артикуляторно-формантного синтеза речи по тексту, который был положен в основу нового поколения синтезаторов речи. В 1983 г. издана книга «Синтезированная речь в системах массового обслуживания» (совместно с Кучеровым В.Я.) в издательстве «Радио и связь». К началу 1984 г. относится окончательная формулировка, теоретическая и экспериментальная разработка единого лингво-акустического подхода к решению проблемы синтеза речи по тексту. Разработанные методы и алгоритмы их реализации легли в основу его докторской диссертации «Методы автоматического синтеза речи по фонемному тексту» (официальные оппоненты: проф. Н.Г. Загоруйко, проф. Фролов Г.Д. и д.т.н. Билинский И.Я.), которую он успешно защитил в 1984 г. в Институте электроники и вычислительной техники АН Лат.ССР, г. Рига. Позднее полученные теоретические и экспериментальные результаты были адаптированы для систем синтеза речи на других европейских языках. В частности, к 1987 г. благодаря сотрудничеству с доцентом Минского института иностранных языков Е.Б. Карневской была разработана англоязычная

версия синтезатора, демонстрировавшаяся на Всемирном конгрессе фонетических наук и получившая высокую оценку англоязычных специалистов.

На 80-е годы приходится период создания первых промышленных систем синтеза и распознавания речи и их широкого внедрения в отрасли «Связь» СССР при непосредственном участии Б.М. Лобанова и его коллег - Б.В. Панченко, Н.П. Дегтярёва, В.П. Афанасьева. В Калининградском ПО «Кварц» была проведена опытно-конструкторская разработка с последующим серийным производством речевого терминала «Марс-1», включающего подсистемы распознавания речи «Сезам» и синтеза речи «Фонемофон». На базе речевого терминала «Марс-1» разработана система автоматического информирования абонентов междугородной телефонной сети (АИАМТС) о задолженности за переговоры. Система АИАМТС была успешно внедрена и длительное время эксплуатировалась в ряде крупных городов: Минск, Новосибирск, Алма-Ата, Фрунзе, Петропавловск-Камчатский. Другая система - система контроля за параметрами аппаратуры телефонных- и радиостанций с оперативным оповещением дежурного персонала о возникших неполадках - была внедрена на Минской, Московской и Зеленоградской АТС, а также на Белорусской республиканской радиоретрансляционной станции РТС-5.

В 1988 г. по приглашению дирекции Б.М. Лобанов поступает на работу в Институт технической кибернетики АН БССР и возглавляет вновь созданную лабораторию распознавания и синтеза речи. Переход Б.М. Лобанова в Институт технической кибернетики совпал по времени с появлением первых персональных компьютеров, в связи с чем в планах работ лаборатории появилась тематика, связанная с оснащением ПК системами речевого ввода-вывода информации. Формантный метод, который долгое время играл ключевую роль в системах синтеза речи по тексту, не подходил для этой цели из-за необходимости большого объёма вычислений в реальном времени.

В 1989 году Б.М. Лобановым был предложен новый микроволновой (МВ) метод синтеза речевых сигналов, в котором вместо вычислений формантных колебаний использовался подготовленный заранее набор микроволн естественного речевого

сигнала. Под руководством Б.М. Лобанова МВ-метод реализован сотрудником лаборатории А.Н. Ивановым в синтезаторе «Фонемофон-5». Компактность его ПО (всего 64К байт) позволила оснастить синтезом речи уже первые IBM PC-XT и даже отечественные ПК ЕС1840. Синтезатор речи был востребован во многих практических приложениях, но особенно широко, и до сих пор ещё, он используется незрячими пользователями ПК в составе специализированных систем, разработанных сотрудником лаборатории Г.В. Лосиком. В дальнейшем на основе МВ-метода разработаны версии для чешского и польского языков, а также автономный одноплатный модуль синтеза речи, украинско-язычная версия которого некоторое время работала на линии киевского метро.

Сложная экономическая ситуация, сложившаяся в стране к середине 90-х годов, заставляла искать источники финансирования исследований за рубежом, в первую очередь, в форме совместных международных проектов.

В 1992 г. Б.М. Лобанов получил главный приз Международного конкурса фирмы HEWLET PACKARD за работу «Распознавание голоса». Важную роль в интеграции белорусских исследователей в области лингвистики и речи в европейское сообщество стало его участие в международном проекте "Развитие Европейской компьютерной сети по лингвистике и речи в восточном направлении" (1994-1996), финансируемым европейским фондом COPERNICUS. Б.М. Лобанов являлся координатором этой сети в Белоруссии.

В 1995-1996 гг. совместно с Дрезденским техническим университетом выполнялся международный проект: "Двухязычный синтез речи - немецкий/русский". Следующим был проект "Анализ естественного языка и речи" (1996-1997), выполнявшийся совместно с Саарбрюкенским университетом (Германия), Манчестерским университетом (Великобритания) и Институтом передачи информации (Россия) и финансируемый европейским фондом INTAS. Участие в этом проекте было связано с дальнейшим развитием моделей синтеза речи путём их интеграции в системы обработки естественного языка методами компьютерной лингвистики.

В 1996 г. французская фирма "СЕКСТАНТ АВИОНИК" предложила реализовать научный проект "Распознавание речевых

команд в условиях шумов в кабине самолёта". Проект финансировался фондом Министерства обороны Франции. Несмотря на исключительную сложность поставленной задачи, проект был успешно выполнен и принят заказчиком.

Другой коммерческой разработкой стал проект создания интеллектуального телефонного автоответчика, выполнявшийся с 1997 по 2000 гг. по договору с компанией «NovCom NV» (США). Суть проекта заключалась в решении задачи распознавания произносимых по телефону имён абонентов и другой служебной информации с тем, чтобы система смогла выполнять функции телефонного автосекретаря.

Б.М. Лобанов являлся научным руководителем перечисленных международных проектов. Ключевую роль в их успешной реализации сыграли также сотрудники лаборатории Т.В. Левковская, А.Н. Иванов и А.В. Кубашин.

Начиная с 2000 г. научные интересы Б.М. Лобанова от проблем распознавания вновь переходят к проблемам синтеза речи. Он теоретически обосновывает и развивает новое научное направление в речевых исследованиях - компьютерное клонирование речи - для решения задач высококачественного синтеза речи по тексту с максимально возможным приближением к голосу и манере чтения конкретного человека. За последние 7 лет Б.М. Лобановым опубликовано свыше 40 научных работ, посвящённых этой проблеме, а в 2008 г. в издательстве "Белорусская Наука" вышла книга «Компьютерный синтез и клонирование речи» (совместно с Л.И. Цирульник). Одновременно под его руководством, при активном участии Л.И. Цирульник, разрабатывается новая мультиволновая модель синтеза речи по тексту - «МультиФон», обеспечивающая высокое качество и персонализацию синтезированной речи; создаются технология и специальные программные средства клонирования акустических, фонетических и интонационных характеристик речи человека - «Фоно-ИнтоКлонатор».

Полученные в начале 2000-х годов теоретические и экспериментальные результаты позволили осуществить под научным руководством Б.М. Лобанова ряд совместных прикладных проектов.

В 2005 - 2007 гг. выполнен международный INTAS-проект «Разработка многоголосой и многоязычной системы синтеза речи по

тексту (TTS) и системы распознавания речи (STT) (языки: белорусский, польский, русский)». Участники проекта: Беларусь, Германия, Польша, Россия.

В 2006 - 2007 гг. совместно с ООО «ИнвоСервис» (г. Минск) разработана система «Чтец», ориентированная на создание и редактирование "говорящих" учебников для незрячих учеников спецшкол Белоруссии.

В 2007 - 2008 гг. совместно с ООО «ТелеКонтент» (г. Москва) разработана система синтеза речи для мобильных телефонов, позволяющая создать новый вид мобильных услуг - прослушивание аудиокниг.

С 2008 г. совместно с СТПИИРАН (г. Санкт-Петербург) проводится разработка мультимедийной системы аудио-визуального синтеза речи - т.н. «говорящей головы», которая позволит существенно улучшить комфортность восприятия речи в ряде практических приложений.

Б.М. Лобанов постоянно уделяет значительное внимание научно-организационной и педагогической работе.

С 1995 г. он является членом Европейской ассоциации речевых исследований (ESCA) и академиком Международной академии информационных процессов и технологий. С 2002 г. является научным экспертом Европейской сети «Языковые технологии», а с 2006 г. - председателем Белорусского подкомитета Международной ассоциации речевых исследований (ISCA). Б.М. Лобанов - член программных комитетов ряда международных конференций по проблемам речевых технологий и искусственного интеллекта. С 2007 г. член редколлегии вновь созданного российского журнала «Речевые технологии».

С 1998 по 2002 гг. у Б.М. Лобанов являлся по совместительству профессором Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, где читал спецкурс «Речевой интерфейс интеллектуальных систем», а с 2003 по 2006 гг. - профессором Института информатики Белостокского университета (Польша), где читал спецкурс «Структурные методы распознавания и синтеза речи».

Б.М. Лобанов активно участвует в подготовке научных кадров через аспирантуру Института. С 1997 по 2006 гг. Б.М. Лобанов - член

специализированных советов по защите докторских диссертаций при ОИПТИ НАН Беларуси и БГУИР, а с 2007 г. - член специализированных советов при БГУ и МГЛУ.

3.3. ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1968

1. Носов В. «Сезам, откройся!» (Дела студенческие) // Газета ВЕЧЕРНИЙ МИНСК, Мн., 15.04.1968.

1969

2. Мостков И. «Здравствуй, машина!» // Газета СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ, Мн., 23.12.1969.

1971

3. Егоров А. «Здесь синтезируют голос» // Журнал МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ, №3, М., 1971.

1972

4. Бирюков В. «Говорит ЭВМ» // Газета ЗНАМЯ ЮНОСТИ, Мн., 07.04.1972.

1976

5. Новиков И. «Машину учат говорить» (Рядом с исследователем) // Газета ПРАВДА, М., 08.06.1976.
6. Лазарев Л. «С Вами говорит машина» // Звуковой журнал КРУГОЗОР, №9, М. 1976.

1978

7. Мезин Ч. «Говорящая машина» // Газета ПРАВДА, М., 26.12.1978.
8. Новиков И. «Голос ставят приборы» (Служба здоровья) // Газета ПРАВДА, М., 22.10.1978.

9. Валавой А. "Яшчэ адзін цуд свету" (Навука і вытворчасць: пошукі і адкрыцці) // Газета Чырвоная змена, Мн. 11.04.1978.

1979

10. Кононов С. «Машины учатся говорить» (Горизонты технического прогресса) // Газета Вечерний Минск, Мн., 03.08.1979.
11. "La machine qui lit a haute voix" (Nouveaux venus a TELECOM-79) // Газета OBSERVATEUR, Женева, 25.09.1979.

1981

12. Патыко Д. «Поговори со мной, машина» (Репортаж с научной лаборатории). // Газета Вечерний Минск, Мн., 21.01.1981.
13. Зиновьева Н. «...И заговорила человеческим голосом» (В лабораториях учёных) // Газета Социалистическая индустрия, М., 05.06.1981.
14. Лонов А. «Рассказывает "Фонемофон"» (Репортаж с Международной выставки «Связь-81») // Газета Ленинское знамя, М., 15.09.1981.

1982

15. Иванов Н. «Вас вызывает ЭВМ» (Субботний репортаж) // Газета Вечерний Минск, Мн., 02.10.1982.

1983

16. Щербаков А. «И, подумав, машина сказала...» // Журнал Огонёк, М. 17.09.1983.
17. Новиков И. «У микрофона робот» (Рядом с исследователем) // Газета Правда, М., 26.08.1983.

1993

18. Альбертович С. «Диктант для компьютера» (Как стало известно) // Газета НАВІНЫ БЕЛАРУСКАЙ АКАДЭМІІ НАВУК, Мн. 19.02.1993.
19. «Человек научил компьютер говорить, а он его - английскому» (Интервью с Б.М. Лобановым // Газета БИС №9, Мн. 1993.

1995

20. "У лабараторыях вучоных" (Интервью с Б.М. Лобановым) // Газета НАВІНЫ БЕЛАРУСКАЙ АКАДЭМІІ НАВУК, Мн. 31.03.1995.

1996

21. Сторальчук К. «Устами компьютера...» // Газета ВЕЧЕРНИЙ МИНСК, Мн., 07.02.1996.

1999

22. Напольский Г. «Незрячий за компьютером» // Газета ВЕЧЕРНИЙ МИНСК, Мн., 24.08.1999.
23. Альбертович С. «Электронные собеседники умнеют на глазах» // НАРОДНАЯ ГАЗЕТА, Мн., 30.09.1999.
24. Лобанов Борис Мефодьевич // Беларуская энцыклапедыя: У 18т. Т.9. Мн.: БелЭн, 199, С.80.

2002

25. Клинцева Л. «Теперь ОН заговорил» // Газета МИНСКИЙ КУРЬЕР, Мн., 06.02.2002.

2005

26. Коньшева Е. «На пороге компьютерного клонирования» // Газета ВЕДЬІ, Мн., 14.10.2005.

27. Руководство и ведущие специалисты. Лобанов Борис Мефодьевич: [биограф. справка] // Объединённый институт проблем информатики: 40 лет. - Мн., 2005, С. 138-139.

2007

28. Лобанов Борис Мефодьевич // Республика Беларусь. Энциклопедия, том 4. - Мн., С. 524.

3.4. ОТ ГОЛОСА РОБОТА - К ПЕРСОНАЛЬНОМУ КЛОНУ ГОЛОСА ЧЕЛОВЕКА

(К истории русскоговорящих машин)

"Мы впервые в истории вида начинаем широко пользоваться техническими говорящими орудиями - иначе говоря, не только изготавливать орудия

(чем человек отличается от животных),

но и обучать их нашему языку

(чем мы начинаем отличаться от всех ранее живших людей)"

Из книги академика РАН
Вячеслава Всеволодовича Иванова
"Лингвистика третьего тысячелетия"

Предыстория

Из всего живого только человека Создатель наградил даром речи, благодаря чему ему удалось столь значительно развить свои интеллектуальные способности и, по мнению многих философов, стать человеку человеком. Осмелимся предположить, что нечто подобное происходит на наших глазах и с компьютером, интенсивно овладевающим широким спектром речевых технологий от работы со звуковыми файлами до синтеза, распознавания и понимания речи [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. В этой книге мы коснёмся лишь одного аспекта речевых технологий, а именно, синтеза речи, как наиболее близкого её авторам.

Первые попытки создания в России синтезаторов речи относятся к XVIII веку. Во времена правления Екатерины II Петербургская Академия Наук объявила конкурс на создание говорящей машины. Победителем конкурса стал профессор Петербургского университета Кратценштейн, который построил систему акустических резонаторов, возбуждаемых воздушным потоком и издававших гласные звуки русской речи.

Несколько позже Вольфганг фон Кемпелен разработал более сложную модель генерации связной речи (рис. 1). В ней в роли резонаторов речевого тракта выступала гибкая трубка из кожи, управляемая оператором. Имелись также отверстия для имитации

носовых полостей и ручки управления свистками, создававшими фрикативные звуки.

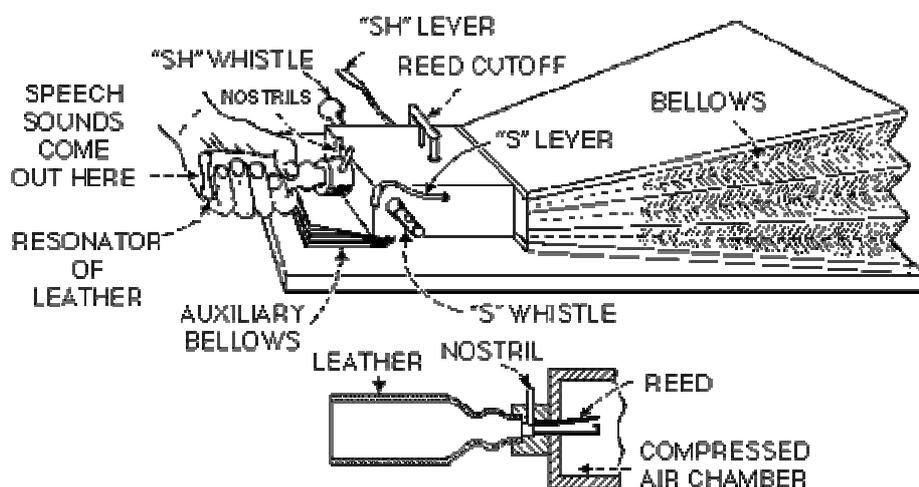

Рис.1. Синтезатор Кемпелена

Следующая заметная попытка синтеза русской речи уже относится к 30-м годам XX века, и была связана с развитием звукового кино и электронной музыки. В московской студии электронной музыки музея Скрябина инженер Е. А. Шолпо решил, что звуковую дорожку можно создать искусственно. Он рисовал в крупном масштабе рассчитанные им звуковые волны, фотографировал их кадр за кадром и проигрывал готовую пленку через кинопроектор. Хотя работа была очень трудоемкой и малопроизводительной, Шолпо озвучил этим способом несколько мультфильмов с помощью построенного им прибора - вариафона.

Хорошо знавший работы Шолпо другой сотрудник Студии - Мурзин, выбрал метод синтеза речи с помощью ряда Фурье - в виде суммы элементарных спектральных составляющих, в музыкальной акустике получивших название "чистые тона". Банк "чистых тонов" Мурзин сконструировал в виде стеклянного диска, очень похожего на современный компакт-диск. На его основе был создан синтезатор звуков под названием АНС (от инициалов композитора А.Н. Скрябина, которому посвятил свое изобретение автор). Первые модели говорящих устройств тех времен были очень похожи на музыкальные

инструменты, а обучение операторов тоже напоминало обучение музыкантов и требовало немало времени и способностей.

История “средних” лет

Начало современной истории создания русскоговорящих машин датируется серединой 60-х годов 20 века и непосредственно связано с развитием электроники и вычислительной техники. Немаловажную роль в освоении мирового технологического уровня синтеза речи того времени сыграли научные стажировки в конце 60-х годов М.Ф. Деркача в Лаборатории Фанта (Стокгольм) и одного из авторов этой книги в Лаборатории Лоренца (Эддинбург), где впервые были разработаны формантные синтезаторы речи (см. рис.2).

Рис. 2. Гуннар Фант с формантным синтезатором

С использованием формантных синтезаторов этих лабораторий были впервые получены образцы синтеза русской речи весьма высокого качества. В последующие годы наиболее интенсивные исследования и разработки синтезаторов речи в СССР проводились в Минске, Ленинграде, Москве, Таллине.

Первая, пока ещё довольно упрощённая модель синтезатора русской речи, разработанная в Минске, «ФОНЕМОФОН-1» (рис. 3) «заговорила» в начале 70-х гг. и успех в её создании был связан, прежде всего, с разработкой новых принципов формантного синтеза речевых сигналов.

Рис. 3. Синтезатор «Фонемофон-1»

Позже появилась усовершенствованная модель формантного синтеза речи, в которой были оптимизированы характеристики формантных фильтров «*ФОНЕМОФОН-2*». В 1979 г. «*ФОНЕМОФОН-3*» демонстрировался на Всемирной выставке «Телеком-79» в Женеве (см. рис. 4). Артур Кларк, посетивший павильон СССР, записал в книгу отзывов по поводу синтезатора речи: «*Вы предвосхитили мои фантазии «Космической Одиссеи - 2001».*

Рис.4. Б.М. Лобанов и синтезатор «Фонемофон-3» на Всемирной выставке «Телеком-79» в Женеве

Важную роль в создании серии промышленных синтезаторов речи сыграла разработка цифрового синтезатора «ФОНЕМОФОН-4» (1984). Его серийный выпуск впервые в СССР был налажен в ПО «Кварц» г. Калининграда благодаря энтузиазму конструктора Валерия Афонасьева. К 1986 г., в сотрудничестве с профессором кафедры фонетики Минского лингвистического университета Еленой Карневской, была разработана англоязычная версия синтезатора, демонстрировавшаяся на Всемирном конгрессе фонетических наук. Вот факсимиле отзыва об этой демонстрации уже упоминавшегося основоположника формантного синтеза речи Гуннара Фанта (рис. 5).

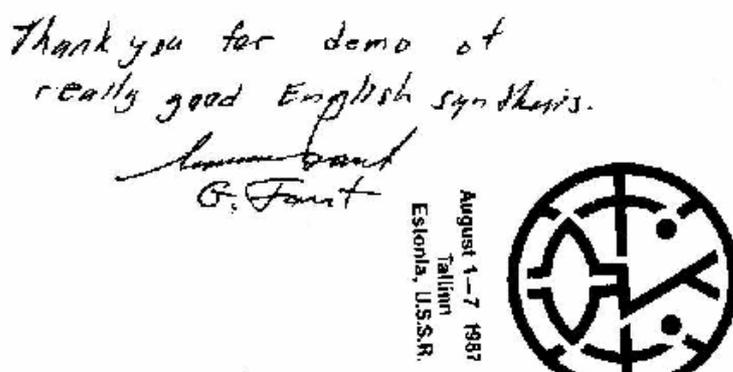

Рис.5. Отзыв Г. Фанта

Ещё долгое время формантный синтезатор играл ключевую роль в системах синтеза речи по тексту, пока в конце 80-х - начале 90-х годов не был предложен одним из авторов новый микроволновой (МВ) метод синтеза речевых сигналов, воплощённый в синтезаторе «ФОНЕМОФОН-5» инженером Александром Ивановым. Удивительная компактность созданного синтезатора (всего 64К байт) позволила оснастить синтезом речи первые персональные компьютеры класса ЕС-1840 и IBM-XT. До сих пор ещё он используется незрячими (более сотни комплектов программных продуктов для незрячих были созданы и распространены научным сотрудником Института технической кибернетики Георгием Лосиком в России, Украине и Белоруссии), а его вполне разборчивое звучание можно услышать в комплекте программ на CD ROM «Говорящая мышь», разработанных группой программистов из МГУ. На основе МВ-метода разработаны версии чешского и польского языков, а также автономный одноплатный модуль синтеза речи, украинско-язычная версия которого некоторое время работала на линиях киевского метро.

Новейшая история

К середине 90-х годов мощности персональных компьютеров так возросли, что можно было уже подумать не только о компактности программы и разборчивости речи, но и о естественности звучания синтезированного голоса. В этом направлении много сделано было на филфаке МГУ Ниной Зиновьевой и Ольгой Кривновой. В качестве элементарной единицы синтеза они предложили взять не микроволны (отдельные периоды сигнала), а целый звук - аллофон.

Следующий шаг в синтезе русской речи был сделан благодаря сотрудничеству Лаборатории экспериментальной фонетики Санкт-Петербургского университета с Национальным французским центром телекоммуникации (CNET). В течение 2-х лет (1995-96) сотрудники Лаборатории П. Скрелин и др. смогли успешно адаптировать их дифонную технологию применительно к синтезу русской речи. Этот синтезатор стал коммерческим продуктом французской фирмы ELAN под названием DIGALO (см: www.digalo.com).

В конце 1999 г. в Минске в Институте технической кибернетики (сейчас - Объединённый институт проблем информатики НАН Беларуси) после почти 5-летнего перерыва вновь возобновились интенсивные работы по синтезу речи. Сравнительно небольшой коллектив способных молодых программистов сумел на современном уровне программно реализовать многолетний «речевой» опыт одного из авторов этой книги. К настоящему времени создана серия «движков», реализующих многоголосый синтез русской речи по тексту, а также синтез белорусской, польской и английской речи. Более того, положено начало и достигнуты обнадеживающие результаты в разработке принципиально новой технологии - технологии компьютерного «клонирования» персонального голоса и речи. Но об этом более подробно будет рассказано ниже.

О чём машине говорить? Зачем Она заговорила?

Говорящий компьютер - это принципиально новое средство человеко-машинного общения, преимущества и возможности использования которого до конца ещё не осознаны широкой общественностью. Здесь уместна аналогия с немым и звуковым кино.

Дар речи "великий немой" - кинематограф - получил в конце 20-х годов, но ещё долгое время звуковые фильмы копировали приёмы режиссуры немого кино. Образно говоря, ситуация с современными компьютерами сейчас очень схожая. По-видимому, потребуется ещё немало времени, чтобы синтез речи стал органической частью компьютера и был широко востребован.

Синтезатор речи - это одна из составных частей речевого интерфейса, без которой разговор с компьютером не может состояться. При этом имеется в виду прочтение вслух произвольной текстовой информации, а не проигрывание предварительно записанных звуковых файлов. Синтезатор речи обеспечивает выдачу в речевой форме заранее неизвестной информации непосредственно по орфографическому тексту, генерируемому компьютером.

С точки зрения пользователя, наиболее разумное решение технологии синтеза речи - это включение речевых функций (в перспективе - многоязычных, с возможностями перевода) в состав операционной системы. Точно так же, как мы пользуемся командой PRINT, можно будет применять команду TALK или SPEAK. Такие команды, по-видимому, появятся в ближайшем будущем в меню общеупотребительных компьютерных приложений и в языках программирования. Важно отметить, что пользователь должен также иметь достаточные возможности по настройке голоса компьютера (индивидуальности звучания, тембра и темпа речи).

Фактически, благодаря синтезатору речи по тексту (имеющему в англоязычной литературе стандартную аббревиатуру TTS - Text-To-Speech), открывается еще один канал передачи данных от компьютера к человеку, аналогичный тому, который мы имеем благодаря монитору или принтеру. Конечно, малоэффективным было бы передавать рисунок голосом, но вот услышать электронную почту или результат поиска в базе данных в ряде случаев было бы весьма удобно, особенно если в это время глаза заняты чем-либо другим. Синтезатор речи совершенно незаменим, если вы хотите получить информацию, находясь далеко от компьютера или в движении. Воспользовавшись обычным или мобильным телефоном, можно будет связаться со своим компьютером и прослушать электронную почту или интересующую вас страничку интернет. В экстренных случаях компьютер сам сможет дозвониться до вас и, выполняя роль

секретаря, сообщить необходимую информацию.

Вышеупомянутые функции синтезатора уже сейчас крайне необходимы для лиц, имеющих проблемы со зрением. Инвалидность по зрению имеет особо тяжелые социально-психологические последствия для человека. Как образно заметил д.п.н. Георгий Лосик, «изобретая линзу, ученые не полагали, что она породит такое приспособление, как очки, которое сделает слабовидящих людей неотличимыми от зрячих. Точно так же, изобретая синтезатор речи, они не подозревали, что он совершит подобную революцию в жизни тотально незрячих людей, делая их равными со всеми в мире компьютерной информации».

Вообще, даже простое перечисление ситуаций, в которых будет полезен синтез речи - это материал для большого самостоятельного обзора.

Компьютерное "клонирование" персонального голоса и речи

Многолетние исследования, выполненные в XX веке, позволили создать синтезаторы, обеспечивающие качество и разборчивость речи, вполне пригодное для широкого спектра практических приложений. Однако, несмотря на все усилия, синтезированная речь оставалась ещё далёкой по качеству от естественной и обладала узнаваемым машинным акцентом. Причиной этому были не столько уровень наших знаний о процессах речеобразования и о фонетике, сколько нехватка вычислительных ресурсов компьютеров того времени. Сейчас мы можем не ограничивать себя ни объёмом оперативной и дисковой памяти, ни требуемым объёмом вычислений и приступить к созданию системы синтеза речи по тексту с максимально возможным приближением по звучанию к голосу и манере чтения конкретного диктора.

Такая постановка задачи, хотя и отдалённо, напоминает широко известную биологическую проблему клонирования, когда делается попытка воспроизвести живую копию на основе генетического материала только одного родителя. В нашем случае, в отличие от классической задачи клонирования, ставится цель создания близкой копии, но не биологической, а компьютерной, и не всего существа в целом (в данном случае человека), а только одной из его интеллектуальных функций: чтение произвольного

орфографического текста. При этом ставится задача максимально полного сохранения персональных акустических особенностей голоса, фонетических особенностей произношения и акцента, а также просодической индивидуальности речи (мелодика, ритмика, динамика). В принципе, в генетике рассматривается и такая возможность, как создание своеобразных "химер" из разнородного генетического материала. Применительно к технологии клонирования голоса и речи - это тот случай, когда в основу синтеза закладываются, например, акустика голоса одного диктора, фонетические особенности произношения - другого, а просодическая индивидуальность речи - третьего.

Клонирование акустических характеристик голоса

Персональные акустические характеристики голоса диктора обусловлены множеством факторов, таких как анатомические особенности строения и функционирования элементов речевого аппарата (гортань, голосовые связки, глотка, полость рта и др.), динамические особенности взаимодействия колебаний голосовых связок и резонаторов речевого аппарата ("coupling effect"), а также многое другое. Как известно, попытки имитации персональных характеристик голоса в системах «текст - речь» на основе моделирования физиологических и акустических процессов речеобразования из-за их чрезвычайной сложности до сих пор не привели к ощутимым результатам. В связи с этим наиболее разумным представляется использование отрезков натуральной речевой волны в качестве минимального "генетического материала" для клонирования голоса. В качестве таких отрезков целесообразно выбрать позиционно-комбинаторные варианты фонем - аллофоны или мультиаллофоны, ограниченный набор которых способен обеспечить порождение устной речи произвольного содержания. При этом звуковая волна содержит в себе все персональные особенности голосообразования, проявляющиеся в каждом конкретном аллофоне или мультиаллофоне.

Клонирование фонетических особенностей произношения

В отличие от персональных акустических характеристик голоса, обусловленных, в основном, статическими параметрами речевого

аппарата, фонетические особенности произношения обусловлены главным образом динамикой артикуляторных движений, осуществляемых в процессе речеобразования. Присущие данному индивиду скорость артикуляторных движений, характерные запаздывание или опережение движений отдельных артикуляторов, индивидуальные особенности артикуляции того или иного звука (например /P/), региональный или иностранный акцент, дефекты произношения некоторых звуков обуславливают возникновение своеобразных позиционных и комбинаторных оттенков фонем и создают уникальный набор аллофонов. Таким образом, успех клонирования персональных фонетических особенностей произношения зависит главным образом от успеха имитации персональных особенностей фонемно-аллофонного преобразования.

Клонирование просодических характеристик речи

Комплекс просодических (интонационных) характеристик, включающий мелодику, ритмику и энергетику речи, задаётся закономерными изменениями во времени частоты основного тона - F_0 , длительности звуков - T и амплитуды звуковых сигналов - A . Характер этих изменений определяется не только конкретным текстом, но и персональной манерой его чтения. Решение задачи клонирования просодических характеристик речи конкретного диктора заключается в создании достаточно полного набора персональных «портретов просодем» его речи.

Технология клонирования

Для успешного клонирования персональных характеристик голоса и дикции необходимо создать достаточно полные наборы звуковых волн аллофонов и интонационных «портретов» речи. В случае, если клонируемый диктор физически доступен, для этой цели используется специально разработанный компактный звуковой массив слов и отрывков текста, начитываемый им в студии или в обычных условиях. Если же клонируемый диктор недоступен, то используются уже имеющиеся записи его голоса на радио, телевидении и др.

Первые результаты по клонированию (на примере персонального голоса и дикции одного из авторов этой книги) были получены в

лаборатории распознавания и синтеза речи ОИПТИ в 2000 году [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. К настоящему времени набор клонов состоит уже из нескольких мужских и женских голосов, созданных на основе технологии компьютерного клонирования, разработанной авторами и достаточно детально описанной в данной книге. Проведенные опыты по клонированию различных голосов показали, что с использованием специально подобранных массивов слов и отрывков текста достаточно хорошие результаты могут быть получены при длительности звуковой записи порядка 5 - 10 минут. В случае использования произвольных текстов минимально необходимая длительность звуковой записи составляет порядка 20 - 40 минут.

Перспективы компьютерного клонирования

Проводимая нами аналогия между биологической проблемой клонирования и лингво-акустической проблемой синтеза персонализированной речи по тексту может стать не только лишь красивой метафорой. Во-первых, она подчёркивает общенаучную значимость, современность и сложность поставленной задачи. Во-вторых, она выделяет эту задачу в отдельный самостоятельный класс в ряду других задач современных речевых технологий. И, наконец, в-третьих, она стимулирует создание новых специализированных методик, а также автоматических и полуавтоматических методов клонирования персонального голоса и речи в системах "Текст-Речь".

Отметим также некоторые возможные коммерческие аспекты компьютерного клонирования персонального голоса и речи. По нашему мнению, найдётся большое количество пользователей компьютера, желающих, чтобы их персональный компьютер заговорил его собственным голосом. И хотя это всего лишь компьютерный, а не биологический клон, однако обладатели такого "клона" всё же могут быть уверены, что хотя бы частица их сущности - их голос и манера чтения - останутся нетленными. Многим, наверное, было бы интересно, чтобы компьютер говорил голосом близкого ему человека или голосом любимого актёра. Интересным может быть также проект оживления давно ушедших от нас голосов великих людей по оставшимся от них грамофонным или студийным записям. Таким путём можно было бы услышать голос Есенина,

читающего не читанные им ранее стихи, или голос знаменитого диктора Левитана, объявляющего новые указы Президента. В практическом плане разработка эффективной технологии клонирования голоса и речи может значительно повысить привлекательность использования синтезаторов речи в разнообразных компьютерных системах управления благодаря высокому качеству и естественности речи, её персонализации и узнаваемости голоса.

Наряду с указанными положительными примерами применения технологии «клонирования» характеристик голоса и речи человека следует отметить также и определённую опасность её недобросовестного или криминального использования. Можно представить себе, например, провокационные телефонные звонки компьютера, имитирующие голос знакомого человека, или же несанкционированное использование голоса известного актёра или общественного деятеля для целей озвучивания не вполне этических рекламных роликов. Преступник может представиться по телефону, например, менеджером банка и вынудить вас разгласить данные персонального счета, или с определённой целью завести разговор от имени известного политического лица. Однако это уже выходит за рамки проблем клонирования речи и относится к самостоятельной области информационной безопасности, обладающей собственными мощными средствами противодействия.

В биологии есть понятие о двух основных классах экспериментов по клонированию - *in Vitro*" (т.е. в пробирке) и - *in Vivo*" (т.е. в живом). Таким образом, можно сказать, что сегодня путём компьютерного воссоздания голоса человека закладываются основы нового класса экспериментов по клонированию - *in Silico*" (т.е. в микросхемах). Это может стать увлекательной перспективой для многих направлений создания систем искусственного интеллекта, наделённых неповторимыми чертами личности конкретного человека, т.е. не только его голосом, но и определённой суммой знаний, его поведенческими особенностями в той или иной области деятельности.

3.5. ЗАПИСКА ПРЕЗИДЕНТУ ЛУКАШЕНКО

(передана лично в руки во время посещения Академии наук)

21.09.1994

*Новому Президенту Беларуси -
новые информационные
технологии
государственного управления*

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

к проекту общегосударственной
кибернетической системы управления

Белорусская Речевая Управляющая Система (БелаРУС)

1. Что такое БелаРУС и какова цель ее создания?

БелаРУС - это общегосударственная кибернетическая система управления плюс принципиально новая информационная технология, обеспечивающая речевой диалог человека с компьютером. Целью ее создания является резкое сокращение громоздкого бюрократического аппарата с одновременным повышением оперативности, качества и объективности управления путем реализации оптимальных человеко-машинных моделей, пронизывающих все структуры и слои общества.

2. Чем она отличается от известных систем?

Известные компьютерные системы ориентированы на решение локальных задач управления и рассчитаны на ограниченный круг профессиональных пользователей. Создание системы *БелаРУС* позволит интегрировать

локальные системы в общенациональную, а благодаря использованию средств речевого диалога неограниченно расширить круг потенциальных пользователей интегрированной системы.

3. Почему это становится возможным?

Это становится возможным благодаря включению в состав систем управления принципиально новых средств речевого диалога, обеспечивающих:

- простоту, естественность и оперативность общения человека с системой при минимуме специальной подготовки;

- использование существующей телефонной сети и стандартных аппаратов для приема и ввода информации в режиме речевого диалога.

Образно говоря, в системе *БелаРУС* снижается до минимума психологическое и физическое расстояние между человеком и компьютером, что делает ее доступной в общенациональном масштабе.

4. Как будет функционировать система?

Система *БелаРУС* будет функционировать одновременно в пассивном и активном режимах взаимодействия с пользователем.

В **ПАССИВНОМ** режиме система постоянно ожидает обращение к ней по телефону или с другого терминала, идентифицирует абонента по паролю и в случае его допуска вступает в речевой диалог, выдает необходимые сведения или принимает от него сообщаемую информацию.

В **АКТИВНОМ** режиме система, анализируя постоянно пополняемую информацию, предсказывает возможное наступление критических ситуаций, автоматически устанавливает телефонную связь и информирует ответственных лиц о возникшей ситуации, ее последствиях и рекомендует способы решения возникшей проблемы.

Какова архитектура системы?

Система *БеларУС* строится по иерархическому принципу и включает контуры управления и учета на всех уровнях территориального и отраслевого деления. Она должна включать мощный центральный компьютер и соединенные с ним в единую сеть компьютеры средней и малой мощности (персональные компьютеры), снабженные средствами речевого диалога. Создание системы реализуется в два этапа:

- на первом этапе создаются локальные подсистемы с речевым диалогом, например, подсистемы "Президент", "Совмин", "МВД", "Банк", "Завод", "Район" и т.д.
- на втором этапе создается *Единая система БеларУС*.

6. Каким будет экономический, социальный и политический эффект?

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ эффект достигается

- благодаря внедрению научных методов управления отраслями и регионами,
- оперативности учета ресурсов и контроля исполнения на всех уровнях,
- сокращения управленческого персонала, также
- общего повышения производительности и дисциплины труда.

Кроме того, существенный экономический (а также социальный) эффект может быть получен за счет средств населения путем внедрения широкой сферы платных информационно-справочных услуг по телефону.

СОЦИАЛЬНЫЙ эффект достигается благодаря привлечению и сохранению высококвалифицированных научных кадров республики, молодых инженеров электронщиков, программистов и экономистов-выпускников ВУЗов Республики, сохранению производств и увеличению занятости в отраслях вычислительной техники и микроэлектроники.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ эффект достигается благодаря тому, что Республика Беларусь сможет показать пример самостоятельного создания высоких технологий управления, не имеющих в полном объеме аналогов нигде в мире и оказание в будущем помощи в реализации подобных проектов в других странах.

7. Какова научно-практическая реальность выполнения проекта?

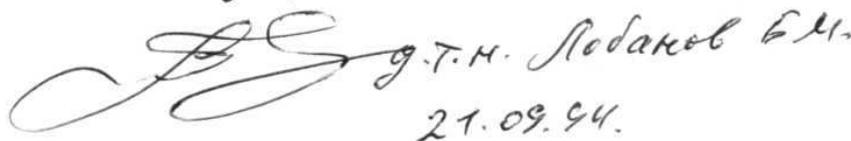
Реальность выполнения проекта гарантируется:

- высоким научно-техническим уровнем развития в Республике отраслей информатики, вычислительной техники и электроники,
- большим опытом в создании действующих локальных компьютерных систем управления, проектирования и обработки информации,
- передовым научным заделом в области создания систем речевого диалога, интеллектуальных и нейрокомпьютерных систем,
- опытом создания впервые в СССР и СНГ экспериментальных систем с телефонным речевым интерфейсом для различных отраслей Беларуси (Минсвязь-1986 г., Минжилкомхоз-1989 г., МВД-1993 г.)

8. Каковы возможные источники финансирования проекта?

Кроме соответствующего перераспределения средств государственного финансирования, источниками инвестиций в проект могут стать различные коммерческие структуры, заинтересованные в создании собственных локальных систем для работы с клиентами по телефону, например, банки, малые предприятия и т.п. Возможно, по-видимому, также привлечение иностранных инвестиций.

Составил:

 Г.Т.М. Лобанов БМ.
21.09.94.

ЭПИЛОГ

Смысл жизни, отличающий человека от других живых существ, не в биологическом воспроизводстве, а в воплощении возможности творческой реализации, через создание нового, ранее не существующего на земле: «Быть создателем! стать богом!»

"ОПТИМИСТ"

Всё сущее рождено без причины, продолжается в слабости и умирает случайно... Абсурдно, что мы родились, абсурдно, что мы умрём.

"ПИССИМИСТ"

Ещё в ранней юности я пытался понять: «В чём же состоит смысл жизни - вообще и моей в частности?», но, так и не сумев на чём-то остановиться, решил благоразумно отложить решение этого вопроса, надеясь, что к концу жизни уж точно поумнею и найду ответ. И вот, кажется, это время пришло, но вопрос оказался настолько непростым, а я не настолько поумнел, чтобы самостоятельно решить его, что

пришлось обратиться к всевозможным источникам за поиском подходящих ответов.

Я помещаю в эту книгу в качестве приложения наиболее понравившиеся мне сочинения и цитаты о смысле жизни. Я не рискую дать здесь своё собственное определение, т.к. среди помещённых в ПРИЛОЖЕНИИ определений есть немало тех, с которыми я согласен. И чтобы не навязывать своё мнение, я не выделяю их в ПРИЛОЖЕНИИ, надеясь, что каждый сам найдёт подходящее для себя определение смысла жизни и с этой точки зрения оценит насколько осмысленной оказалась жизнь, описанная в этой книге.

ПРИЛОЖЕНИЕ: О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

П 1. ВОПРОСА О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ (Василий Пономарев-Полянский)

Много лет назад, когда я только начинал учиться на философском факультете МГУ, мне пришла в голову такая мысль. Любая самоусложняющаяся система на определенном этапе своего развития должна прийти к выводу о своей принципиальной бессмысленности, логическим выводом из чего будет её самоуничтожение. Оказалось, что похожую гипотезу высказал давно не переиздававшийся у нас Эдуард фон Гартман: эволюция ведет Вселенную к самоуничтожению путем осознания собственной бессмысленности и нецелесообразности.

Уже сам факт высказывания подобных мыслей ставит интересный вопрос: каким образом природа могла дойти до того, что в процессе эволюции начинает сама себя подвергать критике и отрицанию? Ведь и Гартман, и, скажем, Шопенгауэр, и Фрейд - тоже природа, они её представители, причём из наиболее продвинувшихся. Можно, конечно, утверждать, что человек не является созданием природы и итогом эволюции. Тогда нет противоречия и в том, что человек эту природу уничтожает: он не испытывает к ней родственных чувств, да и к самому себе относится как к чему-то до ужаса непонятному. К тому же с совершенно пугающим будущим. Особенно посмертным.

Но такой взгляд не снимает, а, напротив, ужесточает вопрос о смысле человека и человечества, делает этот вопрос наиболее мучительным. Не потому ли в истории русской философии такое значительное количество произведений религиозных философов под названием "Смысл жизни" - С.Л.Франка, Е.Н.Трубецкого, М.М.Тареева и других? Как же, оставаясь на более или менее современных естественно-научных позициях (и принимая в том или ином виде теорию эволюции), объяснить такое "странное" поведение природы: она, как легендарный скорпион, жалит самоё себя? Как фундаментальная "воля" к самосохранению могла допустить издевательские выпады в её адрес со стороны любимого чада -

человека? Шопенгауэр, например, блистательно исхлестал и высмеял её. Кстати, а кто такой Шопенгауэр? Философ. Кто же дал пример такого поведения?

Обратимся к статье Н.Болдырева в сборнике "Сократ. Платон. Аристотель. Юм. Шопенгауэр. Биографические повествования" (УРАЛ, 1995): "Именно Сократ дал неслыханный толчок воспринимать логическое мышление... как самодостаточную и торжествующую силу. Греки жили пластикой, красотой, мифами, сказками, инстинктами и интуицией, глубокой верой в сакральную силу самой по себе растительной жизненной ворожбы. Явился "мудрейший из людей" и вдруг в одночасье взглянул на этот детский невинный мир глазами демонически аналитическими, бездонно ироническими. На саму жизнь здесь впервые взглянули отчужденно, извне - не из жизни. Жизнь начали оценивать, жизнь начали судить с позиций "разума", "логики", "смысла", "идеала" и т.д. и т.п."... "Речь, конечно же, не идёт о конкретной человеческой судьбе Сократа - думается, такой вины нет; речь идёт о вине метафизической... Ф.Ницше видел в Сократе нарождавшийся тип "теоретического" человека."

Значит, пресловутая "теоретизация" человека - это закономерный процесс, причём, заметим, историками культуры уже вполне подробно изученный (Романов В.Н. "Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект", М., 2003). Развитие культуры - часть развития природы (в широком понимании). То есть "теоретизация" человека - уже факт эволюции. И тут можно было бы и поспорить с Н.Болдыревым, который далее в своей статье сильно тоскует по "языческому" (в отношении абстрактного мышления) этапу жизни человечества. Эволюцию вспять не повернуть.

А теперь посмотрим, что же получилось. Именно абстрактное мышление позволило критически относиться к природе некоторым её представителям. Оно же заставляет их задуматься над будущим и его смыслом. Значительное число современных подростков задумываются над смыслом жизни, а провоцируют эти вопросы абстрактные размышления о собственном будущем. Понятно, что в традиционных, "доабстрактных" обществах такие размышления возникнуть не могли. К чему же приходит человек, абстрактно размышляющий над смыслом своей, а ещё более абстрактно - над

смыслом вообще человеческой, жизни? Дело в том, что если подойти к этому вопросу действительно строго логически, то никакого смысла жизни, конечно, нет. Это некая абстракция, которую люди и придумали, в природе же ничего подобного существовать не может (если только что-то чисто утилитарное: люди разводят коров, чтоб их потом убивать, - можно представить, что нечто подобное с людьми делают и какие-либо инопланетяне, а то и боги). А что подразумевает человек, произнося идиому "нет смысла"? Он подразумевает, что этого быть не должно. Мы вернулись к тому, с чего начали. Самоуничтожение человечества. Актуальность вопроса о смысле - итог эволюции. "Теоретический" человек всегда ставит вопрос о смысле. И этого смысла не находит, так как его нет. А запретить ставить этот вопрос уже нельзя, поскольку процесс эволюции назад не повернуть. Получается, что на этом эволюция и заканчивается...

Смысл жизни, смысл бытия — философская и духовная проблема, имеющая отношение к определению конечной цели существования, предназначения человечества, человека как биологического вида, одно из основных мировоззренческих понятий, имеющее огромное значение для становления духовно-нравственного облика личности.

Вопрос о смысле жизни также может пониматься как субъективная оценка прожитой жизни и соответствия достигнутых результатов первоначальным намерениям, как понимание человеком содержания и направленности своей жизни, своего места в мире, как проблема воздействия человека на окружающую действительность и постановки человеком целей, выходящих за рамки его жизни. В этом случае подразумевается необходимость найти ответ на вопросы:

- «В чём состоят жизненные ценности?»,
- «Что является целью (чьей-то) жизни?» (либо наиболее общей целью жизни человека как такового, человека *вообще*),
- «Зачем (для чего) мне жить?».

Вопрос о смысле жизни — одна из традиционных проблем философии, теологии и художественной литературы, где она рассматривается преимущественно с точки зрения определения, в чём состоит наиболее достойный человека смысл жизни.

Представления о смысле жизни складываются в процессе деятельности людей и зависят от их социального положения,

содержания решаемых проблем, образа жизни, миропонимания, конкретной исторической ситуации. В благоприятных условиях человек может видеть смысл своей жизни в достижении счастья и благополучия; во враждебной среде существования, жизнь может утратить для него свою ценность и смысл.

Вопросы о смысле жизни люди задавали и задают до сих пор, выдвигая соперничающие между собой гипотезы, философские, теологические и религиозные объяснения. Полученные проверяемые ответы на эти вопросы формировали науку. В данный момент наука в состоянии ответить с определённой долей вероятности на конкретные вопросы типа «Как именно ...?», «При каких условиях ...?», «Что будет, если ...?». Ненаучно поставленные вопросы, например, «В чём (что является) цель (смысл) жизни?», «Зачем мне жить?», остаются в рамках только философии и теологии. Биологические основы возникновения подобных вопросов исследуются в психологии (см. также суицид). Отдельно можно заметить, что в рамках психологии вопрос «Какова цель жизни человека вообще?» может быть изучен (и изучается), так как психология оперирует понятиями «цель», «человек» и «жизнь».

Философское видение проблемы

Интерпретацию ответа на вопрос о смысле жизни в исполнении Поля Гогена можно увидеть на его картине, Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?, оконченной в 1898 году.

Понятие смысла жизни наличествует в любой развитой мировоззренческой системе, оправдывая и истолковывая свойственные этой системе моральные нормы и ценности, демонстрируя цели, оправдывающие предписываемую ими деятельность.

Социальное положение индивидов, групп, классов, их потребности и интересы, стремления и ожидания, принципы и нормы поведения определяют содержание массовых представлений о смысле жизни, которые при каждом общественном строе имеют специфический характер, хотя и обнаруживают известные моменты повторяемости.

Подвергая теоретическому анализу представления массового сознания о смысле жизни, многие философы исходили из признания

некой неизменной «человеческой природы», конструируя на этой основе некий идеал человека, в достижении которого и усматривался смысл жизни, основное назначение человеческой деятельности.

Великие философы — такие, как Сократ, Платон, Декарт, Спиноза, Диоген и многие другие — обладали чёткими представлениями о том, *какая жизнь «лучше всего»* (а, следовательно, и более всего осмысленна) и, как правило, ассоциировали смысл жизни с понятием блага.

Древняя Греция и Рим

Древнегреческий философ и учёный-энциклопедист Аристотель, например, полагал, что целью всех человеческих поступков является счастье (eudaimonia), которое состоит в осуществлении сущности человека. Для человека, сущность которого — душа, счастье состоит в мышлении и познании. Духовная работа, таким образом, имеет преимущество над физической. Научная деятельность и занятия искусством — это так называемые дианоэтические добродетели, которые достигаются через подчинение страстей разуму^[1].

Эпикур и его последователи провозглашали целью человеческой жизни получение удовольствия (гедонизм), понимаемого не только как чувственное наслаждение, но и как избавление от физической боли, душевного беспокойства, страданий, страха смерти. Идеал — жизнь в «укромном месте», в тесном кругу друзей, неучастие в государственной жизни, отдалённое созерцание. Сами Боги, по Эпикуру, — блаженные существа, не вмешивающиеся в дела земного мира^[1].

Киники (Антисфен, Диоген Синопский) — представители одной из сократических школ греческой философии — считали конечной целью устремлений человека добродетель (счастье). По их учению, добродетель состоит в умении довольствоваться малым и избегать зла. Это умение делает человека независимым. Человек должен стать независимым от внешнего мира, который непостоянен и неподвластен ему, и стремиться к внутреннему покою. В то же время, независимость человека, к которой призывали киники, означала крайний индивидуализм, отрицание культуры, искусства, семьи, государства, имущества, науки и общественных установлений^[1].

Согласно учению стоиков, целью человеческих устремлений должна быть нравственность, невозможная без истинного познания. Душа человека бессмертна, а добродетель состоит в жизни человека, в согласии с природой и мировым разумом (логосом). Жизненный идеал стоиков — невозмутимость и спокойствие по отношению к внешним и внутренним раздражающим факторам^[1].

Иррационализм

Немецкий философ XIX века Артур Шопенгауэр определил жизнь человека как проявление некой *мировой воли*: людям кажется, что они поступают по собственному желанию, но на самом деле ими движет чужая воля. Будучи бессознательной, мировая воля абсолютно безразлична к своим творениям — людям, которые брошены ею на произвол случайно складывающихся обстоятельств. Согласно Шопенгауэру, жизнь — это ад, в котором глупец гонится за наслаждениями и приходит к разочарованию, а мудрец, наоборот, старается избегать бед через самоограничение — мудро живущий человек осознаёт неизбежность бедствий, а потому обуздывает свои страсти и ставит предел своим желаниям.

Жизнь человека, по Шопенгауэру, — это постоянная борьба со смертью, непрестанное страдание, причём все усилия освободиться от страданий приводят лишь к тому, что одно страдание заменяется другим, тогда как удовлетворение основных жизненных потребностей оборачивается лишь пресыщением и скукой^[2].

Экзистенциализм

Проблеме выбора смысла жизни, в частности, посвящены работы философов-экзистенциалистов XX века — Альбера Камю («Миф о Сизифе»), Жана-Поля Сартра («Тошнота»), Мартина Хайдеггера («Разговор на проселочной дороге»), Карла Ясперса («Смысл и назначение истории»).

Предтеча экзистенциализма, датский философ XIX века Сёрен Обю Киркегор утверждал, что жизнь полна абсурда и человек должен создавать свои собственные ценности в равнодушном мире.

Согласно философу Мартину Хайдеггеру, люди были «вброшены» в существование. Экзистенциалисты рассматривают состояние «вброшенности» в существование (*existence*) до и в контексте любых

других концепций или идей, которыми люди обладают, или определений самих себя, которые они создают.

Как сказал Жан-Поль Сартр, «существование приходит до сущности», «человек прежде всего существует, наталкивается на себя, чувствует себя в мире, а затем определяет себя. Нет никакой человеческой природы, поскольку нет никакого Бога, чтобы иметь её замысел» — следовательно, нет никакой predetermined человеческой природы или первичной оценки кроме той, что человек приносит в мир; люди могут быть оценены или определены по их действиям и выборам — «жизнь до того, как мы её проживём, — ничто, но это от вас зависит придать ей смысл»^[3].

Говоря о смысле человеческой жизни и смерти, Сартр писал: «Если мы должны умереть, то наша жизнь не имеет смысла, ибо её проблемы остаются нерешёнными и остаётся неопределённым само значение проблем... Всё сущее рождено без причины, продолжается в слабости и умирает случайно... *Абсурдно, что мы родились, абсурдно, что мы умрём*»^[4].

Современный гуманизм

Доктрина гуманизма сформулирована в «Гуманистическом манифесте» (Humanist Manifesto) и в «Декларации светского гуманизма» (A Secular Humanist Declaration).

Нигилистские взгляды

Фридрих Ницше характеризовал нигилизм как опорожнение мира и особенно человеческого существования от смысла, цели, постижимой истины или существенной ценности. Термин «нигилизм» происходит от лат. *«nihil»*, что означает «ничего». Ницше описывал христианство как нигилистическую религию, поскольку она удаляет смысл из земной жизни, концентрируясь взамен на предполагаемой потусторонней жизни. Он также видел нигилизм как естественный результат идеи «смерти Бога» и настойчиво утверждал, что эта идея была тем, что должно быть преодолено, возвращая смысл на Землю. Ф. Ницше также считал, что *смыслом жизни является подготовка Земли к появлению сверхчеловека*: «Человек — это канат, натянутый между обезьяной и сверхчеловеком», — что

имеет определенные общие черты с мнением трансгуманистов о постчеловеке, человеке будущего.

Мартин Хайдеггер описывал нигилизм как состояние в котором «...нет никакого бытия как такового», и утверждал, что нигилизм покоился на превращении бытия в простое значение.

Нигилизм отрицает требования знания и истины, и исследует смысл существования без познаваемой истины. В нём можно найти силу и причину для прославления в различных и уникальных областях человеческих отношений, которые он исследует. С нигилистической точки зрения, первоисточником моральных ценностей является индивид, а не культура или другое иное рациональное или объективное основание ^[источник не указан 515 дней]. Нигилизм, доведенный до крайнего состояния, превращается в прагматизм, отрицание того, что бесполезно и нерационально по отношению к собственному организму, служащее удовлетворению основных нужд человека; в признание того, что *лучшее, что можно сделать в этой жизни — получить от неё удовольствие.*

Позитивистские взгляды

Что касается смысла жизни, Людвиг Витгенштейн и другие логические позитивисты скажут: выраженный через язык, вопрос бессмысленен. Потому что «смысл X» это элементарное выражение (term), которое «в» жизни обозначает что-то относительно последствий X, или важности X, или что-то, что должно быть сообщено об X. и т. д.. Поэтому когда «жизнь» используется как «X» в выражении «смысл X», утверждение становится рекурсивным и, следовательно, бессмысленным.

Другими словами, вещи в личной жизни могут иметь смысл (важность), но сама жизнь не имеет никакого смысла отличного от этих вещей. В этом контексте говорится, что чья-то персональная жизнь имеет смысл (важна для самой себя или других) в форме событий, случающихся на протяжении всей этой жизни, и результатов этой жизни в терминах достижений, наследства, семьи и т. д.. Но говорить, что сама жизнь имеет смысл — это неправильно употреблять язык, так как любое замечание о важности или значении уместно только «в» жизни (для тех кто живёт её), делает утверждение ошибочным. Язык может обеспечить осмысленный ответ только если

он ссылается на области «внутри» области жизни. Но это невозможно когда вопрос выходит за границы области, в которой язык существует, нарушая контекстные ограничения языка. Таким образом вопрос разрушается. И ответ на неправильный вопрос является неправильным или неадекватным ответом.

Другие философы, помимо Витгенштейна, обращались к попыткам открыть, что является осмысленным в жизни, изучая присущее ей сознание. Но когда такие философы пытались найти глобальное определение «Смысла жизни» для человечества, им не удалось найти согласования с лингвистической моделью Витгенштейна.

Прагматический подход

Философы прагматики полагают, что вместо поисков истины о жизни мы должны искать полезное понимание жизни. Уильям Джеймс утверждал, что истина может быть создана, но не найдена. Таким образом, *смысл жизни — это вера в цель жизни*, которая не противоречит чьему-либо опыту содержательной жизни. Грубо говоря, это могло бы звучать как: *«Смыслом жизни являются те цели, которые заставляют вас ценить её»*. Для прагматика смысл жизни, вашей жизни, может быть открыт только через опыт.

На практике это означает, что для прагматиков, теоретические требования должны быть завязаны на практику верификации, то есть необходимо уметь делать предсказания и проверять их — и что, в конце концов, потребности человечества должны направлять человеческие исследования. *Смысл жизни, отличающий человека от других живых существ, не в биологическом смысле воспроизводства, а в воплощении возможности творческой реализации, через создание нового, ранее не существующего на земле!*

Смысл жизни, отличающий человека от других живых существ: «Быть создателем! стать богом!»

Точка зрения трансгуманизма

Трансгуманизм выдвигает гипотезу, что человек должен искать улучшения человеческой расы как целого. Но он идёт дальше гуманизма, подчёркивая, что человек также должен активно совершенствовать тело, используя технологии, для того чтобы

преодолеть все биологические ограничения (смертность, физические недостатки и пр.). Первоначально это означало, что человек должен стать киборгом, но с появлением биоинженерии открываются другие варианты развития. Таким образом, основная *цель трансгуманизма — это развитие человека в так называемого «постчеловека», наследника человека разумного (Homo sapiens).*^[источник не указан 515 дней]

Религиозные подходы и теории

Большинство религий охватывают и выражают определённые понятия о смысле жизни, предлагая метафизические причины для объяснения того, почему существуют люди и все другие организмы. Возможно, фундаментальное определение религиозной веры — это убеждение в том, что *жизнь служит Высшей, Божественной цели.*^[источник не указан 515 дней]

Часто предполагается, что *религия — это ответ на человеческую потребность перестать ощущать состояние растерянности или страх смерти* (и сопутствующее желание не умирать). Определяя мир за пределами жизни (духовный мир), эти потребности «удовлетворяются», обеспечивая смысл, цель и надежду для наших (в противном случае бессмысленных, бесцельных и конечных) жизней.

Большинство людей, кто верит в персонифицированного Бога, могли бы согласиться, что, именно *Бог есть Тот, «в Ком мы живём, движемся, существуем»* (цитата из древнегреческого поэта Эпименида. Именно эти слова цитирует апостол Павел проповедуя Афинянам — см. Деян. 17:28). Убеждение здесь состоит в том, что мы должны искать Высшую Силу, которая придаст нашим жизням смысл и обеспечит цели через Божественные наставления. Решение уверовать в такую власть называется «Шаг веры» (англ. leap of faith) и, в очень большой степени, эта вера определит смысл жизни.

Объективные смыслы жизни

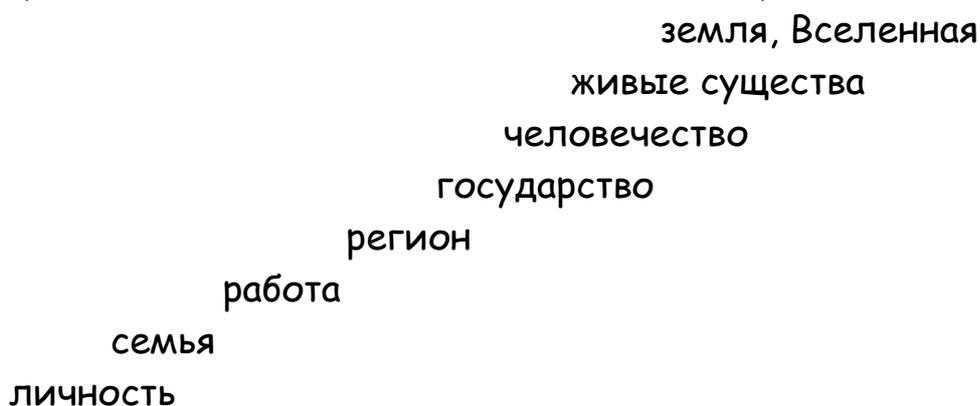
Почти все концепции смысла жизни выходят за пределы *собственно науки*, вторгаясь в область или ценностей, или убеждений, или веры. Жизнь — это единство рационального и иррационального, логического и чувственного, воли, инстинктов (Делокаров). Представление о смысле жизни зависит от мировоззренческих установок (Делокаров). Он изменяется от человека к человеку, от

ситуации к ситуации (Frankl). Поиск смысла сильно осложняет исторически непреходящая противоречивость и неясность целей человечества.

Тем не менее, на основе взятого из философии понимания смысла можно вывести представление об объективном смысле жизни (Имянитов). В «Новой философской энциклопедии» (Шредер) даётся такое определение: **«Смысл — внеположенная сущность явления, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности...»**

Таким образом, объективный смысл жизни зависит от того пласта реальности (контекста), в котором эта жизнь рассматривается. **Бесполезно искать единственный, «самый правильный», смысл жизни: он зависит от уровня рассмотрения, имеется многоступенчатая иерархия смыслов.**

Иерархию объективных смыслов жизни (ценностей) современного человека можно представить на основе приблизительной последовательности, приведённой на схеме.

Отдельный человек сосредоточивается на одном-двух звеньях приведенной цепочки, они и принимаются как смысл *его* жизни (точнее, *основной* смысл). Выбор обычно осуществляется на уровне подсознания, редко сознательно.

От выбора смысла жизни зависит судьба человека и общества, в котором он живёт. Сохраняются те люди и организации, которые *взяли на вооружение смыслы, наиболее способствующие процветанию*. При этом крайности вредны и опасны: плохо, когда смысл жизни человека бесполезен или вреден для общества; ещё хуже, если общество навязывает человеку смысл, коверкающий его жизнь.

Стремление придать жизни смысл послужило одной из главных причин возникновения религии и предшествовавших ей верований, в том числе изложенных в легендах и мифах. Поэтому представляется закономерным, что адекватное понимание высшего смысла жизни в будущем придёт на смену религии.

По мере развития цивилизации представления о высших смыслах существования человечества сильно изменяются. С расширением кругозора и ростом технических возможностей смысл жизни представляется всё более масштабным: от процветания рода, племени он переходит к процветанию страны, к процветанию человечества, цивилизации, а оно невозможно без процветания (по меньшей мере, сохранения) биосферы. Далее следуют космические масштабы: сохранение Земли от столкновений с астероидами и кометами, Солнца — от превращения в белого гиганта и красного карлика, Млечного пути (нашей галактики) — от столкновения с галактикой Андромеды.

П 2. ЦИТАТЫ:

- «Вопрос „о смысле жизни“ волнует и мучает в глубине души каждого человека. Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нём, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхличные страсти и „дела“. Но жизнь уж так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек.

Неустранимый факт приближения смерти и неизбежных её предвестников — старения и болезней, факт отмирания, скоропреходящего исчезновения, погружения в невозвратное прошлое всей нашей земной жизни со всей иллюзорной значительностью её интересов — этот факт есть для всякого человека грозное и неотвязное напоминание нерешённого, отложенного в сторону вопроса о смысле жизни.

Этот вопрос — не „теоретический вопрос“, не предмет праздной умственной игры; этот вопрос есть вопрос самой жизни, он так же страшен — и, собственно говоря, ещё гораздо более страшен, чем при тяжкой нужде вопрос о куске хлеба для утоления голода. Поистине, это есть вопрос о хлебе, который бы питал нас, и воде, которая утолила бы нашу жажду».

С. Л. Франк, «Смысл жизни»:

- «В ЖИЗНИ в буквальном смысле - СМЫСЛА НЕТ! _ Но если рассматривать ЖИЗНЬ как ИГРУ, то смысл сразу появляется, - ибо в игре присутствуют: интерес, азарт, предвкушение выигрыша и будущих всевозможных событий».

Эрдле Сергей, «Философский бриллиант»:

- «Смысл жизни Все ищут в книгах, вероятно забыв, что существует цензура...»

А. Лазртский, «Овальное зеркало Сведенборга»

- Жизнь только для того красна, кто стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели.

Иван Петрович Павлов

- Кратчайшее выражение смысла жизни может быть таким: мир движется и совершенствуется. Главная задача — внести вклад в это движение, подчиниться ему и сотрудничать с ним.

Лев Николаевич Толстой

- Нет ничего безобразней старика, который не имеет других доказательств пользы его продолжительной жизни, кроме возраста.

Луций Анней Сенека (Младший)

- Жизнь, как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна.

Луций Анней Сенека (Младший)

- Задача жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы жить согласно с внутренним, сознаваемым тобою законом.

Марк Аврелий

- Пусть дела твои будут такими великими, какими ты хотел бы их вспомнить на склоне жизни.

Марк Аврелий

- Смысл жизни — самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность — вот для чего мы живём.

Оскар Уайльд

- Трать свою жизнь на то, что переживает тебя.

Форбс

- Основа нашей удовлетворенности жизнью — ощущение своей полезности

Чарльз Уильям Элиот

- Воля к смыслу - наиболее человеческий феномен, так как только животное не бывает озабочено смыслом своего существования

Франкл В.

- Вера есть сила жизни. Если бы человек не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил

Толстой Л. Н.

- Утешиться может только тогда, когда поймешь, что жизнь в содержании, а не в сосуде.

Толстой Л. Н.

- Я считаю специфически человеческим проявлением не только ставить вопрос о смысле жизни, но и ставить под вопрос существование этого смысла

Франкл В.

- Разумное знание в лице ученых и мудрых отрицает смысл жизни, а огромные массы людей, все человечество - признают этот смысл в неразумном знании. И это неразумное знание есть вера

Толстой Л. Н.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	2
Часть 1. ЛОБАНОВЫИ:	
дед, отец, мать, брат, сестра, жена	3
1.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛОБАНОВЫИХ (в изложении брата Николая)	3
1.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛОБАНОВЫИХ (в изложении сына Николая - Володи)	4
2.1. ОТЕЦ (из стенограммы рассказа брата Николая, 2004 г.)	7
2.2. ОТЕЦ (воспоминания брата Николая, 1995 г.)	11
3.1. МАМА (из стенограммы рассказа брата Николая, 2004 г.)	16
3.2. МАМА (из стенограммы моей беседы с Ириной, 2012 г.)	19
4. МЕФОДИЙ И АВГУСТИНА (в изложении сына Николая - Володи)	21
5. МОЙ БРАТ НИКОЛАЙ (из стенограммы рассказа брата, 2004 г.)	33
6. <u>МОЯ СЕСТРА НИНА</u> (из воспоминаний брата Николая, 1995 г.)	48
6. <u>МОЯ ЖЕНА ИРИНА</u> (из стенограммы моего интервью, 2012 г.)	50

Часть 2. ОТ ДЕТСТВА К ХХІ ВЕКУ:	
в цикле бесед с братом Николаем	59
1. ДЕТСТВО, НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА	59
2. РАДИОЛЮБИТЕЛЬ, ТЕХНИКУМ СВЯЗИ	78
3. РЯДОВОЙ В/Ч, НАЧИНАЮЩИЙ РЕЧЕВИК	91
4. СТУДЕНТ - АСПИРАНТ - КАНДИДАТ НАУК	107
5. СТАЖЁР ЛОНДОНСКОГО ИМПЕРСКОГО КОЛЛЕДЖА	128
6. НАЧАЛЬНИК ЛАБОРАТОРИИ, ДОКТОР НАУК	148
8. ИНСТИТУТ КИБЕРНЕТИКИ, ХХІ-Й ВЕК	168
Часть 3. О НАУЧНОМ ПУТИ И ИТОГАХ	178
3.1. ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	178
3.2. КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	182
3.3. ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	192
3.4. ОТ ГОЛОСА РОБОТА - К ПЕРСОНАЛЬНОМУ КЛОНУ ГОЛОСА ЧЕЛОВЕКА (<i>К истории русскоговорящих машин</i>)	196
3.5. ЗАПИСКА ПРЕЗИДЕНТУ ЛУКАШЕНКО	208
ЭПИЛОГ	212
ПРИЛОЖЕНИЕ: О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ	213

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК